НЕВИДИМАЯ БРАНЬ

БЛАЖЕННОЙ ПАМЯТИ

СТАРЦА НИКОДИМА СВЯТОГОРЦА

Печатается с благословения
митрополита Ленинградского и Ладожского
Иоанна

НЕВИДИМАЯ БРАНЬ

БЛАЖЕННОЙ ПАМЯТИ

СТАРЦА НИКОДИМА СВЯТОГОРЦА

Репринтное издание

Ленинград
"Тритон"
1991

ББК 71
Н403

Н403 **Невидимая брань.** Блаженной памяти старца Никодима Святогорца: пер. с греческого. – Л.: издательское предприятие "Тритон", 1991 (репринтное воспроизведение издания 1904г.). – 304 с.

Н $\frac{0400000000 - 01}{022(01)-91}$ Без объявл. ББК 71

НЕВИДИМАЯ БРАНЬ.

БЛАЖЕННОЙ ПАМЯТИ

СТАРЦА НИКОДИМА СВЯТОГОРЦА.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ГРЕЧЕСКАГО

ЕПИСКОПА ѲЕОФАНА.

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

Изданіе четвертое

Аѳонскаго Русскаго Пантелеимонова монастыря.

МОСКВА.
Типо-Литографія И. Ефимова. Большая Якиманка, собственный домъ.
1904.

Въ подлинникѣ сей книги, въ заглавіи ея значится, что книга составлена другимъ лицемъ, нѣкимъ мудрымъ мужемъ, старецъ же Никодимъ только пересмотрѣлъ ее, исправилъ, пополнилъ и обогатилъ примѣчаніями и выписками изъ св. отцевъ, подвижниковъ. Потому старцу Никодиму она принадлежитъ больше по духу чѣмъ по буквѣ. При переводѣ сей книги сочтено болѣе пригоднымъ примѣчанія и свидѣтельства отеческія внести въ текстъ, а по причинѣ этого приходилось иной разъ измѣнять слова книги для улаженія теченія рѣчи, что допускалось индѣ и безъ этого. Потому предлагаемую книгу слѣдуетъ почитать не столько переводомъ, сколько свободнымъ переложеніемъ.

Предисловіе*).

Настоящая душеполезная книжица справедливо носитъ данное ей наименованіе: „Невидимая брань". Какъ многія изъ священныхъ и богодухновенныхъ книгъ Ветхаго и Новаго Завѣта получили свое наименованіе отъ самыхъ предметовъ, о коихъ онѣ поучаютъ (книга Бытія, напримѣръ, названа такъ потому, что возвѣщаетъ о сотвореніи и благоустроеніи всего сущаго изъ не сущаго; Исходъ, — потому что описываетъ исходъ сыновъ Израиля изъ Египта; Левитъ, — потому что содержитъ уставъ священнодѣйствій для колѣна левитскаго; книги Царствъ, — потому что повѣствуютъ о жизни и дѣяніяхъ царей; Евангелія, — потому что *благовѣствуютъ радость велію, яко родися Спасъ міру Христосъ Господь* (Лк. 2, 10. 11), и указываетъ всѣмъ вѣрный путь ко спасенію и наслѣдію вѣчно-блаженной жизни); такъ кто не согласится, что и настоящая книга, судя по содержанію ея и по предметамъ, которыми она занимается, достодолжно названа: Брань невидимая?

Ибо она поучаетъ не о какой-либо чувственной и видимой брани, и не о врагахъ явныхъ и тѣлесныхъ, но

*) Составлено старцемъ Никодимомъ въ рукописи, которою онъ пользовался.

о брани мысленной и невидимой, какую каждый христіанинъ воспріемлетъ съ того часа, какъ окрестится и дастъ предъ Богомъ обѣтъ—воевать за Него, во славу божественнаго имени Его, даже до смерти (почему написанное въ книгѣ Числъ (21, 14): *сего ради глаголется въ книзѣ: Брань Господня,* иносказательно написано о сей невидимой брани), и о врагахъ безтѣлесныхъ и неявныхъ, кои суть различныя страсти и похотѣнія плоти, и демоны злые и человѣконенавистные, день и ночь не перестающіе воевать противъ насъ, какъ сказалъ блаженный Павелъ: *нѣсть наша брань къ крови и плоти, но къ началомъ, и ко властемъ, и къ міродержителямъ тмы вѣка сего, къ духовомъ злобы поднебеснымъ* (Еф. 6, 12).

Воины, ведущіе борьбу въ этой невидимой брани, поучаетъ она, суть всѣ христіане; военачальникомъ ихъ изображается Господь нашъ Іисусъ Христосъ, окруженный и сопровождаемый тысяченачальниками и стоначальниками, т.-е. всѣми чинами ангеловъ и святыхъ; поприще брани, бранное поле, мѣсто, гдѣ происходитъ самая борьба, есть собственное наше сердце и весь внутренній человѣкъ; время брани—вся наша жизнь.

Какія же суть оружія, въ которыя облекаетъ своихъ воиновъ эта невидимая брань? Слушай. Шлемомъ для нихъ служитъ совершенное себѣ невѣріе и совершенное на себя ненадѣяніе; щитомъ и кольчугой—дерзновенная вѣра въ Бога и твердое на Него упованіе; броней и нагрудникомъ — поученіе въ страданіяхъ Господа; поясомъ—отсѣченіе плотскихъ страстей; обувью—смиреніе и немощности своей постоянное признаніе и чувство; шпорами—терпѣніе въ искушеніяхъ и отгнаніе нера-

дѣнія; мечемъ, который непрестанно держатъ они въ одной рукѣ,—молитва какъ словесная, такъ и мысленная — сердечная; копьемъ трехъострійнымъ, которое держатъ они въ другой рукѣ, — твердая рѣшимость отнюдь не соглашаться на борющую страсть, отрѣвать ее отъ себя съ гнѣвомъ и ненавидѣть отъ всего сердца; коштомъ и пищею, которыми подкрѣпляются они на сопротивленіе врагамъ—частое причастіе Богообщенія, какъ таинственнаго отъ таинственной жертвы, такъ и мысленнаго; свѣтлою и безоблачною атмосферой, дающею имъ возможность издали усматривать враговъ, — всегдашнее упражненіе ума въ познаваніи того, что право есть предъ Господомъ, всегдашнее упражненіе воли въ вождедѣваніи одного того, что благоугодно Богу, миръ и спокойствіе сердца.

Здѣсь—здѣсь, въ этой Невидимой Брани (т.-е. въ книгѣ), или лучше сказать въ этой *Брани Господней*, воины Христовы научаются познанію различныхъ прелестей, многообразныхъ козней, недомыслимыхъ лукавствъ и хитростей воинскихъ, какія употребляютъ противъ нихъ мысленные супостаты, посредствомъ чувствъ, посредствомъ фантазіи, посредствомъ лишенія страха Божія, особенно же посредствомъ четырехъ приложенныхъ, какіе вносятъ они въ сердце во время смерти, —разумѣю прилоги невѣрія, отчаянія, тщеславія и преображенія ихъ самихъ въ ангеловъ свѣта. Научаясь же распознавать все сіе, они и сами при этомъ умудряются, какъ разрушать такія козни враговъ и противоборствовать имъ, и познаютъ, какой

тактики и какого закона брани должно имъ въ какомъ случаѣ держаться, и съ какимъ мужествомъ вступать въ борьбу. И коротко скажу, этою книгою всякій человѣкъ, желающій спасенія, научается, какъ побѣждать невидимыхъ враговъ своихъ, чтобъ стяжать сокровища истинныхъ и божественныхъ добродѣтелей, и за то получить нетлѣнный вѣнецъ и залогъ вѣчный, который есть единеніе съ Богомъ, и въ нынѣшнемъ вѣкѣ и въ будущемъ.

Примите же, христолюбивые читатели, настоящую книгу радостно и благосклонно, и научаясь изъ ней искусству невидимой брани, старайтесь не просто только воевать, но и законно воевать, воевать какъ должно, чтобъ и увѣнчанными быть; потому что по Апостолу бываетъ, что иной хоть и подвизается, однакожъ не вѣнчается, если незаконно подвизался (2 Тим. 2, 5). Облекитесь въ оружія, какія она указываетъ вамъ, чтобъ на смерть поразить ими своихъ мысленныхъ и невидимыхъ враговъ, кои суть душепагубныя страсти, и ихъ устроители и возбудители — демоны. *Облецытеся во вся оружія Божія, яко возмощи вамъ стати противу козкемъ діавольскимъ* (Еф. 6, 11). Вспомните, какъ при святомъ крещеніи обѣщали вы пребывать въ отреченіи отъ сатаны, и всѣхъ дѣлъ его, и всего служенія его, и всея гордыни его, т.-е. сластолюбія, славолюбія, сребролюбія и прочихъ страстей. Подвизайтесь же, сколько можете, чтобъ обратить его вспять, посрамить и побѣдить во всемъ совершенствѣ.

А какія воздаянія и награды имѣете вы получить

за такую побѣду свою?! Весьма многія и великія. И послушайте объ нихъ изъ устъ Самого Господа, Который обѣщаетъ ихъ вамъ въ святомъ Откровеніи слово въ слово такъ: *Побѣждающему дамъ ясти отъ древа животнаго, еже есть посредѣ рая Божія* (Апок. 2, 7). *Побѣждаяй не имать вредитися отъ смерти вторыя* (Тамъ же, ст. 11), *побѣждающему дамъ ясти отъ манны сокровенныя* (Тамъ же, ст. 17). *Побѣждающему и соблюдающему дѣла Моя до конца, дамъ ему власть на языцѣхъ... и дамъ ему звѣзду утреннюю* (Тамъ же, ст. 26—28). *Побѣждаяй, той облечется въ ризы бѣлыя... и исповѣмъ имя его предъ Отцемъ Моимъ и предъ Ангелы Его* (—3, 5). *Побѣждающаго сотворю столпа въ церкви Бога Моего* (—3, 12). *Побѣждающему дамъ сѣсти со Мною на престолѣ Моемъ* (—3, 21). *Побѣждаяй наслѣдитъ вся, и буду ему Богъ, и той будетъ Мнѣ въ сына* (—21, 7).

Видите, какія удостоенія! Видите, какія воздаянія! Видите этотъ осьмисоставный и многоцвѣтный нетлѣнный вѣнецъ, или лучше, эти вѣнцы, которые сплетаются для васъ, братіе, если побѣдите діавола! Вотъ объ этомъ теперь и пекитесь, изъ за этого подвизайтесь и отъ всего воздерживайтесь, *да никтоже пріиметъ вѣнца* вашего (Апок. 3, 11). Ибо воистину, стыдъ великій, что тѣ, которые подвизаются на ристалищахъ въ тѣлесныхъ и внѣшнихъ подвигахъ, въ пять разъ больше отъ всего воздерживаются, чтобы получить какой-нибудь тлѣнный вѣнецъ изъ дикой маслины, или изъ пальмовой вѣтви, или изъ финиковой, или изъ лавровой, или изъ миртовой, или изъ дру-

гаго какого растенія; а вы, имѣющіе получить такой нетлѣнный вѣнецъ, проводите жизнь свою въ нерадѣніи и безпечности. Не пробудитъ ли васъ отъ этого сна хоть слово св. Павла, который говоритъ: *не вѣсте ли, яко текущіи въ позорищи, вси убо текутъ, единъ же пріемлетъ честь? Тако тецыте, да постигнете: всякъ бо подвизаяйся отъ всѣхъ воздержится: и они убо да истлѣненъ вѣнецъ пріимутъ, мы же неистлѣненъ* (1 Кор. 9, 24. 25).

Если же, воодушевившись ревностію, сподобитесь вы такой побѣды и такихъ свѣтлыхъ вѣнцовъ; то не забудьте тогда, братіе мои, помолиться ко Господу о прощеніи грѣховъ и того, кто былъ вамъ споспѣшникомъ къ полученію такого блага посредствомъ настоящей книги. Прежде же всего не забудьте воздѣть очи свои къ Небу и воздать благодареніе и славу первому Источнику и Совершителю такой вашей побѣды, Богу и Началовождю вашему Іисусу Христу, говоря каждый къ Нему оное Зоровавелево слово: „отъ Тебя, Господи, побѣда,.. и Твоя есть слава; я же точію рабъ Твой“ (2 Ездры 4, 59), и другое, пророкомъ Давидомъ изреченное: *Тебѣ, Господи, величество, и слава, и одолѣніе, и исповѣданіе, и крѣпость* (1 Паралип. 29, 11), нынѣ и во вѣки вѣковъ. Аминь.

НЕВИДИМАЯ БРАНЬ.

БЛАЖЕННОЙ ПАМЯТИ

СТАРЦА НИКОДИМА АГІОРИТА.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Глава первая.

Въ чемъ состоитъ христіанское совершенство?— Для стяжанія его необходима брань.—Четыре вещи, крайне потребныя для успѣха въ сей брани.

———

Всѣ мы естественно желаемъ, и заповѣдь имѣемъ быть совершенными. Господь заповѣдуетъ: *будите вы совершени, яко Отецъ вашъ небесный совершенъ есть* (Мѳ. 5, 48); св. Павелъ убѣждаетъ: *злобою младенствуйте, умы же совершении бывайте* (1 Кор. 14, 20); въ другомъ мѣстѣ у него же читаемъ: *да будете совершени и исполнени* (Кол. 4, 12), и опять: *на совершеніе да ведемся* (Евр. 6. 1). Предначертывалась эта заповѣдь и въ Ветхомъ Завѣтѣ. Такъ Богъ говоритъ Израилю во Второзаконіи: *совершенъ да будеши предъ Господемъ Богомъ твоимъ* (—18, 13). И св. Давидъ тоже заповѣдуетъ сыну своему Соломону: *и нынѣ, Соломоне сыне мой, да знаеши Бога отцевъ твоихъ, и служи Ему сердцемъ совершеннымъ и душевною волею* (1 Паралип. 28, 9). Послѣ сего не можемъ не видѣть, что Богъ требуетъ отъ христіанъ полноты совершен-

ства, требуетъ т.-е., чтобы мы были совершенны во всѣхъ добродѣтеляхъ.

Но если ты, возлюбленный во Христѣ читатель мой, желаешь достигнуть такой высоты, надобно тебѣ напередъ узнать, въ чемъ состоитъ христіанское совершенство. Ибо не узнавши этого, можешь уклониться съ настоящаго пути и, думая, что течешь къ совершенству, направляться совсѣмъ въ другую сторону

Скажу прямо: самое совершенное и великое дѣло, котораго только можетъ желать и достигнуть человѣкъ, есть сближеніе съ Богомъ и пребываніе въ единеніи съ Нимъ.

Но не мало такихъ, которые говорятъ, что совершенство жизни христіанской состоитъ въ пощеніяхъ, бдѣніяхъ, колѣнопреклоненіяхъ, спаніи на голой землѣ, и въ другихъ подобныхъ строгостяхъ тѣлесныхъ. Иные говорятъ, что оно состоитъ въ совершеніи многихъ молитвословій дома и въ выстаиваніи долгихъ службъ церковныхъ. А есть и такіе, которые полагаютъ, что совершенство наше всецѣло состоитъ въ умной молитвѣ, въ уединеніи, отшельничествѣ и молчаніи. Наибольшая же часть ограничиваютъ сіе совершенство точнымъ исполненіемъ всѣхъ, уставомъ положенныхъ, подвижническихъ дѣланій, не уклоняясь ни къ излишеству, ни къ недостатку въ чемъ-либо, а держась золотой средины. Однакожъ всѣ эти добродѣтели однѣ не составляютъ искомаго христіанскаго совершенства, но суть лишь средства и способы къ достиженію его.

Что онѣ суть средства и средства дѣйственныя къ достиженію совершенства въ христіанской жизни, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Ибо видимъ очень многихъ добродѣтельныхъ мужей, которые проходятъ, какъ должно, сіи добродѣтели, съ тою цѣлію, чтобы получить чрезъ это силу и мощь противъ своей

грѣховности и худости,—чтобы почерпнуть изъ нихъ мужество противостоять искушеніямъ и обольщеніямъ трехъ главныхъ враговъ нашихъ: плоти, міра и діавола,—чтобы запастись въ нихъ и чрезъ нихъ духовными пособіями, столь необходимыми для всѣхъ рабовъ Божіихъ, особенно же для новоначальныхъ. Они постятся, чтобъ смирить плоть свою буйную; совершаютъ бдѣнія, чтобы изощрять око свое умное; спятъ на голой землѣ, чтобъ не разнѣживаться сномъ; связываютъ языкъ молчаніемъ и уединяются, чтобы избѣжать и малѣйшихъ поводовъ къ учиненію чего-либо оскорбляющаго Всесвятаго Бога; творятъ молитвы, выстаиваютъ службы церковныя и иныя совершаютъ дѣла благочестія, для того, чтобъ вниманіе ихъ не отходило отъ вещей небесныхъ; читаютъ о жизни и страданіяхъ Господа нашего, не для другаго чего, какъ для того, чтобы лучше познать собственную свою худость и благосердую благость Божію, — чтобъ научиться и расположиться послѣдовать Господу Іисусу Христу, съ самоотверженіемъ и крестомъ на раменахъ своихъ, и чтобъ паче и паче возгрѣвать въ себѣ любовь къ Богу и нелюбіе къ себѣ.

Но съ другой стороны эти же добродѣтели тѣмъ, которые въ нихъ полагаютъ всю основу своей жизни и своего упованія, могутъ причинить большій вредъ, нежели явныя ихъ опущенія,—не сами по себѣ,—потому что онѣ благочестны и святы,—а по винѣ тѣхъ, которые, не какъ должно, пользуются ими,—именно, когда они, внимая только симъ добродѣтелямъ, внѣшно совершаемымъ, оставляютъ сердце свое тещи въ собственныхъ своихъ воленіяхъ и въ воленіяхъ діавола, который, видя, что они соступили съ праваго пути, не мѣшаетъ имъ не только съ радостію подвизаться въ этихъ тѣлесныхъ подвигахъ, но и расширять и

умножать ихъ, по суетному ихъ помыслу. Испытывая при семъ нѣкоторыя духовныя движенія и утѣшенія, дѣлатели сіи начинаютъ думать о себѣ, что возвысились уже до состоянія чиновъ Ангельскихъ и чувствуютъ въ себѣ присутствіе Самого Бога; иной же разъ, углубившись въ созерцаніе какихъ-либо отвлеченныхъ, не земныхъ вещей, мечтаютъ о себѣ, будто совсѣмъ выступили изъ области міра сего и восхищены до третьяго неба.

Но какъ погрѣшительно дѣйствуютъ таковые, и какъ далеко отстоятъ отъ истиннаго совершенства, это всякій можетъ уразумѣть, судя по жизни ихъ и по ихъ нраву. Они обыкновенно желаютъ, чтобъ ихъ предпочитали другимъ во всякомъ случаѣ; они любятъ жить по своей волѣ и всегда упорны въ своихъ рѣшеніяхъ; они слѣпы во всемъ, что касается ихъ самихъ, но весьма зорки и старательны въ разбирательствѣ дѣлъ и словъ другихъ; если кто начнетъ пользоваться почетомъ у другихъ, какой, какъ имъ думается, имѣютъ они, они не могутъ этого стерпѣть и явно дѣлаются немирными къ нему: если кто помѣшаетъ имъ въ ихъ благочестивыхъ занятіяхъ и подвижническихъ дѣланіяхъ, особенно въ присутствіи другихъ, — Боже сохрани! — они тотчасъ возмущаются, тотчасъ кипятятся гнѣвомъ и становятся совсѣмъ другими, на себя непохожими.

Если Богъ, желая привести ихъ къ познанію себя самихъ и направить на истинный путь къ совершенству, пошлетъ имъ скорби и болѣзни, или попуститъ подвергнуться гоненіямъ, которыми обычно Онъ испытываетъ, кто истинные и настоящіе рабы Его; тогда обнаруживается, что сокрывалось въ сердцѣ ихъ, и какъ глубоко растлѣны они гордостію. Ибо какая бы ни случилась съ ними прискорбность, они не хотятъ

подклонить выю свою подъ иго воли Божіей, упокоеваясь на праведныхъ и сокровенныхъ судахъ Его, и не желаютъ, по примѣру смирившаго Себя ради насъ и пострадавшаго Господа нашего Іисуса Христа, Сына Божія, смирить себя паче всѣхъ тварей, почитая любезными друзьями гонителей своихъ, какъ орудія божественной къ нимъ благостыни и споспѣшниковъ ихъ спасенія.

Почему очевидно, что они находятся въ великой опасности. Имѣя внутреннее свое око, т.-е. умъ свой помраченнымъ, имъ смотрятъ они и на самихъ себя, и смотрятъ невѣрно. Помышляя о внѣшнихъ своихъ дѣлахъ благочестія, что они хороши у нихъ, они думаютъ, что достигли уже совершенства, и возгордѣваясь отъ этого, начинаютъ осуждать другихъ. Послѣ сего нѣтъ уже возможности, чтобъ кто-либо изъ людей обратилъ таковыхъ, кромѣ особаго Божія воздѣйствія. Удобнѣе обратится на добро явный грѣшникъ, нежели скрытный, укрывающійся подъ покровомъ видимыхъ добродѣтелей.

Теперь, узнавши такъ ясно и опредѣленно, что духовная жизнь и совершенство не состоятъ въ однихъ тѣхъ видимыхъ добродѣтеляхъ, о которыхъ мы сказали, узнай и то, что она не состоитъ и въ другомъ чемъ, кромѣ какъ въ сближеніи съ Богомъ и въ единеніи съ Нимъ, какъ сказано вначалѣ, — въ связи съ чѣмъ состоятъ сердечное исповѣданіе благости и величія Божія и сознаніе собственной нашей ничтожности и склонности на всякое зло; любовь къ Богу и нелюбіе къ себѣ самимъ; подчиненіе себя не только Богу, но и всѣмъ тварямъ изъ любви къ Богу, отверженіе всякой собственной нашей воли и совершенная покорность волѣ Божіей; и при томъ желаніе всего этого и совершеніе отъ чистаго сердца, во славу Божію (1 Кор.

10, 31), только для одного благоугожденія Богу, только потому, что такъ хочетъ Онъ Самъ, и что такъ надлежитъ намъ любить Его и работать Ему.

Вотъ законъ любви, начертанный перстомъ Самого Бога въ сердцахъ вѣрныхъ рабовъ Его! Вотъ отверженіе самихъ себя, какого требуетъ отъ насъ Богъ! Вотъ благое иго Іисусъ-Христово и легкое бремя Его! Вотъ покорность волѣ Божіей, которой требуетъ отъ насъ Искупитель нашъ и Учитель и собственнымъ примѣромъ Своимъ и Своимъ словомъ! Ибо не повелѣлъ ли нашъ Начальникъ и Совершитель нашего спасенія Господь Іисусъ говорить въ молитвѣ своей къ небесному Отцу: *Отче нашъ!... да будетъ воля Твоя. яко на небеси и на земли* (Мѳ. 6, 10)? И Самъ Онъ. вступая въ подвигъ страданій, не возглашалъ ли: *не Моя, Отче, но Твоя да будетъ воля* (Лк. 22, 42)! И о всемъ дѣлѣ Своемъ не сказалъ ли: *снидохъ съ небесе, не да творю волю Мою, но волю пославшаго Мя Отца* (Ін. 6, 38)?

Видишь теперь, брате, въ чемъ дѣло. Предполагаю, что ты изъявляешь готовность и порываешься достигнуть высоты такого совершенства. Буди благословенно рвеніе твое! Но уготовься и на труды, поты и боренія съ первыхъ же шаговъ теченія твоего. Все долженъ ты предать въ жертву Богу и творить одну волю Его. Но ты въ себѣ самомъ встрѣтишь столько воленій. сколько у тебя силъ и потребностей, которыя всѣ требуютъ удовлетворенія, не взирая на то, согласно ли то съ волею Божіею. Потому для достиженія вожделанной тобою цѣли, тебѣ необходимо сначала подавлять свои собственныя воленія, а наконецъ и совсѣмъ ихъ погасить и умертвить; а чтобъ успѣть въ этомъ, должно тебѣ непрестанно себѣ противиться въ худомъ и принуждать себя на доброе, — иначе,—должно не-

престанно бороться съ собою и со всѣмъ, что благопріятствуетъ твоимъ воленіямъ, возбуждаетъ и поддерживаетъ ихъ. Уготовься же на такое бореніе и на такую брань, и вѣдай, что вѣнецъ,—достиженіе вожделанной тобою цѣли,—не дается никому кромѣ доблестнымъ воителей и борцевъ.

Но сколько брань сія наитруднѣйша есть паче всякой другой,—такъ какъ вступая въ брань съ собою, въ себѣ же самихъ встрѣчаемъ и противовоителей,—столько же побѣда въ ней наиславнѣйша паче всякой другой, и—главное—паче всего благоугоднѣйша Богу. Ибо если, воодушевясь ревностію, побѣдишь и умертвишь безпорядочныя страсти свои, свои похотѣнія и воленія, то благоугодишь Богу паче и поработаешь Ему благолѣпнѣе, нежели избичевывая себя до крови и истощая себя постомъ больше всѣхъ древнихъ пустынножителей. Даже то, если ты, искупивъ сотни рабовъ-христіанъ изъ рабства у нечестивыхъ, дашь имъ свободу, не спасетъ тебя, если ты при этомъ самъ пребываешь въ рабствѣ у страстей. И какое бы вообще дѣло, будь оно самое великое, ни предпринялъ ты, и съ какимъ трудомъ и какими пожертвованіями ни совершилъ бы его, не доведетъ оно до той цѣли, какую достигнуть возжелалъ ты, если притомъ ты оставляешь безъ вниманія страсти свои, давая имъ свободу жить и дѣйствовать въ тебѣ.

Наконецъ, послѣ того какъ узналъ ты, въ чемъ состоитъ христіанское совершенство, и что для достиженія его необходимо тебѣ вести непрестанную и жестокую брань съ самимъ собою, надлежитъ тебѣ, если истинно желаешь сдѣлаться побѣдителемъ въ сей невидимой брани и сподобиться достодолжнаго за то вѣнца, водрузить въ сердцѣ своемъ слѣдующія четыре расположенія и духовныя дѣланія, какъ-бы облещись

въ невидимыя оружія, самыя благонадежныя и всепобѣдительныя, — именно: а) никогда ни въ чемъ не надѣяться на себя; б) носить въ сердцѣ всегда полное и вседерзновенное упованіе на единаго Бога; в) непрестанно подвизаться и г) всегда пребывать въ молитвѣ.

Глава вторая.

Никогда ни въ чемъ не дожно вѣрить себѣ самимъ и надѣяться на самимъ себя.

Не полагаться на самихъ себя, возлюбленный мнѣ брате, столь необходимо въ нашей брани, что безъ сего, будь въ томъ увѣренъ, не только не возможешь одержать желаемой побѣды, не устоишь даже въ самомъ незначительномъ нападеніи на тебя врага. Напечатлѣй это поглубже въ умѣ своемъ и сердцѣ.

Со времени преступленія прародителя нашего, мы, не смотря на разслабленіе своихъ духовно-нравственныхъ силъ, обыкновенно думаемъ о себѣ очень высоко. Хотя каждодневный опытъ очень впечатлительно удостовѣряетъ насъ въ лживости такого о себѣ мнѣнія, мы въ непонятномъ самопрельщеніи не перестаемъ вѣрить, что мы нѣчто, и нѣчто не маловажное. Эта однакожъ духовная немощь наша, весьма трудно притомъ замѣчаемая и сознаваемая, паче всего въ насъ противна Богу, какъ первое исчадіе нашей самости и самолюбія и источникъ, корень и причина всѣхъ страстей и всѣхъ нашихъ паденій и непотребствъ. Она затворяетъ ту дверь въ умѣ или духѣ, чрезъ которую одну обыкновенно входитъ въ насъ благодать Божія, не давая благодати сей внити внутрь и вообитать въ человѣкѣ. Она и отступаетъ отъ него. Ибо какъ можетъ благодать, для просвѣщенія и помощи,

войти въ того человѣка, который думаетъ о себѣ, что онъ есть нѣчто великое, что самъ все знаетъ и не нуждается ни въ чьей сторонней помощи? — Господь да избавитъ насъ отъ такой люциферовской болѣсти и страсти?—Имѣющихъ эту страсть самомнѣнія и самоцѣна Богъ строго укоряетъ чрезъ пророка, говоря: *горе, иже мудри въ себѣ самихъ, и предъ собою разумни* (Ис. 5, 21). Почему Апостолъ и внушаетъ намъ: *не бывайте мудри о себѣ* (Рим. 12, 16).

Ненавидя же это злое въ насъ самомнѣніе, Богъ ничего напротивъ такъ не любитъ и такъ не желаетъ видѣть въ насъ, какъ искреннее сознаніе своей ничтожности и полное убѣжденіе и чувство, что всякое въ насъ добро, въ нашемъ естествѣ и нашей жизни, происходитъ отъ Него единаго, какъ источника всякаго блага, и что отъ насъ не можетъ произойти ничего истинно добраго, ни помыслъ добрый, ни доброе дѣло. Почему Самъ же Онъ и печется промыслительно насадить этотъ небесный ростокъ въ сердцахъ возлюбленныхъ друговъ Своихъ, возбуждая въ нихъ нецѣненіе себя и утверждая ненадѣяніе на себя, иногда чрезъ благодатное воздѣйствіе и внутреннее озареніе, иногда внѣшними ударами и скорбями, иногда нечаянными и почти непреодолимыми искушеніями, а иногда и другими способами, для насъ не всегда понятными.

При всемъ томъ однакожъ, т.-е. хотя это нечаяніе отъ себя ничего добраго и ненадѣяніе на себя есть Божіе въ насъ дѣло,—мы и съ своей стороны должны дѣлать всякія усилія для стяжанія такого расположенія, дѣлать все, что можемъ, и что въ нашей власти. И я, брате мой, намѣчаю тебѣ здѣсь четыре дѣланія, въ силу которыхъ ты, съ Божіею помощію, можешь улучить наконецъ невѣріе себѣ, или то, чтобъ никогда ни въ чемъ на себя не надѣяться.

а) Познай свое ничтожество и постоянно содержи въ мысли, что ты самъ собою не можешь дѣлать никакого добра, за которое оказался бы достойнымъ царствія небеснаго. Слушай, что говорятъ богомудрые отцы: Петръ Дамаскинъ увѣряетъ, что „ничего нѣтъ лучше, какъ познать свою немощность и невѣдѣніе, и ничего нѣтъ хуже, какъ не сознавать этого" (Греч. Добротол. стр. 611). Св. Максимъ Исповѣдникъ учитъ, что „основаніе всякой добродѣтели есть познаніе человѣческой немощности" (Доброт. греч. стр. 403). Св. Златоустъ утверждаетъ, что „тотъ только и знаетъ себя наилучшимъ образомъ, кто думаетъ о себѣ, что онъ ничто."

б) Ищи помощи въ семъ у Бога въ теплыхъ и смиренныхъ молитвахъ; ибо это Его есть даръ. И если ты желаешь получить его, то тебѣ надлежитъ прежде водворить въ себѣ убѣжденіе, что ты не только не имѣешь такого о себѣ сознанія, но что и стяжать его совсѣмъ не можешь самъ собой; затѣмъ дерзновенно предстоя предъ величіемъ Бога и твердо вѣруя, что по безмѣрному Своему благоутробію Онъ всеконечно даруетъ тебѣ такое себя познаніе, когда и какъ знаетъ, не допускай уже отнюдь ни малѣйшаго сомнѣнія, что ты дѣйствительно получишь его.

в) Привыкай всегда опасаться за себя и бояться безчисленныхъ враговъ своихъ, которымъ не можешь ты противостоять и малое время; бойся долгаго ихъ навыка вести съ нами брань, ихъ вселукавства и засадъ, ихъ преображенія въ ангеловъ свѣта, ихъ безчисленныхъ козней и сѣтей, которыя тайно разставляютъ они на пути твоей добродѣтельной жизни.

г) Если впадешь въ какое-либо прегрѣшеніе, какъ можно живѣе обращайся къ узрѣнію немощности своей и сознанію ея. На тотъ конецъ Богъ и попустилъ тебя

пасть, чтобы ты лучше познал слабость свою, и такимъ образомъ не только самъ научился презирать себя самого, но возжелалъ быть презираемымъ и отъ другихъ, по причинѣ толикой слабости своей. Вѣдай, что безъ такого желанія невозможно возродиться въ тебѣ и укорениться благодѣтельному невѣрію себѣ, въ которомъ основаніе и начало истиннаго смиренія, и которое само имѣетъ основу въ сказанномъ опытномъ познаніи своего безсилія и своей ненадежности.

Изъ сего всякій видитъ, сколь необходимо для желающаго стать причастникомъ свѣта небеснаго, познать самого себя, и какъ къ таковому познанію благость Божія гордыхъ и самонадѣянныхъ обычно приводитъ посредствомъ ихъ паденій, праведно попуская имъ впасть въ то самое прегрѣшеніе, отъ котораго предохранить себя они сами себя считаютъ довольно сильными, да познаютъ немощность свою, и да не дерзаютъ болѣе полагаться на себя какъ въ этомъ, такъ и во всемъ другомъ.

Однакожъ это средство, хотя и очень дѣйствительное, но и не безопасное, Богъ не всегда употребляетъ, но когда уже всѣ другія средства, болѣе легкія и свободныя, о которыхъ мы помянули, не приводятъ человѣка къ самопознанію. Тогда уже наконецъ попускаетъ Онъ человѣку падать въ грѣхи, большіе или малые, судя по великости или малости его гордости, самомнѣнія и самонадѣянности, такъ что гдѣ нѣтъ такого самомнѣнія и самонадѣянности, тамъ не бываетъ и вразумительныхъ паденій. Почему, когда случится тебѣ пасть, спѣшно бѣги помыслами къ смиренному самопознанію и уничиженному о себѣ мнѣнію и чувству, и докучательною молитвою взыщи у Бога дарованія тебѣ истиннаго свѣта, для познанія ничтожности своей и утвержденія сердца своего въ ненадѣяніи на себя, что-

бы опять не впасть въ тоже, или еще въ болѣе тяжкое и разорительное прегрѣшеніе.

Прибавлю къ сему, что не только когда кто впадетъ въ какой-либо грѣхъ, но и когда подпадаетъ какому несчастію, бѣдствію и скорби, особенно тѣлесной болѣзни, не легкой и долговременной, должно ему разумѣть, что сіе страждетъ онъ, чтобъ пришелъ въ самопознаніе, именно въ сознаніе своей немощности и смирился. На этотъ конецъ и для этой цѣли попускается Богомъ, чтобъ находили на насъ всякаго рода искушенія отъ діавола, отъ людей и отъ поврежденнаго естества нашего. И св. Павелъ, эту цѣль видя въ искушеніяхъ, какимъ подвергался онъ въ Асіи, говорилъ: *сами въ себѣ осужденіе смерти имѣхомъ, да не надѣющеся будемъ на ся, но на Бога, возставляющаго мертвыя* (2 Кор. 1, 9).

И еще приложу: кто хочетъ познать немощность свою изъ самой дѣйствительной своей жизни, тотъ пусть, не говорю много дней, но хоть одинъ день, понаблюдетъ свои помыслы, слова и дѣла, — о чемъ думалъ, что говорилъ и дѣлалъ. Несомнѣнно найдетъ онъ, что большая часть его помысловъ, словъ и дѣлъ были погрѣшительны, неправы, неразумны и худы. Такой опытъ впечатлительно дастъ ему понять, сколько онъ нестроенъ въ себѣ и немощенъ; а отъ такого понятія, если онъ искренно желаетъ себѣ добра, доведетъ до восчувствованія, сколь нелѣпо ожидать какого-либо добра отъ себя одного и надѣяться на себя.

Глава третья.

О надеждѣ на единаго Бога и увѣренности въ Немъ.

Хотя въ невидимой нашей брани столь необходимо, какъ мы сказали, отнюдь не надѣяться на себя са-

михъ; при всемъ томъ, если мы только отложимъ всякую на себя надежду и отчаемся въ себѣ, не приискавши другой опоры, то или тотчасъ убѣжимъ съ поля брани, или всеконечно будемъ побѣждены и взяты въ плѣнъ врагами нашими. Почему вмѣстѣ съ совершеннымъ отъ себя самихъ отреченіемъ, потребно еще намъ водрузить въ сердцѣ совершенное упованіе на Бога и полную въ Немъ увѣренность, потребно, т.-е., полнымъ сердцемъ чувствовать, что намъ рѣшительно не на кого надѣяться, какъ на Него одного, и ни отъ кого другаго, какъ отъ Него одного, можемъ мы ожидать всякаго добра, всякой помощи и побѣды. Ибо какъ отъ самихъ себя, которые есмы ничто, не ожидаемъ мы ничего, кромѣ преткновеній и паденій, по причинѣ которыхъ и отлагаемъ всякую на себя надежду: такъ напротивъ всеконечно отъ Бога получимъ мы всякую побѣду, какъ только вооружимъ сердце свое живымъ на Него упованіемъ и полною увѣренностію въ полученіи отъ Него помощи, по слѣдующему псаломскому свидѣтельству: *на Него возупавало сердце мое, и Онъ помогъ мнѣ* (Пс. 27, 7).

Утвердиться въ такой надеждѣ, и ради ея помощь всякую получить, помогутъ намъ слѣдующія помышленія:

а) То, что ищемъ помощи у Бога, Который, какъ Всемогущій, можетъ сдѣлать все, что ни восхощетъ; слѣдовательно и намъ можетъ помочь.

б) То, что ищемъ ея у Бога, Который, какъ Всевѣдущій и Премудрый, знаетъ все наисовершеннѣйшимъ образомъ; слѣдовательно вполнѣ знаетъ и то, что пригоднѣе для спасенія каждаго изъ насъ.

в) То, что ищемъ такой помощи у Бога, Который, какъ безконечно Благій, съ неизреченною любовію предстоитъ намъ, всегда желательно готовый съ часу на

часъ и съ минуты на минуту подать всякую помощь, потребную намъ для одержанія полной побѣды въ духовной, дѣйствующейся въ насъ брани, тотчасъ какъ только притечемъ въ объятія Его съ твердымъ упованіемъ.

И какъ возможно, чтобы добрый оный Пастырь нашъ, Который три лѣта ходилъ ища погибшее овча, съ такимъ сильнымъ гласомъ, что изше гортань Его, и ходилъ стезями столь трудными и тернистыми, что пролилъ кровь Свою всю и отдалъ жизнь, какъ говорю, возможно, чтобы Онъ теперь, когда овча сіе идетъ въ слѣдъ Его, съ любовію обращается къ Нему и уповательно призываетъ Его на помощь, не обратилъ очей Своихъ на него, не взялъ его на божественныя рамена Свои и, принесши въ сонмъ ангеловъ небесныхъ, не устроилъ съ ними праздственнаго по сему случаю торжества? Если Богъ нашъ не перестаетъ искать съ великимъ тщаніемъ и любовію, чтобъ найти подобно Евангельской драхмѣ, слѣпаго и глухаго грѣшника, какъ возможно допустить, чтобы Онъ оставилъ его теперь, когда онъ, какъ овча погибшее, вопіетъ и зоветъ Пастыря своего? И кто повѣритъ когда, чтобы Богъ, Который непрестанно толкаетъ въ сердце человѣка, желая войти внутрь и вечерять съ нимъ, по апокалипсическому слову (Апок. 3, 20), сообщая ему дары Свои, кто повѣритъ, чтобы сей самый Богъ, когда человѣкъ открываетъ Ему свое сердце и призываетъ Его, оставался глухимъ и не желалъ внити въ него?

г) Четвертый наконецъ способъ къ оживленію твердаго упованія на Бога и привлеченію Его скорой помощи есть пересматриваніе въ памяти всѣхъ опытовъ скорой отъ Бога помощи, изображенныхъ въ Божественномъ Писаніи. Опыты сіи, столь многочисленные,

наияснѣйше показываютъ намъ, что никогда не былъ оставляемъ постыжденнымъ и безпомощнымъ никто изъ возуповавшихъ на Бога. *Воззрите на древнія роды*, взываетъ премудрый Сирахъ, *и видите: кто вѣрова Господеви и постыдѣся* (Сир. 2, 10).

Такими четырьмя оружіями облекшись, брате мой, мужественно выступай на дѣло брани и веди ее бодренно, въ полной увѣренности, что тебѣ дано будетъ одержать побѣду. Ибо ими всеконечно стяжешь ты совершенное упованіе на Бога, а такое упованіе непрестанно будетъ привлекать къ тебѣ помощь Божію и облекать всепобѣдительною силою. То же и другое наконецъ глубоко укоренитъ въ тебѣ полное ненадѣяніе на себя. Объ этомъ ненадѣяніи на себя я не пропускаю случая напомнить тебѣ и въ этой главѣ, потому что не знаю, кому когда не было бы нужды напоминать о семъ. Такъ глубоко внѣдрилось въ насъ и такъ крѣпко сцѣпилось съ нами это самоцѣненіе, будто мы нѣчто, и нѣчто не малое, что оно всегда скрытно живетъ въ сердцѣ нашемъ, какъ нѣкое тонкое и незамѣтное движеніе, даже и тогда, какъ мы увѣрены, что никакого не имѣемъ упованія на себя, а напротивъ исполнены полнаго упованія на Единаго Бога. Чтобы избѣгать тебѣ, сколько можешь, такого сердечнаго самомнѣнія и дѣйствовать безъ всякаго на себя надѣянія, а съ единымъ упованіемъ на Бога, всякій разъ настроивайся такъ, чтобы сознаніе и чувство своей немощности у тебя предшествовало созерцанію всемогущества Божія, а то и другое предшествовало каждому дѣянію твоему.

Глава четвертая.

Какъ можно узнать, съ ненадѣяніемъ ли на себя, и совершенною надеждою на Бога дѣйствуетъ кто?

Нерѣдко случается, что иные самонадѣянные думаютъ, будто не имѣютъ никакой на себя надежды, а все упованіе свое возлагаютъ на Бога и въ Немъ одномъ почиваютъ своею увѣренностію. На дѣлѣ же не бываетъ такъ. Въ этомъ сами они могутъ удостовѣриться, судя по тому, что бываетъ въ нихъ и съ ними послѣ того, какъ случится имъ пасть какъ-нибудь. Если они, скорбя о паденіи, укоряя и браня себя за то, въ тоже время замышляютъ: сдѣлаю то и то, слѣдствія паденія загладятся, и у меня опять все пойдетъ какъ слѣдуетъ; то это вѣрный знакъ, что и прежде паденія своего они надѣялись на самихъ себя, а не на Бога. И чѣмъ скорбь ихъ при этомъ мрачнѣе и безотраднѣе, тѣмъ обличительнѣе, что они слишкомъ много уповали на себя и очень мало на Бога: оттого скорбь паденія ихъ и не растворяется никакою отрадою. Кто же не полагается на себя, но уповаетъ на Бога, тотъ когда падетъ, не слишкомъ дивится сему и не подавляется чрезмѣрною скорбію; ибо знаетъ, что это случилось съ нимъ конечно по немощности его, но паче по слабости упованія его на Бога. Почему вслѣдствіе паденія усиливаетъ ненадѣяніе свое на себя, паче же тщится усугубить и углубить смиренное упованіе свое на Бога; а далѣе, ненавидя непотребныя страсти, бывшія причиною его паденія, спокойно и мирно несетъ, за оскорбленіе Бога, покаянные труды, и, вооружась зѣльнымъ упованіемъ

на Бога, съ величайшимъ мужествомъ и рѣшительностію преслѣдуетъ враговъ своихъ даже до смерти.

О сказанномъ предъ симъ желалъ бы я, чтобъ поразмыслили нѣкоторыя личности, думающія о себѣ, что онѣ добродѣтельны и духовны, которыя, когда впадутъ въ какое-либо прегрѣшеніе, мучатся и томятся, и покоя себѣ не находятъ, и уже истомившись отъ этой печали и томленія, происходящихъ у нихъ не отъ чего другаго, какъ отъ самолюбія, бѣгутъ по тому-же опять побужденію самолюбія къ духовному отцу своему, чтобъ освободиться отъ такой тяготы. А имъ слѣдовало это сдѣлать тотчасъ по паденіи, и сдѣлать не по чему другому, какъ по желанію поскорѣе омыть скверну грѣха, оскорбившаго Бога, и пріять новую силу противъ себя самого, въ святѣйшемъ таинствѣ покаянія и исповѣданія.

Глава пятая.

О погрѣшительности мнѣнія тѣхъ, которые почитаютъ чрезмѣрную печаль добродѣтелью.

При этомъ погрѣшаютъ тѣ, которые почитаютъ добродѣтелію чрезмѣрную печаль, бывающую у нихъ послѣ учиненія грѣха, не разумѣя, что это происходитъ у нихъ отъ гордости и самомнѣнія, утверждающихся па томъ, что они слишкомъ много надѣются на себя и на силы свои. Ибо думая о себѣ, что они суть нѣчто не малое, они взяли на себя многое, надѣясь сами справиться съ тѣмъ. Видя же теперь изъ опыта своего паденія, что въ нихъ нѣтъ никакой силы, они изумляются, какъ встрѣчающіе нѣчто неожиданное, мятутся и малодушествуютъ; ибо видятъ падшимъ и простертымъ на землѣ тотъ самый истуканъ,

т.-е. себя самихъ, на который возлагали всѣ свои чаянія и надежды. Но этого не бываетъ со смиреннымъ, который на единаго Бога уповаетъ, ничего рѣшительно добраго не чая отъ себя самого. Почему, и когда впадаетъ въ какое бы ни было прегрѣшеніе, хотя чувствуетъ тяготу этого и печалится, однакожъ не мятется и не колеблется недоумѣніями, ибо знаетъ, что это случилось съ нимъ отъ его собственнаго безсилія, опытъ котораго въ паденіи для него не неожиданная новость.

Глава шестая.

Нѣкоторыя вѣдѣнія, служащія къ очертанію предѣла и пространства невѣрія себѣ и полнаго упованія на Бога.

Поелику вся сила, коею побѣждаются враги наши, пораждается въ насъ отъ невѣрія себѣ самимъ и упованія на Бога; то надлежитъ тебѣ, брате мой, запастись точными вѣдѣніями относительно сего, чтобъ съ Божіею помощію всегда носить въ себѣ и хранить такую силу. Вѣдай убо твердо-на-твердо, что ни всѣ способности и добрыя свойства, естественныя ли то, или пріобрѣтенныя, ни всѣ дарованія, даромъ дарованныя, ни знаніе всего Писанія, ни то, если мы долгое время работали Богу и навыкъ пріобрѣли въ семъ работаніи Ему, ни все это вмѣстѣ не дастъ намъ вѣрно исполнять волю Божію, если при каждомъ богоугодномъ, добромъ дѣлѣ, которое предлежитъ намъ совершить, при каждой бѣдѣ, которой ищемъ избѣгнуть, при каждомъ крестѣ, который должны понести по волѣ Бога нашего, если, говорю, во всѣхъ такихъ и подобныхъ имъ случаяхъ, не воодушевитъ сердца

нашего особая нѣкая помощь Божія, и не подастъ намъ силы къ совершенію достодолжнаго, какъ сказалъ Господь: *безъ Мене не можете творити ничесоже* (Іоан. 15, 5); такъ что всю жизнь свою, всѣ дни и всѣ минуты, мы неотложно должны хранить въ себѣ неизмѣннымъ такое въ сердцѣ чувство, убѣжденіе и настроеніе, что ни по какому поводу, ни по какому помыслу, не позволительно намъ положиться и возуповать на самихъ себя.

Относительно же упованія на Бога, къ тому, что я сказалъ уже въ третьей главѣ, приложи еще слѣдующее: вѣдай при томъ, что ничего нѣтъ легче и удобнѣе для Бога, какъ сдѣлать, чтобъ ты побѣдилъ враговъ своихъ, будь ихъ не много или много, будь они старые и сильные, или будь новые и малосильные. Однакожъ на все у Него свое время и свой порядокъ. — Почему, пусть иная душа чрезмѣрно обременена грѣхами, пусть она повинна во всѣхъ преступленіяхъ міра, пустъ осквернена такъ, какъ только можетъ кто вообразить,—и пусть она при томъ, сколько хотѣла и сколько могла, употребляла всякое средство и всякій подвигъ, чтобъ отстать отъ грѣха и обратиться на путь добра, но ни какъ не могла установиться ни въ чемъ достодолжномъ; даже самомъ маломъ, а напротивъ еще глубже погружалась въ зло,— пусть она такая; при всемъ томъ однакожъ отнюдь не должно ей ослабѣвать въ упованіи на Бога и отступать отъ Него, не должно ей оставлять ни орудій, ни подвиговъ своихъ духовныхъ, но должно бороться и бороться съ собою и съ врагами, со всѣмъ мужествомъ и неутомимостію. Ибо вѣдая вѣдай, что въ этой невидимой брани только тотъ не теряетъ, кто не перестаетъ бороться и уповать на Бога, Котораго помощь никогда не отступаетъ отъ борющихся въ Его

полкахъ, хотя иной разъ Онъ попускаетъ получать имъ и раны. Почему борись каждый, не уступая; потому что въ этомъ неотступномъ бореніи все дѣло. У Бога же всегда готовы и врачевство поражаемымъ отъ враговъ и помощь на пораженіе ихъ, которыя въ должное время и подаетъ Онъ борцамъ Своимъ, ищущимъ Его и твердую на Него имѣющимъ надежду; въ часъ, когда не чаютъ, увидятъ они, какъ исчезаютъ гордые враги ихъ, какъ написано: *оскудѣша крѣпціи вавилонстіи еже ратовати* (Іер. 51, 30).

Глава седьмая.

О томъ, какъ надлежитъ намъ упражнять умъ свой, чтобы онъ не недуговалъ невѣдѣніемъ.

Если невѣріе себѣ и упованіе на Бога, столь необходимыя въ нашей духовной брани, останутся въ насъ одни, то мы не только не получимъ побѣды, а напротивъ низринемся еще въ большое зло. Потому вмѣстѣ съ ними и при нихъ надлежитъ намъ вести и особаго рода дѣланія, или обучительныя упражненія духовныя.

Въ числѣ упражненій сихъ на первомъ мѣстѣ должны стоять упражненія ума и воли.

Умъ надлежитъ избавить и хранить отъ невѣдѣнія, столь ему враждебнаго, такъ какъ оно, омрачая его, не даетъ ему вѣдать истину,—собственный его предметъ и цѣль стремленій его. Для этого надо его упражнять, чтобъ онъ былъ свѣтлъ и чистъ, и могъ хорошо различать, что требуется для насъ, чтобъ очистить душу отъ страстей и украсить ее добродѣтелями.

Такой свѣтлости ума можемъ мы достигнуть двумя способами: первый, и болѣе необходимый, есть мо-

литва, которою надлежитъ умолять Духа Святаго, да благоволитъ Онъ излить свѣтъ божественный въ сердца наши: что навѣрное и сотворитъ Онъ, если воистину будемъ мы искать единаго Бога, если искренно будемъ ревновать о томъ, чтобъ во всемъ поступать по волѣ Его, и если въ каждомъ дѣлѣ будемъ охотно подчинять себя совѣту опытныхъ духовныхъ отцевъ нашихъ и ничего не дѣлать безъ вопрошенія ихъ.

Второй способъ упражненія ума есть постоянное разсматриваніе вещей и углубленіе въ познаніе ихъ, чтобъ ясно видѣть, какія изъ нихъ хороши, и какія худы; не такъ, какъ судитъ о нихъ чувство и міръ, но какъ судитъ правый разумъ и Духъ Святый, или истинное слово богодухновенныхъ Писаній, и духоносныхъ отцевъ и учителей Церкви. Ибо когда такое разсматриваніе и углубленіе будетъ правое и подобающее, то всеконечно оно дастъ намъ ясно уразумѣть, что мы должны отъ сердца ни во что вмѣнять и почитать суетнымъ и ложнымъ все, что любитъ и что всячески ищетъ слѣпой и развращенный міръ.

Именно, что чести, удовольствія и богатства міра суть не что иное, какъ суета и смерть души; что поношенія и злохуленія, какими преслѣдуетъ насъ міръ, доставляютъ истинную намъ славу, а его скорби — радость; что прощеніе врагамъ нашимъ и дѣланіе имъ добра есть истинное великодушіе,—одна изъ величайшихъ чертъ богоподобія; что больше являетъ силы и власти тотъ, кто презираетъ міръ, чѣмъ тотъ, кто властвуетъ надъ цѣлымъ міромъ; что охотное послушаніе есть дѣйствіе, болѣе обнаруживающее мужества и твердости духа, чѣмъ подчиненіе себѣ великихъ царей и повелѣваніе ими; что смиренное самопознаніе должно предпочитать всѣмъ другимъ самымъ высокимъ позна-

ніямъ; что побѣдить и умертвить свои недобрыя склонности и похотѣнія, какъ бы они ни были незначительны, большей достойно похвалы, чѣмъ взятіе многихъ крѣпостей, чѣмъ разбитіе сильныхъ полчищъ, добрѣ вооруженныхъ, чѣмъ даже твореніе чудесъ и воскрешеніе мертвыхъ.

Глава осьмая.

О томъ, почему неправо судимъ мы о вещахъ и какъ стяжать правыя о нихъ сужденія.

Причина, почему неправо судимъ мы о вещахъ, о коихъ сказано предъ симъ, та, что не всматриваемся въ глубь ихъ, чтобъ видѣть, что онѣ суть, а воспринимаемъ любовь къ нимъ, или отвращеніе тотчасъ съ перваго на нихъ взгляда и по ихъ видимости. Это полюбленіе ихъ или отвращеніе къ нимъ предзаемлютъ умъ нашъ и омрачаютъ его; почему онъ и не можетъ право судить о нихъ, какъ онѣ есть воистину. Итакъ, брате мой, если желаешь, чтобы такая прелесть не находила мѣста въ умѣ твоемъ, внимай себѣ добрѣ; и когда или видишь очами своими, или въ умѣ представляешь какую вещь, держи сколько можешь желанія свои и не позволяй себѣ съ перваго раза ни любовно расположиться къ сей вещи, ни отвращенія къ ней возымѣть, но разсматривай ее отрѣшенно однимъ умомъ. Въ такомъ случаѣ умъ, не будучи омраченъ страстію, бываетъ въ своемъ естествѣ, свободенъ и чистъ, и имѣетъ возможность познать истину, проникнуть въ глубь вещи, гдѣ нерѣдко зло укрывается подъ лживо-привлекательною наружностію и гдѣ сокрываемо бываетъ добро подъ недоброю видимостію.

Но если у тебя впередъ пойдетъ желаніе, и сразу,

или возлюбитъ вещь, или отвратится отъ нея, то умъ твой не возможетъ уже познать ее добрѣ, какъ слѣдуетъ. Ибо такое, предваряющее всякое сужденіе, расположеніе или лучше сказать, эта страсть, вошедши внутрь, становится стѣной между умомъ и вещію и, омрачая его, дѣлаетъ то, что онъ думаетъ о сей вещи по страсти, т.-е. иначе, нежели, какъ она есть на дѣлѣ, и чрезъ это еще болѣе усиливаетъ первоначальное расположеніе. А оно, чѣмъ болѣе простирается впередъ, или чѣмъ болѣе возлюбляетъ и возненавидѣваетъ вещь, тѣмъ болѣе омрачаетъ умъ, въ отношеніи къ ней, и наконецъ совсѣмъ его затемняетъ. И тогда страсть къ той вещи возрастаетъ до крайняго предѣла, такъ что она кажется человѣку любезною или ненавистною болѣе всякой вещи, когда-либо имъ любимой или ненавидимой. Такимъ-то образомъ бываетъ, что когда не соблюдается показанное мною правило, т.-е. чтобъ удерживать желаніе отъ возлюбленія или отъ возненавидѣнія вещи прежде обсужденія ея, тогда обѣ эти силы души, т.-е. умъ и воля, всегда злѣ преуспѣваютъ, все болѣе и болѣе погружаясь изъ тьмы во тьму, и отъ прегрѣшенія въ прегрѣшеніе.

Итакъ блюдись, возлюбленный, со всѣмъ вниманіемъ, отъ любви или отвращенія къ какой либо вещи, по страсти, прежде чѣмъ успѣешь ее добрѣ разсмотрѣть, при свѣтѣ разума и праваго слова Божественныхъ Писаній, при свѣтѣ благодати и молитвы и при помощи разсужденія духовнаго отца твоего, чтобъ не погрѣшить и не счесть истинно добраго за худое, и истинно худаго за доброе; какъ это большею частію случается съ такого рода нѣкоторыми дѣлами, которыя сами по себѣ добры и святы, но по обстоятельствамъ, именно по тому, что совершаемы бываютъ или не во время, или не къ мѣсту, или не въ долж-

ной мѣрѣ, причиняютъ немалый вредъ тѣмъ, которые ихъ совершаютъ. И изъ опыта знаемъ, какимъ бѣдамъ подвергались нѣкоторые отъ подобныхъ, похвальныхъ и святыхъ дѣлъ.

Глава девятая.

О хранении ума отъ безполезнаго многовѣдѣнія и праздной пытливости.

Какъ необходимо, какъ сказали мы, блюсти умъ отъ невѣдѣнія, такъ равно необходимо блюсти его и отъ противоположнаго невѣдѣнію многовѣдѣнія и любопытства. Ибо коль скоро наполнимъ мы его множествомъ вѣдѣній, представленій и помысловъ, не исключая и суетныхъ, непотребныхъ и вредныхъ, то сдѣлаемъ его безсильнымъ; и онъ не возможетъ уже добрѣ уразумѣвать, что пригодно къ истинному самоисправленію нашему и совершенству. Почему надлежитъ тебѣ такъ себя держать въ отношеніи къ вѣдѣнію о земныхъ вещахъ, хотя иной разъ позволительныхъ, но не необходимыхъ, какъ бы ты былъ уже умершимъ; и собирая всегда умъ свой внутрь себя, сколько можно сосредоточеннѣе, оставлять его празднымъ отъ мыслей о всѣхъ вещахъ міра.

Сказанія о бывшемъ и новыя свѣдѣнія о бывающемъ да мимоидутъ тебя, и всѣ перевороты въ мірѣ и царствахъ да будутъ для тебя такими, какъ бы ихъ совсѣмъ не было, а когда кто принесетъ тебѣ ихъ, отвратись отъ нихъ и далеко отрѣй ихъ отъ своего сердца и воображенія. Слушай, что говоритъ св. Василій: „да будетъ тебѣ горькимъ вкушеніемъ слышаніе мірскихъ вѣстей, и сотами меда сказаніе мужей преподобныхъ“ (ч. 5, стр. 52): внемли и тому, что вѣ-

щаетъ пророкъ Давидъ: *повѣдаша мнѣ законопреступницы глумленія, но не яко законъ Твой, Господи* (Пс. 118, 85). Возлюби же внимать лишь духовнымъ и небеснымъ вещамъ и изучать ихъ, и ничего въ мірѣ не хоти знать, кромѣ Господа *Іисуса Христа и Сего распята* (1 Кор. 2, 2), кромѣ Его жизни и смерти, и кромѣ того, что Онъ требуетъ отъ тебя. Дѣйствуя такъ, будешь дѣйствовать благоугодно Богу, Который избранными и возлюбленными имѣетъ тѣхъ, которые Его любятъ и тщатся творить волю Его.

Всякое другое разслѣдованіе и разузнаваніе есть порожденіе и пища самолюбія и гордости; это—узы и сѣти діавола, который, видя, какъ воля тѣхъ, которые внимаютъ духовной жизни, сильна и крѣпка, покушается побѣдить умъ ихъ такими любопытствами, чтобъ такимъ образомъ овладѣть и имъ и тою. Для этого онъ обыкновенно влагаетъ въ нихъ мысли высокія, тонкія и изумляющія, особенно тѣмъ изъ нихъ, которые остроумны и скоры на высокоумничанье. И они, увлекаясь удовольствіемъ имѣть и разсматривать такіе высокіе помыслы, забываютъ блюсти чистоту своего сердца и внимать смиренному о себѣ мудрованію и истинному самоумерщвленію; и такимъ образомъ, будучи опутываемы узами гордости и самомнѣнія, дѣлаютъ себѣ идола изъ своего ума, а вслѣдствіе того мало-по-малу, сами того не чувствуя, вдаются въ помыслъ, что не имѣютъ уже болѣе нужды въ совѣтѣ и вразумленіи другихъ, такъ какъ привыкли во всякой нуждѣ прибѣгать къ идолу собственнаго разумѣнія и сужденія.

Это—дѣло крайне опасное и трудно врачуемое; гордость ума гораздо бѣдственнѣе, чѣмъ гордость воли. Ибо гордость воли, будучи явна для ума, можетъ быть иной разъ имъ удобно уврачевана, чрезъ подклоненіе

ея подъ иго должнаго. Умъ же, когда самонадѣянно утвердится въ мысли, что его собственныя сужденія лучше всѣхъ другихъ, кѣмъ наконецъ можетъ быть уврачеванъ? Можетъ ли онъ кого-либо послушаться, когда увѣренъ, что сужденія всѣхъ другихъ не такъ хороши, какъ его собственныя? Когда же это око души—умъ, помощію котораго человѣкъ могъ бы узнавать и исправлять гордость воли, самъ ослѣпленъ гордостію и остается неуврачеваннымъ, кто уврачуетъ и волю? И бываетъ тогда внутри все разстроено, и притомъ такъ, что негдѣ и не кому пластыря приложить. Вотъ почему надлежитъ тебѣ, какъ можно скорѣе, воспротивляться этой пагубной гордынѣ ума, прежде чѣмъ она проникнетъ до мозга костей твоихъ; воспротивляйся же, обуздывай быстроту ума своего и покорно подчиняй свое мнѣніе мнѣнію другихъ; будь буй изъ любви къ Богу, если желаешь быть премудрѣе Соломона. *Аще кто мнится мудръ быти въ вѣцѣ семъ, буй да бываетъ, яко да премудръ будетъ* (1 Кор. 3, 18).

Глава десятая.

Какъ обучить волю свою, чтобъ она во всѣхъ дѣлахъ своихъ, внутреннихъ и внѣшнихъ, какъ послѣдней цѣли искала одного благоугожденія Богу.

Кромѣ обучительнаго упражненія ума своего, надлежитъ тебѣ управлять и волею своею такъ, чтобъ не позволять ей склоняться на пожеланія свои, а напротивъ вести ее къ тому, чтобъ она совершенно единою была съ волею Божіею. И при этомъ добрѣ содержи въ мысли, что недостаточно для тебя того одного, чтобъ желать и искать всегда благоугоднаго Богу, но надлежитъ еще притомъ, чтобъ ты желалъ

этого, какъ движимый Самимъ Богомъ, и для той единой цѣли, чтобъ угодить Ему отъ чистаго сердца. Для устоянія въ каковой цѣли мы имѣемъ выдерживать болѣе сильную борьбу съ естествомъ своимъ, нежели при всемъ томъ, о чемъ говорено выше. Ибо естество наше такъ склонно къ угожденію себѣ, что во всѣхъ дѣлахъ своихъ, даже самыхъ добрыхъ и духовныхъ, ищетъ успокоенія и услажденія себя самого, и этимъ, незамѣтно и утаенно, похотливо питается какъ пищею.

Отъ сего бываетъ, что когда предлежатъ намъ духовныя дѣла, мы тотчасъ вожделѣваемъ ихъ и устремляемся къ нимъ; однакожъ не какъ движимые волею Божіею, или не съ тою одною цѣлію, чтобъ угодить Богу, но ради того утѣшенія и обрадованія, которое пораждается въ насъ, когда вожделѣваемъ и ищемъ того, чего хощетъ отъ насъ Богъ: каковая прелесть бываетъ тѣмъ скрытнѣе и утаеннѣе, чѣмъ выше само по себѣ и духовнѣе то, чего вожделѣваемъ. Почему я и говорю, что не должно намъ довольствоваться тѣмъ однимъ, чтобъ желать, чего хощетъ Богъ, но надлежитъ еще желать сего, какъ, когда, почему и для чего хощетъ того Онъ. И Апостолъ заповѣдуетъ намъ искушать, что есть воля Божія, не только благая, но и угодная и совершенная по всѣмъ обстоятельствамъ, говоря: *не сообразуйтеся вѣку сему, но преобразуйтеся обновленіемъ ума вашего, во еже искушати вамъ, что есть воля Божія благая, и угодная, и совершенная* (Рим. 12, 2). Ибо если въ дѣлѣ будетъ недостатокъ хоть по одному какому обстоятельству, или если мы будемъ совершать его не отъ всего произволенія и не всеусиленно, то явно, что оно несовершенно и есть и именуется. Заключай изъ сего, что даже когда вожделѣваемъ мы и ищемъ Самого Бога, то и въ этомъ дѣлѣ могутъ имѣть мѣсто нѣкія неправости и опуще-

нія, и въ него могутъ прокрадываться своего рода льщенія нашей къ себѣ любви, или нашего самолюбія: такъ какъ при этомъ почасту имѣемъ мы въ виду паче собственное наше благо для себя самихъ, чѣмъ волю Божію для Самого Бога, Который благоугождается дѣлами только во славу Его творимыми, и хощетъ, чтобъ мы Его одного любили, Его одного вожделѣвали и Ему одному работали.

Итакъ, если ты, брате мой, желаешь предохранить себя отъ такихъ утаенныхъ препонъ на пути къ совершенству, если желаешь успѣшно установиться въ такомъ благонастроеніи, чтобъ и желать и дѣлать все только ради того, что того хощетъ Богъ, только во славу Его и для благоугожденія Ему, и для работанія Ему одному, желающему, чтобъ въ каждомъ дѣлѣ нашемъ и въ каждомъ помышленіи нашемъ Онъ одинъ былъ и началомъ и концемъ,—поступай слѣдующимъ образомъ.

Когда предлежитъ тебѣ какое дѣло, согласное съ волею Божіею, или само по себѣ хорошее, не склоняй тотчасъ воли своей къ нему и не вожделѣвай его, если прежде не вознесешься умомъ своимъ къ Богу, чтобъ уяснить, что есть прямая воля Божія на то, чтобъ желать и совершать такія дѣла, и что они благоугодны Богу. И когда такъ сложишься въ мысляхъ, что самою волею Божіею будетъ опредѣляться у тебя склоненіе воли твоей; тогда вожделѣвай его и совершай, ради того, что сего желаетъ Богъ, ради одного Ему благоугожденія и лишь во славу Его.

Равнымъ образомъ, когда желаешь отклониться отъ того, что несообразно съ волею Божіею, или не хорошо, не тотчасъ отвращайся отъ того, но прежде прилѣпи око ума своего къ волѣ Божіей и уясни себѣ, что прямая есть воля Божія, чтобы ты отклонился

отъ сего, для благоугожденія Богу. Ибо лесть естества нашего крайне тонка и немногими распознается: оно утаенно ищетъ одного своего си, а между тѣмъ по видимости такъ ведетъ дѣло, что намъ кажется, будто единственная у него цѣль, благоугождать Богу, чего на дѣлѣ по истинѣ нѣтъ.

Такимъ образомъ часто случается, что, желая или не желая чего-либо собственно для себя, въ свою угоду, мы думаемъ, что желаемъ или не желаемъ того, единственно для угожденія Богу. Чтобъ избѣжать такого самопрельщенія, исключительное средство — чистота сердца, которая состоитъ въ совлеченіи ветхаго человѣка, и въ облеченіи въ новаго. Къ этому направляется вся невидимая брань.

Желаешь ли научиться искусству, какъ это дѣлать, послушай. Въ началѣ всякаго своего дѣла надлежитъ тебѣ совлещись, сколько возможно, всякаго собственнаго хотѣнія, и не желать ни дѣлать ни отклоняться отъ дѣла, если прежде не восчувствуешь, что тебя къ тому подвигаетъ и устремляетъ единственно сознаніе на то воли Божіей. Если во всѣхъ своихъ дѣлахъ внѣшнихъ, и наипаче внутреннихъ — душевныхъ, не можешь ты всегда дѣйствительно чувствовать это подвиженіе отъ Бога, удовольствуйся возможностію его въ тебѣ, именно всегда имѣй искренне такое настроеніе, чтобы во всякомъ дѣлѣ ничего не имѣть въ виду, кромѣ единаго угожденія Богу.

Чтобы дѣйственно чувствовать подвиженіе отъ Бога на дѣло, это бываетъ или чрезъ божественное просвѣщеніе, или мысленное озареніе, въ коихъ чистымъ сердцамъ созерцательно открывается воля Божія, — или чрезъ внутреннее вдохновеніе Божіе, внутреннимъ нѣкіимъ словомъ, — или чрезъ другія дѣйствія благодати Божіей, въ чистомъ сердцѣ дѣйствуемыя, какъ

то теплоту животочную, радость неизреченную, взыграніія духовныя, умиленіе, сердечныя слезы, любовь Божественную, и другія боголюбивыя и блаженныя чувства, не по волѣ нашей бывающія, но отъ Бога, не самодѣятельно, а страдательно. Всѣми такими чувствами удостовѣряемся, что то, что ищемъ сдѣлать, есть по волѣ Божіей. Прежде же всего надлежитъ намъ теплѣйшую и чистѣйшую возсылать къ Богу молитву, всеусердно моля Его, однажды, дважды и многажды, просвѣтить тьму нашу и вразумить насъ. Трижды помолись, говорятъ великіе старцы—Варсонофій и Іоаннъ, и потомъ куда склонится сердце твое, то и дѣлай. Не слѣдуетъ притомъ забывать, что при всѣхъ исчисленныхъ внутреннихъ движеніяхъ духовныхъ образующіяся въ тебѣ рѣшенія долженъ ты повѣрять совѣтомъ и разсужденіемъ опытнѣйшихъ.

Въ отношеніи къ дѣламъ, которыхъ совершеніе должно длиться или навсегда, или болѣе или менѣе долгое время, не только въ началѣ приступанія къ нимъ надлежитъ имѣть въ сердцѣ искреннее рѣшеніе трудиться въ нихъ только для угожденія Богу, но и послѣ, до самаго конца должно почасту обновлять такое благонастроеніе. Ибо если ты будешь такъ поступать, то находиться будешь въ опасности быть опять оплетену узами естественной къ самому себѣ любви, которая, клонясь болѣе къ самоугодію нежели къ Богоугожденію, съ продолженіемъ времени нерѣдко успѣваетъ незамѣтно уклонить насъ отъ первоначальнаго добраго благонастроенія, и доводить до измѣненія первыхъ добрыхъ намѣреній и цѣлей. Посему-то Григорій Синаитъ и написалъ: „каждочасно внимай и настроенію воли своей съ тщательнымъ разсмотрѣніемъ, куда она клонится, по Богу ли, ради ли самого добра, и для пользы душевной сидишь ты безмолвствуя, поешь, чи-

таешь, молишься и другіе проходишь подвиги, чтобъ иначе безъ своего вѣдома не окрадывать тебѣ самого себя“ (Гл. 19. Греч. Добротол. стр. 916).

Почему, кто не внимаетъ добрѣ сему, тотъ послѣ того какъ начнетъ дѣлать какое дѣло съ единственною цѣлію благоугодить Господу, потомъ мало-по-малу нечувствительно вводитъ въ то дѣло и самоугодіе, находя въ немъ и своимъ пожеланіямъ удовлетвореніе, и это въ такой степени, что уже совсѣмъ забываетъ о волѣ Божіей. И связывается онъ услажденіемъ отъ того дѣла такъ сильно, что если Самъ Богъ воспрепятствуетъ ему исполнять его, или посредствомъ болѣзни какой, или чрезъ искушеніе отъ людей и бѣсовъ, или другимъ какимъ образомъ, онъ возмущается противъ того весь, и нерѣдко осуждаетъ то одного, то другаго, что послужили ему препоной въ любимомъ ему теченіи дѣлъ, иной же разъ ропщетъ на Самого Бога: что явнымъ служитъ признакомъ, что ихъ сердечное настроеніе не Божіе, а породилось отъ поврежденнаго и гнилаго корня самолюбія.

Ибо кто подвигаемъ бываетъ на дѣла однимъ сознаніемъ воли Божіей на то, и однимъ желаніемъ угодить чрезъ то Богу, тотъ никогда ни вожделѣваетъ одного дѣла паче другаго, хотя бы одно изъ нихъ было высоко и велико, а другое низко и малозначительно; но одинаковое имѣетъ расположеніе воли къ обоимъ имъ, поколику они угодны Богу. Почему таковый высокое ли и великое какое дѣло дѣлаетъ, или низкое и малозначительное, равно бываетъ покоенъ и доволенъ; потому что всесторонне объятъ онъ главнымъ своимъ намѣреніемъ и главною своею цѣлію, — всегда и во всѣхъ дѣлахъ своихъ быть лишь благоугождающимъ Богу, въ жизни ли то, или въ смерти, какъ говоритъ и Апостолъ: *тѣмже и тщимся, аще входяще, аще от-*

ходяще, благоугодни Ему быти (2 Кор. 5, 9). Сего ради, возлюбленне, будь всегда къ себѣ внимателенъ и самъ въ себѣ сосредоточенъ, и старайся всячески направлять дѣла свои къ сей исключительно цѣли.

Если когда подвигнутъ будешь на какое-либо дѣло и по такому побужденію душевному, чтобъ избѣжать мученій ада, или получить въ наслѣдіе рай; то ты можешь и это мысленно направить къ послѣдней цѣли твоей,—благоугождать Богу хожденіемъ въ волѣ Его, потому что Богъ хощетъ, чтобы ты вошелъ въ рай, а не отошелъ въ адъ.

Это побужденіе или цѣль — благоугождать Богу, и познать никому невозможно вполнѣ, какую имѣетъ силу и мощь въ духовной жизни нашей. Ибо пусть какое-либо дѣло будетъ по себѣ самое простое и послѣднее; но когда оно творится единственно для благоугожденія Богу и во славу Его, тогда оно бываетъ несравненно цѣннѣе въ очахъ Божіихъ, нежели многія другія высокія, славныя и величайшія дѣла, совершаемыя не съ этою цѣлію. Почему для Бога пріятнѣе видѣть, когда ты одинъ динарій дашь бѣдному съ тою лишь цѣлію, чтобы благоугодить божественному Его величествію, нежели когда ты обнажился бы отъ всего своего имущества съ другою какою цѣлію, даже съ тою, чтобы получить небесныя блага, хотя такая цѣль и добра и желательна.

Этотъ внутренній подвигъ, который должно тебѣ держать при каждомъ дѣлѣ, подвигъ — направлять свои мысли, чувства и дѣла къ одному благоугожденію, сначала покажется тебѣ труднымъ, но потомъ онъ сдѣлается легкимъ и удобнымъ, если, вопервыхъ, непрерывно будешь упражняться въ такомъ духовномъ дѣланіи, а во вторыхъ, всегда будешь возгрѣвать въ себѣ вожделѣніе Бога, къ Нему воздыхая живымъ

устремленіемъ сердца, какъ къ единому совершеннѣйшему благу, достойному того, чтобъ Его искать для Него Самого, Ему служить, и Его любить паче всего другаго.

Такое исканіе безпредѣльнаго блага въ Богѣ, чѣмъ чаще будетъ происходить въ сознаніи и чѣмъ глубже будетъ проникать въ чувство сердца, тѣмъ чаще и тѣмъ теплѣе будутъ совершаться сказанныя дѣйствія воли нашей и тѣмъ скорѣе и удобнѣе образуется въ насъ навыкъ—всякое дѣло дѣлать по одной любви къ Господу, и по одному желанію благоугодить Ему, наидостойнѣйшему всякой любви.

Глава одиннадцатая.

Нѣкоторыя напоминанія, могущія подвигать волю нашу на желаніе всякимъ дѣломъ благоугождать Богу.

Чтобы съ большимъ удобствомъ могъ ты подвигать волю свою — во всемъ желать одного угожденія Богу и славы Его, припоминай почаще, что Онъ прежде разными образами почтилъ тебя и явилъ къ тебѣ любовь Свою: создалъ тебя изъ ничего по образу и подобію Своему и всѣ другія твари сотворилъ на служеніе тебѣ; избавилъ тебя отъ рабства діавола, пославъ не ангела какого, но Сына Своего Единороднаго, чтобы Онъ искупилъ тебя, не тлѣнною цѣной злата и серебра, но безцѣнною кровію Своею и Своею смертію, самою мучительною и уничижительною; послѣ же всего этого, каждый часъ и каждое мгновеніе сохраняетъ тебя отъ враговъ; борется за тебя божественною благодатію Своею; уготовляетъ въ питаніе и защищеніе тебя въ пречистыхъ тайнахъ Тѣло и Кровь возлюбленнаго Сына Своего.

Все это есть знакъ великой чести и любви къ тебѣ Бога, чести такъ великой, что и постигнуть нельзя, какъ столь великій Владыка всяческихъ оказываетъ такую честь нашему ничтожеству и непотребству. Суди посему, коликое чествованіе и коликое благоговѣинство должны мы воздавать столь безмѣрному Величеству, сотворившему для насъ такія и толикія предивныя дѣла. Если земнымъ царямъ, благодѣтельствующимъ намъ, не можемъ мы удержаться чтобъ не воздавать за то благодареніемъ, прославленіемъ, чествованіемъ и повиновеніемъ, то въ какой безмѣрной мѣрѣ должны все такое воздавать мы, ничтожнѣйшіе, Высочайшему Царю всяческихъ, столько насъ возлюбившему и облагодѣтельствовавшему, что и числа тому невозможно опредѣлить.

Паче же всего этого, теперь сказаннаго, содержи всегда въ памяти, что Божеское величіе само по себѣ достойно всякаго чествованія, поклоненія и чистосердечнаго служенія на благоугожденіе Ему.

Глава двѣнадцатая.

О многихъ желаніяхъ и стремленіяхъ, сущихъ въ человѣкѣ, и о борьбѣ ихъ между собою.

Знай, что въ этой невидимой брани, двѣ воли, сущія въ насъ, воюютъ между собою: одна принадлежитъ разумной части души, и потому называется волею разумною, высшею; а другая принадлежитъ чувственной нашей части, и потому называется волею чувственною, низшею, общѣе же называется она волею безсловесною, плотскою, страстною. Высшая воля желаетъ всегда одного добра, а низшая—лишь зла. То

и другое совершается само собою, почему ни доброе желаніе само по себѣ не вмѣняется намъ въ добро, ни злое въ зло. Вмѣненіе зависитъ отъ склоненія нашего свободнаго произволенія; почему когда склоняемся мы произволеніемъ своимъ на доброе желаніе, оно вмѣнятся намъ въ добро; а когда склоняемся на злое желаніе, оно вмѣняется намъ въ зло. Желанія сіи одно другому сопутствуютъ: когда приходитъ доброе желаніе, тотчасъ выступаетъ противъ него желаніе злое; и когда приходитъ желаніе злое, тотчасъ выступаетъ противъ него желаніе доброе. Произволеніе же наше свободно слѣдовать тому и другому, и къ какому желанію склоняется оно, то и бываетъ на этотъ разъ побѣдительнымъ. Въ этомъ и состоитъ вся невидимая наша духовная брань. Цѣль ея для насъ должна состоять въ томъ, чтобъ никакъ не позволять свободному произволенію своему склоняться на желаніе низшей, плотской и страстной воли, а всегда слѣдовать одной волѣ высшей, разумной; ибо она есть воля Божія, слѣдовать коей есть коренный законъ нашего бытія: *бойся Бога и заповѣди Его храни; яко сіе всякъ человѣкъ,* говоритъ Премудрый (Екклес. 12, 13). То и другое желаніе влечетъ къ себѣ наше произволеніе и желаетъ подчинить его себѣ. Подави низшее желаніе и склонись на высшее,—и побѣда за тобой; а изберешь низшее, презрѣвъ высшее, побѣжденнымъ окажешься. Св. Павелъ пишетъ о семъ: внутри насъ происходитъ бореніе: *обрѣтаю законъ, хотящу ми творити доброе, яко мнѣ злое прилежитъ. Соуслаждаюся закону Божію по внутреннему человѣку, вижду же инъ законъ во удѣхъ моихъ, противовоюющь закону ума моего и плѣняющь мя закономъ грѣховнымъ, сущимъ во удѣхъ моихъ* (Рим. 7, 21—23). И всѣмъ предписываетъ какъ законъ: *духомъ ходите, и похоти*

плотскія не совершайте (Гал. 5, 16). А этого безъ борьбы съ плотію достигнуть нельзя.

Особенно великій подвигъ и тяжелый трудъ должны бываютъ испытывать въ началѣ тѣ, которые, прежде своей рѣшимости измѣнить мірскую и плотскую жизнь на жизнь богоугодную и предаться дѣламъ любви и искренняго работанія Богу, связали себя злыми навыками чрезъ частое удовлетвореніе желаній своей плотской и страстной воли. Въ нихъ окрестъ свободнаго произволенія хотя съ одной стороны стоятъ возжеланныя имъ требованія разумной воли, Богомъ воздѣйствуемыя, но за то и съ другой стоятъ все еще не безъ сочувствія встрѣчаемыя пожеланія воли плотской и страстной, и, противоборствуя первымъ, влекутъ его на свою сторону съ такою силою, какъ иной разъ влекутъ ужемъ подъяремное животное; и только благодать Божія даетъ имъ силу устаивать въ однажды принятомъ намѣреніи. Время противоборства имъ и неуступаніе побѣды ослабляютъ силу ихъ; но борьба отъ этого не прекращается.

Потому пусть никто не мечтаетъ стяжать истинное христіанское благонастроеніе и христіанскія добродѣтели и работать Богу какъ подобаетъ, если не хочетъ нудить себя на отверженіе и побореніе всякихъ страстныхъ движеній плотской воли, не только большихъ, но и малыхъ, которымъ онъ прежде привыкъ удовлетворять охотно и любительно. Въ томъ-то, что по саможалѣнію не хотятъ себя понуждать и себѣ отказывать рѣшительно во всемъ, и лежитъ главная причина, почему такъ мало достигающихъ полнаго совершенства христіанскаго. Ибо когда они, съ трудомъ побѣдивъ большія страстныя склонности, не хотятъ потомъ нудить себя на препобѣжденіе малыхъ, кажущихся ничтожными; то, поелику сіи малыя суть по-

рожденія и выраженія большихъ, удовлетворяя имъ, питаютъ они сіи послѣднія, которыя потому все продолжаютъ жить и дѣйствовать въ сердцѣ, хотя обнаруживаются не въ большихъ размѣрахъ. Сердце потому, при этомъ остается страстнымъ и нечистымъ, и главное — нимало не отрѣшеннымъ отъ самоугодія и саможалѣнія, которыя всегда оставляютъ въ сомнительномъ достоинствѣ всякія дѣла богоугожденія.

Напримѣръ есть такіе, которые, не присвояя себѣ чужаго, не въ мѣру любятъ свое и съ одной стороны слишкомъ много уповаютъ на него, съ другой бываютъ туги на благотвореніе; другіе, не домогаясь почестей недобрыми средствами, не ставятъ однакожъ ихъ ни во что, а нерѣдко и желаютъ ихъ, еслибы какъ-нибудь устроилось полученіе ихъ, будто противъ воли ихъ; иные опять соблюдаютъ подолгу положенные посты, не отказываются однакожъ удовлетворять желаніе поѣсть вдоволь и сладко, чѣмъ вполнѣ уничтожается достоинство поста; нѣкоторые живутъ цѣломудренно, однакожъ продолжаютъ держать сношенія и знакомства съ нравящимися имъ лицами и услаждаются тѣмъ, не хотя вникнуть, что чрезъ это они большое воздвигаютъ въ себѣ препятствіе къ совершенству въ духовной жизни и единенію съ Богомъ.

Приложу сюда же невниманіе нѣкоторыхъ къ естественнымъ недостаткамъ своего характера, которые хотя не зависятъ отъ произвола, дѣлаютъ однакожъ его повиннымъ суду, когда кто, видя какъ они мѣшаютъ дѣлу духовной жизни, не заботятся не только совершенно ихъ уничтожить, но и вложить въ безвредные предѣлы, когда это возможно съ помощію благодати Божіей, при должномъ къ себѣ вниманіи и ревности. Таковы напримѣръ: нелюдимость, вспыльчивость, впечатлительность и вслѣдствіе того не раз-

суждающая быстрота въ словахъ, движеніяхъ и дѣлахъ, суровость и ворчливость, упорство и сварливость, и подобное. Всѣ такія несовершенства и немощи естественныя слѣдуетъ исправлять, у однихъ отнимая излишества, къ другимъ прилагая недостающее, и тѣ и другія преобразуя въ соотвѣтственныя добрыя качества. Ибо ничто естественное, какъ бы оно дико и упорно ни было, не можетъ устоять противъ произволенія, когда оно вооружась благодатію Божіею, возревнуетъ со всѣмъ вниманіемъ и тщаніемъ противостоять тому.

Вслѣдствіе вышесказаннаго бываетъ, что иные и дѣлаютъ добрыя дѣла, но дѣла сіи остаются несовершенными, храмлющими, сплетенными съ похотями, царствующими въ мірѣ (Іоан. 2, 16). Отъ того лица сіи нимало не преуспѣваютъ на пути ко спасенію, но вращаются на одномъ мѣстѣ, а нерѣдко возвращаются вспять и впадаютъ въ прежніе грѣхи; такъ какъ, видно, и сначала не вполнѣ возлюбили они добрую во Христѣ жизнь, не всецѣло преисполнились чувствомъ благодаренія къ Богу, избавившему ихъ отъ власти діавола, и не съ совершенною рѣшимостію положили работать Ему единому на благоугожденіе Ему. Отсюда же происходитъ и то, что такіе всегда остаются необученными въ добрѣ и слѣпыми, и не узрѣваютъ опасности, въ какой находятся, думая, что положеніе ихъ прочно, и имъ не угрожаетъ никакая бѣда.

Сего ради, возлюбленный во Христѣ брате мой, убѣждаю тебя, возлюби притрудность и тягостность, какія неизбѣжно сопровождаютъ внутреннюю брань нашу, если не желаешь всегда быть побѣждаемымъ. Такъ совѣтуетъ и премудрый Сирахъ: *не возненавиди труднаго дѣла* (7, 15). Потому что на этомъ все въ брани сей стоитъ, какъ на основаніи. Чѣмъ сильнѣе

возлюбишь ты эту притрудность или безжалостное къ себѣ самоутружденіе въ подвигахъ, тѣмъ скорѣйшую и полнѣйшую одержишь ты побѣду надъ собой и тѣмъ, что въ тебѣ противоборствуютъ высокому добру, а вслѣдствіе того преисполнишься всякою добродѣтелію и благонастроеніемъ, и миръ Божій водворится въ тебѣ.

Глава тринадцатая.

О томъ, какъ надлежитъ воевать противъ безсловесной воли чувственной, и о дѣланіяхъ, какія должна проходить воля, чтобы стяжать навыкъ въ добродѣтеляхъ.

Всякій разъ, какъ безсловесная воля чувственная съ одной стороны, а воля Божія, совѣстію изрекаемая, съ другой борятъ свободное твое произволеніе и влекутъ его къ себѣ, ища препобѣдить его, надлежитъ тебѣ, если ты искренній ревнитель о добрѣ, съ своей стороны употреблять подобающіе пріемы, чтобъ способствовать волѣ Божіей одержать побѣду. Для сего:

а) Какъ только ощутишь движенія низшей чувственной и страстной воли, тотчасъ всеусильно воспротивься имъ и отнюдь не допускай, чтобъ твое произволеніе склонялось на нихъ, хотя мало,—подави ихъ, отжени, отрѣй отъ себя сильнымъ напряженіемъ воли.

б) Чтобъ это успѣшнѣе совершилось и принесло добрый плодъ, спѣши возгрѣть вседушную непріязнь къ такого рода движеніямъ, какъ къ врагамъ своимъ. ищущимъ похитить и погубить душу твою, — разгнѣвайся на нихъ.

в) Но въ тоже время не забывай взывать къ Подвигопомощнику нашему, Господу Іисусу Христу о помощи, огражденіи и укрѣпленіи доброй воли твоей; ибо безъ Него не можемъ мы имѣть успѣха ни въ чемъ.

4—20883

г) Сіи три внутреннія дѣйствія, искренно воспроизведенныя въ душѣ, всякій разъ дадутъ тебѣ побѣду надъ недобрыми движеніями. Но это есть только прогнаніе враговъ. Если хочешь ихъ самихъ поразить въ самое сердце, для сего теперь же, если удобно, сдѣлай что-нибудь противоположное тому, что внушало страстное движеніе, а если можно, положи дѣлать то и всегда. Это послѣднее наконецъ совсѣмъ избавитъ тебя отъ появленія испытанныхъ тобою нападеній.

Пояснимъ это примѣромъ. Положимъ, что кто-нибудь оскорбилъ тебя чѣмъ-нибудь большимъ или малымъ, и у тебя поднялись движенія неудовольствія и раздраженія съ внушеніями отплатить. Внимай себѣ и спѣши сознать, что эти движенія хотятъ увлечь тебя не на доброе; потому стань въ позу воюющаго и защищайся: а) Пресѣки эти движенія, не давай имъ хода далѣе внутрь, и никакъ не допускай своему произволенію стать на сторону ихъ, будто правую. Это будетъ—воспротивиться имъ. б) Но они все стоятъ на глазахъ, готовыя опять къ наступленію; возставь потому непріязнь противъ нихъ, какъ противъ враговъ, и разгнѣвайся на нихъ, по чувству самосохраненія, пока можешь искренно сказать: *неправду возненавидѣхъ и омерзихъ* (Псал. 118, 163), или: *совершенною ненавистію возненавидѣхъ я: во враги быша ми* (Пс. 138, 22). Это сильный ударъ имъ, и они отодвинутся, но не исчезнутъ. Затѣмъ в) взывай къ Господу: *Боже въ помощь мою вонми; Господи помощи ми потщися* (Пс. 69, 2). И не переставай взывать, пока и слѣда не останется вражескихъ движеній, и не водворится миръ въ душѣ. г) Умирившись такъ, сдѣлай что-нибудь оскорбившему тебя такое, что бы показывало твою къ нему мирность и благорасположеніе.

слово дружеское, одолженіе подручное и под. Это будетъ исполненіемъ того, что заповѣдуетъ св. Давидъ: *уклонися отъ зла и сотвори благо* (Пс. 33, 15). Такого рода дѣйствія прямо ведутъ къ навыку въ добродѣтели, противоположной тѣмъ страстнымъ движеніямъ, которыя смущали; а навыкъ сей есть пораженіе ихъ въ сердце или умерщвленіе. Такого рода дѣйствія потрудись предупредить, или сопроводить, или заключить такимъ внутреннимъ рѣшеніемъ, которое навсегда дѣлало бы невозможными подобныя страстныя движенія; именно въ предлагаемомъ примѣрѣ, почетши себя достойнымъ оскорбленія всякаго, произведи въ себѣ желаніе оскорбленій и всякаго рода онеправдованій, возлюби ихъ и стань готовымъ съ радостію встрѣчать и принимать ихъ, какъ спасительнѣйшія врачевства. Въ другихъ же случаяхъ, другія соотвѣтственныя старайся возбудить и утвердить въ себѣ чувства и расположенія. Это будетъ—изгнать изъ сердца страсть и замѣстить ее противоположною ей добродѣтелію: что и есть цѣль невидимой брани.

Предложу тебѣ общее на всѣ случаи указаніе, по руководству св. отцевъ. Три у насъ въ душѣ части или силы — мысленная, желательная и раздражительная. Отъ этихъ трехъ силъ, по причинѣ поврежденія ихъ, раждаются и троякаго рода неправые помыслы и движенія. Отъ силы мысленной раждаются помыслы: неблагодарности къ Богу и ропотливости, Богозабвенія, невѣдѣнія божескихъ вещей, неразсудительности, всякаго рода хульные помыслы. Отъ силы желательной раждаются помыслы: сластолюбія, славолюбія, сребролюбія, со всѣми ихъ многочисленными видоизмѣненіями, составляющими область самоугодія. Отъ силы раздражительной раждаются помыслы гнѣва, ненависти, зависти, мщенія, злорадства, зложелательства, и

всѣ вообще злые помыслы. Всѣ такіе помыслы и движенія слѣдуетъ тебѣ побѣждать показанными пріемами, стараясь всякій разъ возставлять и водружать въ сердцѣ противоположныя имъ добрыя чувства и расположенія: вмѣсто невѣрія—несомнѣнную въ Бога вѣру, вмѣсто ропотливости—искреннее благодареніе Бога за все, вмѣсто Богозабвенія — непрестанную углубленную память о Богѣ вездѣсущемъ и всесодержащемъ, вмѣсто невѣдѣнія—ясное созерцаніе или въ умѣ перебираніе всѣхъ спасительныхъ истинъ христіанскихъ, вмѣсто неразсудительности—чувства обученныя въ разсужденіи добра и зла, вмѣсто всякихъ хульныхъ помысловъ—Богохваленіе и славословіе; равнымъ образомъ вмѣсто сластолюбія—всякое воздержаніе, постничество и самоумерщвленіе, вмѣсто славолюбія—смиреніе и жажду безвѣстности, вмѣсто сребролюбія — довольство малымъ и нищетолюбіе; также вмѣсто гнѣва — кротость, вмѣсто ненависти — любовь, вмѣсто зависти — сорадованіе, вмѣсто мщенія—прощеніе и мирность, вмѣсто злорадства—сострадание, вмѣсто зложелательства—доброхотство. Кратко совмѣщу все сіе съ св. Максимомъ въ слѣдующихъ положеніяхъ: мысленную силу свою укрась непрестаннымъ къ Богу вниманіемъ, молитвой и вѣдѣніемъ Божескихъ истинъ, силу желательную—полнымъ самоотверженіемъ и отрѣшеніемъ отъ всякаго самоугодія, силу раздражительную—любовію; и, вѣрное слово, свѣтъ ума твоего никогда не помрачится въ тебѣ и сказанные недобрые помыслы не возмогутъ найти мѣста въ тебѣ. Если ты самодѣятельно будешь возставлять въ себѣ утромъ, вечеромъ и въ другіе часы дня, исчисленныя добрыя чувства и расположенія, то враги невидимые не приближатся къ тебѣ; ибо въ такомъ случаѣ ты будешь походить на полководца, который непрестанно осматриваетъ ополченіе свое и

строить его въ боевой порядокъ, а на такого нападать, враги это знаютъ, неудобно.

Останови побольше вниманіе свое на послѣднемъ пунктѣ, — на дѣйствіяхъ противоположныхъ тѣмъ, къ какимъ влекутъ страстные помыслы, и на водруженіе въ сердцѣ противоположныхъ страстямъ чувствъ и расположеній. Только этимъ способомъ можешь ты искоренить въ себѣ страсти стать въ болѣе безопасное положеніе. Ибо пока корни страстей остаются внутри, они всегда будутъ производить изъ себя свои порожденія и ими затуманивать ликъ добродѣтелей, а иногда и совсѣмъ закрывать и вытѣснять. Въ такихъ же случаяхъ мы подлежимъ опасности опять впасть въ прежніе грѣхи и сгубить всѣ труды свои.

Вѣдай потому, что этотъ послѣдній пріемъ должно тебѣ не однажды только употребить, но надо употреблять часто, многократно, непрерывно, до тѣхъ поръ, пока не разобьешь, не разстроишь и не истребишь страстнаго навыка, противъ котораго вооружаешься; ибо какъ навыкъ сей взялъ силу надъ сердцемъ частымъ повтореніемъ извѣстныхъ дѣйствій въ удовлетвореніе живущей въ немъ страсти, такъ напротивъ для ослабленія и уничтоженія такой власти надлежитъ, кромѣ сердечнаго его отраженія, употребить противоположныя прежнимъ дѣйствія, противныя страсти, ее бьющія и поражающія. Ихъ учащеніе прогонитъ страстный навыкъ, убьетъ движущуюся въ немъ страсть, и укоренитъ въ сердцѣ противоположную добродѣтель и навыкъ къ соотвѣтственнымъ ей дѣламъ. При этомъ я не стану много тебѣ толковать,—такъ какъ это самособой видно, — что для пріобрѣтенія добрыхъ навыковъ необходимо дѣлать больше дѣлъ добрыхъ, чѣмъ для навыковъ недобрыхъ требовалось дѣлъ недобрыхъ;

потому что худые навыки скорѣе укореняются, имѣя помощникомъ и споспѣшникомъ себѣ живущій въ насъ грѣхъ, или самоугодіе. Почему, какъ ни будутъ казаться тебѣ трудными и неудобоисполнимыми такія, противныя твоей страсти, дѣйствія, то по причинѣ немощности еще твоей доброй воли, то по причинѣ сопротивленія тому твоей воли страстной, самоугодливой, ты ни за что не оставляй ихъ, но всячески нудь себя ихъ дѣлать. Пусть они несовершенны вначалѣ, но всячески они поддержатъ твою твердость и мужество на брань, и успособятъ тебѣ путь къ побѣдѣ.

Приложу еще: стой бодренно и, собравшись въ себя вниманіемъ, борись мужественно, — и борись не съ великими только и сильными, но и съ малыми и легкими движеніями каждой твоей страсти. Потому что малыя открываютъ дорогу для великихъ, особенно когда обратятся въ привычку. Опытъ уже не разъ подтверждалъ, что когда-кто мало обращаетъ вниманія и заботы объ отраженіи отъ сердца малыхъ страстныхъ пожеланій, послѣ того какъ преодолѣлъ уже великія; то такой подвергается внезапнымъ и неожиданнымъ нападеніямъ враговъ, и такимъ сильнымъ, что не устаиваетъ въ борьбѣ и падаетъ еще горше прежнихъ паденій.

Напоминаю тебѣ кромѣ того, что тебѣ надобно отсѣкать и умерщвлять всякое пристрастіе къ вещамъ, хотя позволительнымъ, но ненеобходимымъ, коль скоро замѣчаешь, что онѣ ослабляютъ напряженіе доброй твоей воли, отвлекаютъ вниманіе къ себѣ и разстроиваютъ заведенный тобою порядокъ благочестивой жизни, каковы: прогулки, вечера, бесѣды, знакомства, столъ, сонъ и подобное. Много добра получишь ты отъ этого,—подготовишься побѣждать себя и во всемъ другомъ, сдѣлаешься болѣе сильнымъ и опытнымъ въ

борьбѣ съ искушеніями, избѣжишь многихъ и многихъ сѣтей діавола, который умѣетъ разстилать ихъ среди этихъ незазорныхъ стезей, и, увѣряю, будешь совершать дѣла не неблагоугодныя Богу.

Итакъ, возлюбленне, если послѣдуешь ты моимъ указаніямъ и бодренно вступишь въ святые подвиги вышеозначенные, то, будь увѣренъ, въ короткое время преуспѣешь и сдѣлаешься духовнымъ истинно и самымъ дѣломъ, а не лживо и только по имени. Но вѣдай, что самопротивленіе и самопринужденіе тутъ— неотложный законъ, исключающій всякое самоуслажденіе, даже и въ духовномъ порядкѣ жизни. Если ты примѣшаешь сюда, или исключительно будешь избирать дѣланія лишь пріятныя, хотя изъ духовнаго порядка; то испортишь все свое дѣло, будешь трудиться, но настоящаго плода не получишь, получишь только пустоцвѣтъ, и ни въ чемъ духовномъ подлинно и прочно не установишься. Будетъ казаться, что имѣешь нѣчто духовное, но на дѣлѣ того не будетъ. Ибо все истинно духовное производится благодатію Святаго Духа; благодать же сія вселяется только въ тѣхъ, кои распяли себя въ злостраданіяхъ и произвольныхъ лишеніяхъ безъ всякаго саможалѣнія, и чрезъ то соединились съ распеншимся за нихъ Господомъ Спасителемъ нашимъ.

Глава четырнадцатая.

Какъ быть, когда высшая, разумная воля кажется совсѣмъ будто побѣждаемою волей низшею и врагами.

Если иной разъ восчувствуешь такое сильное возстаніе грѣховное, что тебѣ покажется, будто ужъ и устоять противъ него не можешь и будто ужъ сама

ретивая ревность противустоять ему изсякла; то смотри, брате мой, не опускай рукъ, но встрепенись и стой твердо. Это вражеская уловка — помысломъ о безнадежности устоять—подсѣчь самое противостояніе и заставить, сложивъ всякое оружіе, отдаться въ руки враговъ. Приводи тогда яснѣе на мысль эту кознь врага и не уступай. Ибо пока ты не склонишься произволеніемъ на страстное влеченіе, ты все состоишь въ числѣ побѣдителей, отражателей и поражателей врага. хотя бы даже сочувствіе твое отошло уже на сторону страсти. Принудить же твое произволеніе никто и ничто не можетъ, или противъ воли твоей вырвать изъ рукъ твоихъ побѣду и низложить тебя, какую бы сильную и ожесточенную брань ни поднимали въ тебѣ враги твоего спасенія. Богъ даровалъ нашему свободному произволенію такую силу, что хотя бы всѣ свойственныя человѣку чувства, весь міръ и всѣ демоны вооружились противъ него и вступили съ нимъ въ схватку, они насиловать его не могутъ; на его сторонѣ всегда останется свобода возжелать предлагаемаго и ими требуемаго, если захочетъ, и не возжелать, если не захочетъ. За то оно и отвѣчаетъ за все и подлежитъ суду. Запомни же это добрѣ, что какъ бы ни казался ты себѣ разслабѣвшимъ, ты отнюдь не можешь извинять себя, если склонишься на страстное влеченіе. Это и совѣсть твоя скажетъ тебѣ. Изготовься же тѣмъ ретивѣе противостоять, чѣмъ сильнѣе нападеніе, и никогда не отступай отъ такого рѣшенія, при всякомъ такомъ случаѣ возглашая въ себѣ командирскія слова къ намъ одного изъ нашихъ главнокомандующихъ: *стойте, мужайтеся, утверждайтеся* (1 Кор. 16, 13).

Держа же такимъ образомъ произволеніе свое непреклоннымъ на грѣховное возбужденіе, и стоящимъ

на сторонѣ требованій высшей воли, пускай въ дѣло одно за другимъ и оружія свои духовныя. Главное изъ нихъ молитва. Ею и воодушевляй себя, говоря въ себѣ: *Господь просвѣщеніе мое и Спаситель мой, кого убоюся? Господь защититель живота моего, отъ кого устрашуся? Аще ополчится на мя полкъ, не убоится сердце мое; аще возстанетъ на мя брань, на Него азъ уповаю* (Пс. 26, 1. 3). *Не на лукъ мой уповаю, и мечъ мой не спасетъ меня. О Бозѣ похвалюся весь день и о имени Его исповѣмся во вѣкъ* (Пс. 43, 7. 9). *Страха же вашего, враги, не убоюся, ниже смятуся. Господа силъ, Того освящу, и Той будетъ вамъ за меня въ страхъ. На Него уповая пребуду, и Той будетъ мнѣ во освященіе. Аще паки возможете, паки побѣждени будете: и иже аще совѣтъ совѣщаете, разоритъ Господь, и слово, еже аще возглаголете, не пребудетъ въ васъ* (Исаія 8, 12—14. 9. 10).

Воодушевясь такъ, сдѣлай и ты тоже, что дѣлаетъ иной разъ въ видимой брани воинъ, сильно тѣснимый врагомъ: воинъ немного отскакиваетъ назадъ, чтобъ избрать лучшую точку и присмотрѣться, какъ удобнѣе пустить стрѣлу въ сердце врага; а ты, собравъ помыслы свои внутрь и возставивъ сознаніе и чувство своего ничтожества и немощности самому сдѣлать должное въ это время, прибѣгни къ Богу, вся могущему, и съ теплымъ упованіемъ и слезами призови Его на помощь противъ борющей тебя страсти, говоря: *воскресни Господи, помози мнѣ и избави мя имене ради Твоего* (Пс. 43, 27). *Побори,* Іисусе мой, *борющыя мя, пріими оружіе и щитъ; и востани въ помощь мою. Да постыдятся и посрамятся ищущіи душу мою, да возвратятся вспять и постыдятся мыслящіи ми злая* (Пс. 34, 1. 2. 4). Владычице Богородице, не допусти мнѣ уступить врагамъ, и побѣжденнымъ быть отъ нихъ.

Ангеле хранителю мой, кровомъ крилъ твоихъ укрой меня отъ вражескихъ стрѣлъ, и мечемъ твоимъ порази и отжени ихъ отъ меня.

Потерпи въ такихъ воззваніяхъ, и увидишь скорую помощь. Внимай однакожъ себѣ пристальнѣе. Врагъ знаетъ силу такихъ воззваній къ Богу и спѣшитъ упредить ихъ, или разстроить безсмысленною, возбуждаемою имъ, ропотливостію на Бога, зачѣмъ попустилъ Онъ подвергнуться такому вражескому нападенію и такой опасности пасть, чтобъ чрезъ это и воззванія не допустить или пресѣчь, и Божіей помощи сдѣлать недостойнымъ. Какъ только замѣтишь такое богопротивное движеніе, спѣши возставить то искреннее и истинное убѣжденіе, что *Богъ не искушаетъ никогоже,* и что *каждый искушается отъ своея похоти влекомъ и прельщаемъ* (Іак. 1, 13. 14). Затѣмъ вникни въ предшествовавшія дѣла свои, чувства и помышленія, и найдешь, что изъ нихъ народилась приведшая тебя въ опасное положеніе внутренняя буря. Врагъ наклеветалъ на Бога, а твои оплошности прикрылъ. Тебѣ предлежитъ вѣрою оправдать въ себѣ Бога, и разсужденіемъ снять съ себя вражескій льстивый покровъ, облегчить себя въ поблажкахъ себѣ и невниманіи, и въ покаяніи исповѣдавъ сей внутренній грѣхъ предъ Богомъ, возвратиться къ воззваніямъ, какъ указано, которыя возвратятъ тебѣ и всегда готовую въ такихъ особенно случаяхъ помощь Божію.

Послѣ сего, когда внутренняя буря стихнетъ, бореніе должно идти по общимъ правиламъ невидимой брани, о коихъ отчасти уже сказано.

Глава пятнадцатая.

О томъ, что брань надо вести непрестанно и мужественно.

Если желаешь ты побѣдить враговъ своихъ какъ можно скорѣе и легче, необходимо тебѣ, брате, вести брань со всѣми страстями своими непрестанно и мужественно, особенно же и преимущественно противъ самолюбія, или неразумной любви къ себѣ въ самоугоді'' и въ саможалѣніи, — потому что оно служитъ основою и источникомъ всѣхъ страстей, и что его иначе укротить нельзя, какъ непрестанными произвольными самоозлобленіями и любовною встрѣчею скорбей, лишеній, напраслинъ, притѣсненій со стороны міра и мірскихъ. Опущеніе изъ виду этого безжалостнаго къ себѣ отношенія было, есть и будетъ всегда причиной безуспѣшности нашихъ духовныхъ побѣдъ, ихъ трудности, рѣдкости, несовершенства и непрочности.

Итакъ эта наша духовная брань должна быть у насъ всегдашняя и непрестающая, и должна быть ведена съ душевною бодростію и мужествомъ: что легко ты стяжать можешь, если взыщешь того отъ Бога. Выходи же на эту брань, не колеблясь. Если придетъ смутительное помышленіе о ярости и непрестающей злобѣ, какую питаютъ противъ тебя враги — демоны, и о многомъ множествѣ ихъ полчищъ, то съ другой стороны помысли и о безпредѣльно-величайшей силѣ Божіей и о любви Его къ тебѣ, равно какъ и о несравненно большемъ множествѣ ангеловъ небесныхъ и о молитвахъ святыхъ. Всѣ они не явно борются за насъ съ нами противъ враговъ нашихъ,

какъ написано относительно Амалика: *яко рукою тайною ратуетъ Господь на Амалика* (Исх. 17, 16). Сколько слабыхъ женъ, и сколько маловозрастныхъ дѣтей подвигло на брань помышленіе о такой мощной и всюду готовой помощи! И они одержали верхъ и побѣдили всю мудрость міра, всѣ козни врага діавола и всю злобу ада.

Посему никогда отнюдь не слѣдуетъ тебѣ устрашаться, когда начнетъ докучать тебѣ наплывъ помышленій, что брань противъ тебя враговъ слишкомъ сильна, что ей конца нѣтъ и она протянется на всю твою жизнь, что не избѣжать тебѣ паденій и повторенія ихъ многократнаго и разнообразнаго. Знай, что враги наши со всѣми своими кознями состоятъ въ рукахъ Божественнаго нашего Архистратига, Господа Іисуса Христа въ честь и славу Коего ведешь ты брань. Какъ Онъ Самъ вводитъ тебя въ брань, то всеконечно не только не допуститъ враговъ твоихъ сдѣлать тебѣ насиліе и побѣдить тебя, если ты самъ произволеніемъ своемъ не перейдешь на сторону ихъ, но будетъ Самъ поборать за тебя и предастъ враговъ твоихъ въ руки твои побѣжденными, когда и какъ сіе Ему благоугодно будетъ, какъ написано: *Господь Богъ твой ходитъ въ полцѣ твоемъ, избавляти тя, и предати враги твоя въ руцѣ твои* (Втор. 23, 14).

Если Господь замедлитъ дать тебѣ полную побѣду надъ врагами и отложитъ сіе до послѣдняго дня жизни твоей, то знай, что это сдѣлаетъ вящшаго ради блага для тебя самого; только ты не отступай и не переставай вести брань вседушно. Пусть иной разъ и рану получишь, но не слагай оружій и не обращайся въ бѣгство. Одно имѣй въ мысли и намѣреніи— воевать со всѣмъ воодушевленіемъ и мужествомъ, потому что это неизбѣжно. Нѣтъ человѣка, котораго бы

миновала брань сія, въ жизни ли, или въ смерти. И кто не ведетъ брани, чтобъ побѣдить страсти и враговъ своихъ, тотъ неизбѣжно будетъ схваченъ въ плѣнъ, здѣсь ли или тамъ, и преданъ смерти.

Не безполезно тебѣ держать при семъ въ мысли и то, съ какою цѣлію Богу благоугодно оставлять насъ въ такомъ военномъ положеніи. А это вотъ для чего. Какъ древле Богъ, вводя Израиля въ землю обѣтованную, не всѣ обитавшіе тамъ повелѣлъ истребить народы, а оставилъ на мѣстѣ пять чуждыхъ и враждебныхъ Израилю племенъ, — вопервыхъ для того, чтобы испытывать, твердо ли вѣруетъ въ Него избранный народъ, и вѣрно ли исполняетъ Его заповѣди, а вовторыхъ для того, чтобы научить народъ Свой искусству вести брани (Суд. 2, 21—23; 3, 1—2): такъ не истребляетъ Онъ вдругъ и всѣ страсти наши, но оставляетъ ихъ въ насъ, чтобъ онѣ вели съ нами брань до самой смерти, для таковой же цѣли, именно, чтобы испытывать нашу къ Нему любовь и покорность волѣ Его, и научать насъ брани духовной. Подробнѣе излагаетъ сіе блаженный Ѳеодоритъ. Богъ, говоритъ, дѣлаетъ это для того, а) чтобы мы не предавались безпечности и нерадѣнію, но были бдительны, старательны и внимательны; б) чтобъ мы не забывали о всегда готовомъ нападеніи на насъ, и не были внезапно окружаемы врагами и побѣждаемы страстями; в) чтобъ всегда пребывали прибѣгающими къ Богу и помощи отъ Него ищущими и чающими; г) чтобъ не гордились, а смиренно о себѣ мудрствовали; д) чтобъ научились ненавидѣть отъ сердца страсти и враговъ, которые такъ неутомимо нападаютъ на насъ; е) чтобъ испытывалось, до конца ли сохраняемъ мы Божію честь, любовь и вѣру; ж) чтобъ побуждать насъ, точнѣе исполнять всѣ заповѣди Божіи и не

преступать даже и самыхъ малыхъ; з) чтобы на дѣлѣ познать, сколь многоцѣнна добродѣтель, и потому никакъ не соглашаться оставлять ее и падать въ грѣхъ; и) чтобъ непрестанная брань давала намъ возможность стяжевать большіе и большіе вѣнцы; і) чтобы Бога прославлять, діавола же и грѣхъ наипаче посрамлять терпѣніемъ своимъ до конца; к) чтобъ, навыкши брани въ продолженіи жизни, не боялись мы ея въ часъ смерти, когда имѣетъ быть самая жестокая противъ насъ брань.

Такимъ образомъ, будучи окружены всегда столькими и такими врагами, такъ злобно насъ ненавидящими, не можемъ мы ожидать отъ нихъ ни мира, ни перемирія, ни пресѣченія, ни отсрочки брани, а въ каждое мгновеніе должны быть готовы на брань, и тотчасъ же мужественно вступать въ нее, какъ только откроютъ ее враги. Конечно было бы лучше, еслибы мы вначалѣ не открывали дверей естества своего и не впускали враговъ и страстей внутрь себя, въ душу и сердце; но послѣ того, какъ однажды проложили они себѣ дорогу въ насъ, нечего уже намъ предаваться безпечности, но надлежитъ вооружиться противъ нихъ, чтобъ изгнать ихъ изъ себя. Они безстыжи и упорны, и не выйдутъ, если не изгнать ихъ бранію.

Глава шестнадцатая.

Какъ воину Христову слѣдуетъ утромъ устрояться на брань.

Какъ только проснешься ты утромъ и нѣсколько помолишься, говоря: Господи, Іисусе Христе Сыне Божій, помилуй мя,—первое предлежащее тебѣ дѣло есть—заключить себя, какъ въ нѣкоемъ мѣстѣ или

позорищѣ, въ своемъ собственномъ сердцѣ. Установившись здѣсь, возведи затѣмъ себя въ сознаніе и чувство, что ошуюю тебя стоитъ уже тотъ врагъ твой и то страстное влеченіе, съ коими ты состоишь въ то время въ борьбѣ, готовые тотчасъ напасть на тебя, и вслѣдствіе того возстанови въ себѣ рѣшительность или побѣдить или умереть, но не уступать; сознай также, что одесную тебя невидимо предстоятъ тебѣ побѣдоносный Архистратигъ твой, Господь нашъ Іисусъ Христосъ, съ Пресвятою Матерью Своею, и множествомъ Ангеловъ святыхъ, съ архангеломъ Михаиломъ во главѣ, готовые на помощь тебѣ, и вслѣдствіе того воодушевись благонадежіемъ.

Вотъ возстанетъ на тебя князь преисподнихъ, діаволъ съ полчищами бѣсовъ своихъ и начнетъ разжигать страстное въ тебѣ влеченіе, уговаривая притомъ тебя разными льстивыми обѣщаніями твоему самоугодію, перестать бороться съ сею страстію и покориться ей, и увѣряя, что такъ будетъ лучше и покойнѣе. Но внемли себѣ,—въ тоже время долженъ слышаться тебѣ и съ десныя страны остерегательный и воодушевительный гласъ, который Ангелъ твой хранитель отъ лица всѣхъ, сущихъ одесную тебя, не преминетъ внушать тебѣ, говоря: „нынѣ предлежитъ тебѣ брань съ твоею страстію и другими врагами твоими. Не устрашись и не убойся, и не убѣгай отъ страха сего съ поля брани. Ибо Самъ Господь Іисусъ, Архистратигъ твой, стоитъ близъ, окруженный тысячаначальниками и стоначальниками Безплотныхъ и всѣми сонмами ангеловъ святыхъ, готовый споборать тебѣ противъ враговъ твоихъ и не допустить ихъ преодолѣть тебя и побѣдить, какъ обѣтовано: *Господь поборетъ по васъ* (Исх. 14, 14).“ Почему стой твердо, нудь себя не поддаваться и всячески напрягайся перетерпѣть это

нападшее на тебя испытаніе, изъ глубины сердца взывая: *не предаждь мене въ души стужающихъ ми* (Пс. 26, 12). Взывай къ Господу твоему, къ Владычицѣ Богородицѣ, ко всѣмъ ангеламъ и святымъ. Придетъ помощь и ты побѣдишь; ибо написано: *пишу вамъ, юноши,* ободренные и ретивые воители, *яко побѣдисте лукаваго* (1 Іоан. 2, 13). Пусть ты немощенъ и связанъ худыми навыками, и враги твои сильны и многочисленны; но гораздо большая готова тебѣ помощь отъ Того, Кто создалъ тебя и искупилъ, и несравненно сильнѣе всѣхъ Богъ Защититель твой въ брани сей, какъ написано: *Господь крѣпокъ и силенъ, Господь силенъ въ брани* (Пс. 23, 8), Который притомъ вящшее имѣетъ желаніе спасти тебя, нежели врагъ твой погубить тебя. Итакъ борись и никогда не тяготись трудомъ отъ брани сей. Ибо этимъ трудомъ, нужденіемъ себя и безжалостнымъ несмотря на боль отрываніемъ себя отъ порочныхъ навыковъ, пріобрѣтается побѣда и стяжевается великое сокровище, на которое покупается царство небесное и ради коего душа навсегда соединяется съ Богомъ.

Такъ каждый день съ утра начинай во имя Божіе борьбу съ врагами твоими, оружіемъ ненадѣянія на себя и дерзновенной надежды на Бога, молитвою и безжалостнымъ понужденіемъ себя на подобающіе труды и подвиги духовные, наипаче же оружіемъ умно-сердечной молитвы: Господи Іисусе Христе, помилуй мя! Имя это страшное, какъ мечъ обоюдуострый вращаемо будучи въ сердцѣ, поражаетъ и прогоняетъ демоновъ и страсти. Почему Іоаннъ Лѣствичникъ сказалъ: „именемъ Господа Іисуса бичуй супостатовъ.“ Объ этой молитвѣ ниже будемъ говорить въ особой главѣ. Такимъ, говорю, оружіемъ поражай того врага, ту страсть и то злое влеченіе, которое боретъ, въ томъ порядкѣ,

который я указалъ въ 13-й главѣ,—именно сначала сопротивленіемъ страсти, потомъ возненавидѣніемъ ея и наконецъ дѣлами противной ея добродѣтели, совершая все сіе, скажемъ такъ, въ молитвенной атмосферѣ. Такъ дѣйствуя, будешь совершать дѣло угодное Богу твоему, Который со всею торжествующею на небесахъ Церковію стоитъ невидимо и смотритъ на ратоборство твое.

Притрудно и томительно ратоборство такое; но не скорби и не опускай рукъ, помышляя, что съ одной стороны долгъ имѣемъ мы работать и благоугождать Богу нашему, съ другой, что намъ, какъ сказано было выше, неизбѣжно необходимо ратоборствовать, если хотимъ жить; потому что коль скоро перестанемъ ратовать, тотчасъ поражены будемъ на смерть. Да не обольститъ тебя врагъ внушеніемъ: „ты только на часъ уступи.“ Пусть на часъ. Но чѣмъ станешь ты, отступивъ отъ жизни по Богу и предавшись міру и его утѣхамъ и наслажденіямъ плотскимъ? Богоотступникомъ, а такимъ стать не только на часъ, но и на одно мгновеніе страшно. Ктому же обычное ли дѣло, чтобъ это было на часъ? Не паче ли потечетъ у тебя въ этой богопротивной жизни часъ за часомъ, а потомъ дни за днями, и годы за годами? А дальше что? Если смилуется надъ тобою Господь и дастъ тебѣ еще очнуться, возникнуть отъ этой діавольской сѣти и пробудиться отъ сна грѣховнаго; ты все же долженъ будешь вступить въ ратоборство, отъ котораго теперь убѣжишь, ища льготной жизни, съ тою только разностію, что тогда оно будетъ для тебя несравненно тяжелѣе, острѣе и болѣзненнѣе, и ктому еще малоуспѣшнѣе.

Если же Господь оставитъ тебя въ рукахъ произволенія твоего и враговъ твоихъ, что тогда?—Не буду

повторять, скажу только: припомни; ибо кто этого не знаетъ? Послѣ жизни въ томительныхъ узахъ злыхъ страстей, иногда въ опьяненіи чувственности, но всегда безъ истинныхъ радостей, внезапно постигнетъ часъ смерти, страшно-мучительное состояніе души, которое и слово Божіе не могло изобразить, а сказало только: тогда будутъ взывать: *горы, падите на насъ* (Апок. 6, 16). Сей вопль, начавшись въ часъ смерти, будетъ немолчно продолжаться во все время по смерти до конца міра, и услышится въ моментъ наступленія страшнаго суда, и всегда безполезно. Не будь же столько безуменъ, чтобъ завѣдомо броситься въ вѣчныя адскія муки, бѣжа отъ моментальныхъ подвижническихъ трудовъ и бореній. Но какъ человѣкъ разсудительный и, скажу, расчетливый, лучше теперь подыми недолгіе труды и болѣзни духовнаго ратоборства, чтобъ, побѣдивъ борющихъ, получить вѣнецъ и быть въ единеніи съ Богомъ, и здѣсь, и тамъ—въ царствіи небесномъ.

Глава семнадцатая.

Въ какомъ порядкѣ слѣдуетъ намъ побоpать свои страсти.

Премного полезно тебѣ, брате мой, знать добрѣ то, въ какомъ порядкѣ слѣдуетъ тебѣ побоpать свои страсти, чтобъ совершать сіе достодолжно, а не просто какъ попало, какъ дѣлаютъ нѣкоторые, и мало успѣваютъ; нерѣдко терпятъ и вредъ. Порядокъ, въ какомъ надобно бороться съ врагами своими и побоpать свои злыя пожеланія и страсти, есть слѣдующій: войди вниманіемъ въ сердце свое и изслѣдуй тщательно, какими помыслами, какими расположеніями и пристрастіями оно особенно занято, и какая страсть наиболѣе

господствуетъ надъ нимъ и тиранствуетъ въ немъ; потомъ противъ этой страсти прежде всего и поднимай оружіе и ее поборать старайся. На этомъ и сосредоточь все вниманіе и заботу, съ однимъ только исключеніемъ, что когда подымется между тѣмъ другая какая страсть случайно, то ею слѣдуетъ тебѣ тотчасъ заняться и ее прогнать, и потомъ опять обращать оружіе противъ главной своей страсти, которая непрестанно выказываетъ свое присутствіе и власть. Ибо какъ во всякой борьбѣ, такъ и въ нашей невидимой, слѣдуетъ противоборствовать тому, что самымъ дѣломъ боретъ въ настоящій моментъ.

Глава осьмнадцатая.

Какъ поборать внезапно поднимающіяся движенія страстей.

Если ты возлюбленный мой, не привыкъ еще поборать внезапныя движенія и возбужденія страстей, по поводу, напримѣръ, оскорбленій или другихъ встрѣчъ, совѣтую тебѣ вотъ что дѣлать: поставить себѣ въ законъ, всякій день, когда сидишь еще дома, просматривать всѣ могущіе встрѣтиться съ тобой случаи въ продолженіе дня, благопріятные и неблагопріятные, и какія вслѣдствіе того могутъ породиться въ тебѣ страстныя движенія, похоти и раздраженія,—и напередъ приготовься, какъ подавлять ихъ въ самомъ зарожденіи ихъ, не давая имъ ходу. Дѣйствуя такъ, ты никогда не будешь внезапно застигнутъ никакими движеніями страстей, но всегда будешь готовъ сдѣлать имъ отпоръ, и возможешь ни гнѣвомъ не смутиться, ни похотію не увлечься. Такого рода просмотръ случайностей надо дѣлать тогда наипаче, ко-

гда имѣешь выдти со двора и идти въ такія мѣста, гдѣ долженъ встрѣтиться съ личностями, могущими или привлечь, или раздражить. Будучи приготовленъ, ты легко избѣжишь того и другаго. Волна страсти если и подымется какая, перекатится чрезъ тебя или разобьется о тебя, какъ о твердый камень, а не подброситъ тебя какъ легкую ладью. Да увѣритъ тебя въ семъ относительно гнѣва св. пророкъ Давидъ, говорящій: *уготовихся и не смутихся* (Пс. 118, 60).

Но такимъ приготовленіемъ не все уже сдѣлано. Возбужденіе страсти все же можетъ подняться, и тоже неожиданно. Въ такомъ случаѣ вотъ что дѣлай: какъ только ощутишь страстное движеніе, похотное или раздражительное, спѣши обуздать его напряженіемъ воли, низойди въ сердце вниманіемъ ума, и всячески старайся не допустить его до сердца, и блюди, чтобъ оно ни тѣмъ, что раздражаетъ, не раздражилось, ни къ тому, что привлекаетъ, не прилегло. Если же случится внезапно породиться въ сердцѣ тому или другому, постарайся на первый разъ, чтобы то не вышло наружу, не обнаруживай того ни словомъ, ни взоромъ, ни движеніемъ.

Потомъ понудь себя возвести умъ свой и сердце свое горѣ къ Богу, и, воспроизведши въ себѣ ясное сознаніе и чувство и любви Божіей безпредѣльной, и правды Его нелицепріятной, тѣмъ и другимъ постарайся страстное движеніе вытѣснить, а противоположное ему доброе возставить. При предлежащей встрѣчѣ, можетъ быть, и неудобно будетъ это сдѣлать вполнѣ какъ слѣдуетъ, но всячески намѣренія и напряженія дѣлать то не оставляй. Пусть теперь это безуспѣшно; послѣ докончишь, когда прекратится страстевозбудительная встрѣча. О томъ же неотложно попекись, чтобы не обнаружить пораждающейся страсти. И это будетъ не

давать ей хода. За то какъ только освободишься отъ недобраго притока впечатлѣній, спѣши къ сердцу и постарайся выбросить закравшуюся туда гадину.

Но наилучшее и наидѣйствительнѣйшее огражденіе отъ внезапнаго возбужденія страстей есть устраненіе причинъ, отъ которыхъ происходятъ всегда такія движенія. Таковыхъ причинъ на все двѣ: любовь и ненависть. Если ты, возлюбленный мой, попался въ плѣнъ любви къ какому-либо лицу, или пристрастенъ къ какой-либо вещи, большой или малой; то естественно, что когда встрѣчаешь ихъ, или когда видишь, что ихъ оскорбляютъ и имъ вредятъ, или отвлечь и похитить у тебя хотятъ, ты тотчасъ возмущаешься тѣмъ, скорбишь, мятешься и возстаешь противъ тѣхъ, которые это дѣлаютъ. Почему, если желаешь, чтобы не случались съ тобой такого рода внезапныя тревоги, попекись побороть и исторгнуть изъ сердца такую недобрую любовь и такое недоброе пристрастіе, и чѣмъ дальше зашелъ ты въ той и въ другомъ, тѣмъ большее приложи попеченіе о томъ, чтобъ оравнодушить себя и разумно относиться къ вещамъ и лицамъ; ибо чѣмъ сильнѣе у тебя любовь и пристрастіе, тѣмъ бурнѣе и внезапное возбужденіе страсти во всѣхъ указанныхъ случаяхъ.

Равно, если имѣешь непріязнь къ какому-либо лицу или отвращеніе къ какой-либо вещи; то также естественно приходишь внезапно въ негодованіе или мерзеніе, когда встрѣчаешь ихъ, особенно когда расхваливаетъ кто ихъ. Посему, если хочешь соблюсти покой сердца въ такихъ случаяхъ, понудь себя на сей разъ подавить воставшія недобрыя чувства, а послѣ истребить ихъ и совсѣмъ.

Въ семъ поможетъ тебѣ такое разсужденіе (относительно лицъ),—что и они суть творенія Божіи, соз-

данныя, какъ и ты, по образу и подобію Божію, всесильною десницей Бога живаго, что и они искуплены и возсозданы безцѣнною кровію Христа Господа, что и они—собраты твои и сочлены, которыхъ не слѣдуетъ тебѣ ненавидѣть даже мыслію своею, какъ написано: *да не возненавидиши брата твоего во умѣ твоемъ* (Лев. 19, 17); особенно же, что, когда ты, — предположимъ, что они достойны нерасположенія и непріязни,—воспріимешь ихъ въ доброе расположеніе и любовь, то тѣмъ уподобишься Богу, Который любитъ всѣ созданія Свои и никакимъ не гнушается, какъ восхваляетъ Его премудрый Соломонъ: *любиши сущая вся, и ничесоже гнушаешися, яже сотворилъ еси: ниже бо ненавидя что устроилъ еси* (Прем. Сол. 11, 25), и Который, презирая грѣхи человѣческіе, *солнце Свое сіяетъ на злыя и благія, и дождитъ на праведныя и на неправедныя* (Мѳ. 5, 45).

Глава девятнадцатая.

Какъ побарать плотскія страсти?

Съ плотскими страстями, брате мой, надлежитъ бороться своимъ особымъ способомъ, чѣмъ съ прочими. Чтобъ это шло у тебя въ должномъ порядкѣ, знай, что иное должно тебѣ дѣлать прежде искушенія сими страстями, иное во время искушенія, и иное послѣ прекращенія его.

Прежде искушенія вниманіе твое должно быть обращено на причины, которыя обыкновенно служатъ поводомъ къ порожденію искушенія, или возбужденію страсти. Здѣсь законъ: всевозможно избѣгай всѣхъ случаевъ, могущихъ возмутить покой плоти твоей, особенно встрѣчи съ лицами другаго пола. И если иной

разъ будетъ належать нужда бесѣдовать съ какимъ-нибудь такимъ лицемъ, бесѣдуй не долго, соблюдая не только скромность, но и нѣкую строгость въ лицѣ своемъ, и слова твои пусть будутъ при всей привѣтливости больше сдержанны, нежели благосклонны.

Не ими вѣры врагу твоему во вѣки (Сир. 12, 10), говоритъ премудрый Сирахъ. И ты никогда не вѣрь тѣлу своему: ибо какъ мѣдь сама по себѣ раждаетъ отъ себя ржавчину, такъ и растлѣнное естество тѣла раждаетъ изъ себя злыя движенія похотныя. *Якоже бо мѣдь ржавѣетъ, такъ и злоба его* (тамъ же). Не вѣрь же, еще повторю тебѣ, не вѣрь въ этомъ отношеніи самому себѣ, хотя, положимъ, ты не чувствуешь и столько уже времени не чувствовалъ сего жала плоти твоей. Потому что эта треокаянная злоба, чего не дѣлала многіе годы, иногда дѣлаетъ въ одинъ часъ и въ одно мгновеніе, и всегда молча дѣлаетъ обычно свои приготовленія къ нападенію. И знай, что чѣмъ больше прикидывается она другомъ, и не подаетъ ни малѣйшаго повода къ подозрѣнію, тѣмъ большій потомъ наноситъ вредъ и нерѣдко поражаетъ на смерть.

Должно также всякому бояться наипаче тѣхъ лицъ другаго пола, съ которыми почитаетъ благословнымъ обычное въ житейскомъ быту взаимообращеніе, или потому, что они родственны, или потому, что благочестивы и добродѣтельны, потому, что отъ нихъ получено благодѣяніе и есть потребность почаще изъявлять имъ за то признательность. Бояться сего надобно потому, что къ такому, безъ страха и вниманія къ себѣ, взаимообращенію всегда почти примѣшивается губительная сласть чувственная, которая потомъ мало-по-малу нечувствительно проникаетъ душу до самыхъ глубинъ и такъ омрачаетъ умъ, что подвергшіеся сей заразѣ начинаютъ ни во что вмѣнять всякія опасныя

причины грѣха, какъ-то страстные взгляды, сладкія рѣчи съ той и другой стороны, привлекательныя движенія и положенія тѣла, пожатія рукъ, отъ чего наконецъ впадаютъ и въ самый грѣхъ, и въ другія діавольскія сѣти, изъ которыхъ иной разъ и совсѣмъ высвободиться не могутъ.

Бѣгай же, брате мой, этого огня, потому что ты порохъ, и никогда не дерзай въ самонадѣянности думать, что ты порохъ смоченный и весь наполненъ водою доброй и крѣпкой воли. Нѣтъ, нѣтъ! Но думай паче, что ты сухой-пресухой порохъ, и тотчасъ вспыхиваешь, какъ только почувствуешь огонь тотъ. Отнюдь не полагайся на твердость твоей рѣшимости и твою готовность скорѣе умереть, нежели оскорбить Бога грѣхомъ. Ибо хоть и можно допустить, что ты посему смоченный порохъ, но отъ частаго сообращенія и сидѣнія съ глазу-на-глазъ, огонь плотскій мало-по-малу изсушитъ оросительную воду добраго твоего произволенія, и ты самъ не замѣтишь, какъ окажешься пламенѣющимъ плотскою любовію, и до такой степени, что перестанешь стыдиться людей и Бога бояться, и ни во что станешь вмѣнять честь, жизнь и всѣ мученія ада, стремясь къ содѣланію грѣха.

Бѣгая убо бѣгай всемозможно а) отъ такого сообращенія съ лицами, могущими послужить для тебя въ соблазнъ, если искренно желаешь не попасть въ плѣнъ грѣха и не уплатить оброка его, который есть смерть душевная. Премудрымъ называетъ премудрый Соломонъ того, кто боится и избѣгаетъ причинъ грѣха, а того, кто много дерзая о себѣ, самонадѣянно не избѣгаетъ ихъ, называетъ неразумнымъ, говоря: *премудръ, убоявся, уклонится отъ зла: безумный же на себе надѣявся, смѣшавается со беззаконнымъ* (дѣломъ) (Притч. 14, 16). Не на это ли указывалъ и Апостолъ, когда заповѣ-

дывалъ Коринѳянамъ: *бѣгайте блудодѣянія* (1 Кор. 6, 18)?

б) Бѣгай ничего-недѣланія и лѣности; и стой бодренно, во всѣ глаза смотря за помыслами, и мудро устрояя и ведя дѣла свои, требуемыя твоимъ положеніемъ.

в) Никогда не ослушивайся настоятелей твоихъ и отцовъ духовныхъ, но охотно повинуйся имъ во всемъ, скоро и съ готовностію исполняя, что ни прикажутъ, и наипаче то, что смирительно для тебя и противно твоей волѣ и твоимъ склонностямъ.

г) Никогда не позволяй себѣ смѣло судить о ближнемъ, никого не суди и не осуждай, и особенно за этотъ самый плотскій грѣхъ, о коемъ у насъ рѣчь, хотя бы кто явно впалъ въ него, но поимѣй къ нему сострацаніе и жалость; не негодуй на него и не смѣйся надъ нимъ, но отъ его примѣра позаимствуй себѣ урокъ смиренія, и зная, что и самъ ты крайне слабъ и на худое подвиженъ, какъ прахъ на пути, говори себѣ: нынѣ палъ онъ, а завтра паду я. Вѣдай, что если ты скоръ на осужденіе и презрѣніе къ другимъ, то Богъ больно накажетъ тебя за это, попустивъ самому тебѣ впасть въ тотъ же грѣхъ, за который осуждаешь другихъ. *Не судите, да не судими будете* (Мѳ. 7, 1), и на тоже не будете осуждены, чтобъ изъ паденія своего познали пагубность гордыни своей и, смирившись, взыскали врачевства отъ двухъ золъ: отъ гордости и блуда. Но если Богъ по милости Своей и хранитъ тебя отъ паденія и ты удерживаешь неизмѣнно твердымъ цѣломудренный помыслъ свой; ты все же перестань осуждать, если осуждалъ, и не самонадѣянничай, а паче бойся и не вѣрь своему постоянству.

д) Внимай себѣ и бодрствуй надъ собой. Если стя-

жалъ ты какой даръ Божій или находишься въ добромъ состояніи духовномъ, не воспринимай въ самомнѣніи суетнаго и мечтательнаго о себѣ помышленія, будто ты нѣчто, и что враги твои не посмѣютъ напасть на тебя, и ты столько ненавидишь ихъ и презираешь, что сразу отразишь, если они осмѣлятся приблизиться къ тебѣ. Какъ только такъ подумаешь, падешь легко, какъ осенній листъ съ дерева.

Вотъ что слѣдуетъ тебѣ соблюдать прежде искушенія плотскою страстію.

Во время же самаго искушенія вотъ что дѣлай: дознай поскорѣе причину, отъ которой породилась брань, и тотчасъ отстрани ее. Причина этому бываетъ или внутренняя, или внѣшняя. Внѣшнею тому причиной бываютъ: вольность очей, сладкія для слуха рѣчи, такія же по содержанію и напѣву пѣсни, щегольскія изъ нѣжныхъ матерій одежды, благоуханные для обонянія духи, вольныя обращенія и бесѣды, соприкосновенія и пожатія рукъ, танцы и многое подобное. Врачевствомъ противъ всего этого служатъ: скромное и смиренное одѣяніе, нежеланіе ни видѣть, ни слышать, ни обонять, ни говорить, ни касаться ничего такого, что производитъ это срамное движеніе, особенно же избѣганіе сообращенія съ лицами другаго пола, какъ говорено выше. Причиной внутреннею служитъ съ одной стороны жизнь въ довольствѣ и покоѣ плоти, когда всѣ желанія тѣлесныя находятъ полное удовлетвореніе, съ другой срамные помыслы, которые приходятъ или сами собой при воспоминаніи видѣннаго, слышаннаго и испытаннаго, или отъ возбужденія ихъ духами злобы.

Что касается до жизни въ полномъ довольствѣ и покоѣ плоти, то ее надобно ожесточить пощеніями, бдѣніями, хрускоспаніями, особенно множайшими пок-

лонами до утомленія, и другими произвольными тѣлозлобленіями, какъ совѣтуютъ и заповѣдуютъ опытные и разсудительные отцы наши святые. А противъ помысловъ, отъ чего бы они ни происходили, врачевствомъ служатъ разныя духовныя упражненія, сообразныя съ настоящимъ твоимъ состояніемъ и требуемыя имъ, каковы: чтеніе святыхъ и душеспасительныхъ книгъ, особенно св. Ефрема Сиріанина, Лѣствичника, Добротолюбія и другихъ подобныхъ, благочестивыя размышленія и молитва.

Молитву свою, когда начнутъ нападать на тебя срамные помыслы, совершай такъ: тотчасъ воздвигни умъ свой къ распятому ради насъ Господу, и изъ глубины души взывай къ Нему: „Іисусе мой Господи! Сладчайшій мой Іисусе! Ускори на помощь мнѣ и не дай врагу моему полонить меня!“ Въ тоже время обнимай мысленно и чувственно, если есть близъ, животворящій крестъ, на коемъ распятъ ради тебя Господь твой, лобызай часто язвы Его и говори съ нимъ съ любовію: „краснѣйшія язвы, язвы святѣйшія, язвы пречистыя! уязвите это мое окаянное и нечистое сердце и не допустите меня до того, чтобъ я посрамилъ и оскорбилъ васъ нечистотой своею.“

Размышленіе же твое, въ то время какъ множатся въ тебѣ срамные помыслы плотской сласти, да не будетъ направлено прямо противъ нихъ, хоть иные и совѣтуютъ это; не берись изображать мысленно предъ собою нечистоту и срамоту грѣховъ плотской похоти, ни угрызенія совѣсти, которыя послѣдуютъ затѣмъ, ни растлѣнія естества твоего и потерю чистоты дѣвства твоего, ни помраченія чести твоей и другое подобное. Не берись, говорю, размышлять объ этомъ, потому что такое размышленіе не всегда бываетъ вѣрнымъ средствомъ къ преодолѣнію искушенія плоти,

а напротивъ можетъ послужить къ усиленію брани, иной же разъ и къ паденію. Ибо хотя умъ при семъ будетъ вести мысленную рѣчь свою въ укоръ и противленіе сей страсти; но какъ мысль несмотря на то все же будетъ держаться на предметахъ ея, къ которымъ такъ неравнодушно сердце, то не дивно, что тогда какъ умъ расточаетъ такія строгія сужденія о такихъ дѣлахъ, сердце соуслаждаться будетъ ими и соглашаться на нихъ, что и есть внутреннее паденіе. Нѣтъ, надобно разсуждать о такихъ предметахъ, которые бы заслонили собой эти срамныя вещи и совсѣмъ отвлекли отъ нихъ вниманіе, содержаніемъ же своимъ отрезвительно дѣйствовали на сердце. Такого рода предметы суть жизнь и страданіе воплотившагося ради насъ Господа Іисуса, неминуемый часъ смерти нашей, трепетный день страшнаго суда и разные виды адскихъ мученій.

Если, какъ нерѣдко случается, срамные помыслы эти будутъ и при этомъ продолжать нападать на тебя съ особенною силой и неудержимостію; не бойся, не переставай размышлять о показанныхъ предъ симъ предметахъ и не обращайся къ тому пріему борьбы, чтобъ прямо противъ нихъ возставать, раскрывая неодобрительныя стороны ихъ самихъ, какъ сказано было выше. Не дѣлай такъ; но продолжай сколько можно внимательнѣе размышлять о показаныхъ предъ симъ устрашительныхъ и отрезвительныхъ предметахъ, ни мало не безпокоясь о помыслахъ тѣхъ срамныхъ, какъ бы они не были твои собственные. Вѣдай, что нѣтъ лучшаго способа къ прогнанію ихъ, какъ презрѣніе къ нимъ и ни во что ихъ вмѣненіе. Размышленіе же сіе почаще прерывай такою или подобною ей молитвой: „Освободи меня, Творче мой и Избавителю, отъ враговъ моихъ сихъ, во славу стра-

стей Твоихъ и Твоей неизреченной благости.“ Молитвою же подобною и заключи свое размышленіе.

Смотри же, отнюдь не обращай ока ума своего на эту плотскую нечистоту, такъ какъ и одно представленіе о ней не безопасно; и не останавливайся на бесѣду съ сими искушеніями, или о семъ искушеніи, чтобъ опредѣлить, произошло ли у тебя согласіе на него, или нѣтъ. Такое изслѣдованіе, хотя на видъ кажется хорошимъ, на дѣлѣ же поистинѣ есть кознь діавола, покушающагося симъ способомъ или отяготить тебя, или ввергнуть въ малодушіе и отчаяніе, или удержать тебя сколько можно долѣе въ сихъ помыслахъ и чрезъ нихъ ввесть въ грѣхъ дѣломъ или по роду ихъ, или въ другой какой.

Вмѣсто всякихъ такихъ изслѣдованій о помыслахъ сихъ, смущающихъ тебя, поди, исповѣдуй все подробно духовному отцу своему, и пребудь потомъ покоснъ въ помышленіи своемъ и въ сердцѣ своемъ, не мутя себя никакими вопросами, упокоеваясь на рѣшеніи отца своего. Только все ему открой, что смущало и смущаетъ умъ твой и твое чувство въ семъ искушеніи, ничего не утаивая и не позволяя стыду связать языкъ твой, а паче смиряясь самоуниженно. Ибо если во всякой борьбѣ съ врагами имѣемъ мы нужду въ глубокомъ смиреніи, чтобъ побѣдить ихъ; сколь много паче потребно оно намъ во время плотской брани? такъ какъ и самое искушеніе сіе большею частію бываетъ или порожденіемъ гордыни, или вразумленіемъ и наказаніемъ за нее. Почему и говоритъ св. Іоаннъ Лѣствичникъ, что кто впалъ въ блудъ или другой какой плотской грѣхъ, тотъ прежде того впалъ въ гордость; и что впасть ему въ грѣхъ попущено для того, чтобъ онъ смирился: „гдѣ совершилось паденіе, тамъ прежде водворялась гордость; ибо гордость есть

предвозвѣстница паденія.“ И еще: „наказаніе гордому есть паденіе“ (Сл. 23, 4. 10).

Когда наконецъ утишатся срамные помыслы и искушеніе пройдетъ, вотъ что должно тебѣ дѣлать: какъ бы ни казалось тебѣ, что ты свободенъ уже отъ плотской брани, и какъ бы увѣреннымъ въ томъ ни имѣлъ ты себя, всячески однакожъ пекись далеко держать умъ свой и вниманіе свое отъ тѣхъ вещей и лицъ. которыя были причиной возстанія на тебя такого искушенія; и отнюдь не поблажай позыву повидаться съ ними, подъ тѣмъ предлогомъ, что онѣ родственницы, или что благочестивы и благодѣтели твои; вразумляй себя напоминаніемъ, что и это есть грѣховное обольщеніе растлѣннаго естества нашего и сѣть вселукаваго врага нашего діавола, который тутъ преобразуется въ ангела свѣта, чтобъ ввергнуть во тьму, какъ говоритъ св. Павелъ (2 Кор. 11, 14).

Глава двадцатая.

Какъ поборать нерадѣніе?

Чтобы не впасть тебѣ въ бѣдственное зло нерадѣнія, которое пресѣчетъ твое теченіе къ совершенству и предастъ тебя въ руки враговъ твоихъ, надлежитъ тебѣ бѣгать всякаго рода пытливости (развѣдыванія, что тамъ, что здѣсь, празднопатайства, разговоровъ пустыхъ, глазерства), всякаго прилѣпленія къ чемулибо земному, и всякаго произвольно-дѣланія, или что-хочу-дѣланія, совсѣмъ не подходящаго къ твоему состоянію, а напротивъ должно тебѣ всячески понуждать себя къ охотному и скорому исполненію всякаго добраго руководства и всякаго повелѣнія настоятелей твоихъ и духовныхъ отцовъ, и дѣлать всякое дѣло

въ то время и такимъ образомъ, какъ то имъ желательно.

Ко всякому дѣлу, которое имѣешь дѣлать, отнюдь не замѣшкивай приступать, потому что первое недолгое мѣшканіе приведетъ тебя ко второму болѣе долгому, а второе къ третьему еще болѣе долгому, и такъ далѣе. Отъ этого дѣло начинается слишкомъ поздно и не поспѣваетъ въ свое время, или совсѣмъ оставляется, какъ обременительное. Вкусивъ однажды сладости недѣланія, начнешь ты любить его и желать паче дѣланія; а удовлетворяя это желаніе, дойдешь ты мало-по-малу до навыка не дѣлать, или до лѣности, въ которой страсть ничегонедѣланія до того овладѣетъ тобою, что ты даже и сознавать перестанешь, какъ это ни съ чѣмъ несообразно и преступно; развѣ только когда, отяготившись самою этою лѣностію, опять со всѣмъ усердіемъ возьмешься за дѣла свои. Тогда со стыдомъ увидишь, какъ былъ ты нерадивъ предъ этимъ и сколько пропустилъ должныхъ дѣлъ ради пустаго и безполезнаго что-хочу-дѣланія.

Это нерадѣніе, начавшись чуть замѣтно, проникаетъ все и ядомъ своимъ поражаетъ не только волю, вселяя въ нее отвращеніе отъ всякаго труда и отъ всякаго духовнаго дѣланія и послушанія, но ослѣпляетъ и умъ, не давая ему узрѣть всю неразумность и лживость помышленій, на коихъ держится такое настроеніе воли, и не допуская его представить сознанію тѣ здравыя сужденія, которыя были бы сильны подвигнуть эту разлѣнившуюся волю, сколько можно скорѣе и со всѣмъ усердіемъ исполнить должное дѣло, не отлагая его до другаго времени. Ибо не довольно дѣлать дѣла скоро, но должно каждое дѣло дѣлать въ свое ему время, какое требуется по свойству его, и со всѣмъ вниманіемъ и тщаніемъ, чтобъ оно явилось въ возможномъ

совершенствѣ. Слушай, что написано: *проклятъ всякъ, творяй дѣло Господне съ небреженіемъ* (Iep. 48, 10). И такой бѣдѣ подвергаешь ты себя, потому что лѣнишься подумать о достоинствѣ и цѣнѣ предлежащаго тебѣ дѣла, чтобы побудить себя сдѣлать его въ свое время, и съ такою рѣшимостію, которая развѣвала бы всякіе навѣваемые лѣностію помыслы о сопряженныхъ съ нимъ трудностяхъ, чтобъ отклонить тебя отъ него.

Да не отходитъ убо отъ мысли твоей убѣжденіе, что одно возношеніе ума къ Богу, и одно смиренное колѣнопреклоненіе во славу и честь Бога несравненно болѣе цѣнно, нежели всѣ сокровища міра; и что всякій разъ, какъ, прогнавъ нерадѣніе, понудимъ мы себя со тщаніемъ совершать свое должное дѣло, ангелы на небесахъ готовятъ намъ вѣнецъ славной побѣды; и что напротивъ для нерадивыхъ не только нѣтъ у Бога вѣнцовъ, но что Онъ мало-по-малу беретъ обратно отъ нихъ и тѣ дары, которые далъ имъ за усердное прежде служеніе Ему, а наконецъ лишитъ ихъ и царствія Своего, если пребудутъ въ нерадѣніи, какъ въ притчѣ о званныхъ на вечеръ и полѣнившихся придти сказалъ: *глаголю вамъ яко ни единъ мужей тѣхъ званныхъ вкуситъ Моея вечери* (Лук. 14, 24). Такова участь нерадивыхъ; тѣмъ же, которые тщаливы и нудятъ себя безъ саможалѣнія на всякое доброе дѣло, Господь умножаетъ Свои благодатные дары здѣсь, и готовитъ вѣчно-блаженную жизнь въ царствѣ Своемъ небесномъ, какъ сказалъ: *Царствіе Божіе нудится, и нуждницы восхищаютъ е* (Мѳ. 11, 12).

Если злой помыслъ, усиливаясь ввергнуть тебя въ нерадѣніе, станетъ представлять тебѣ, что для стяжанія добродѣтели, которую возлюбилъ ты и возжелалъ имѣть, неизбѣжно тебѣ поднять величайшій трудъ и притомъ многіе дни,—что враги твои сильны и много-

численны, а ты одинъ и немощенъ—что тебѣ надлежитъ сдѣлать много, и притомъ великихъ дѣлъ, чтобъ достигнуть такой цѣли,—если, говорю, помыслъ нерадѣнія станетъ представлять тебѣ все такое, не слушай его; а напротивъ такъ представляй себѣ дѣло, что конечно надо дѣлать тебѣ дѣла, но не много, что и трудъ надлежитъ тебѣ подъять, но очень малый и не многіе дни, что и враговъ встрѣтишь, но не много, а только одного какого, и этотъ, хоть противъ одного тебя и силенъ былъ бы, но при помощи Божіей, которая всегда присуща тебѣ ради великаго твоего на нее упованія, ты несравненно сильнѣе его. Если будешь такъ поступать, то нерадѣніе начнетъ отступать отъ тебя, вмѣсто же него, подъ дѣйствіемъ благихъ помышленій и чувствъ, начнетъ входить въ тебя малоно-малу тщаливая о всемъ должномъ ревность, и завладѣетъ наконецъ всѣми силами души твоей и тѣла твоего.

Такимъ же образомъ поступай и въ отношеніи къ молитвѣ. Если для совершенія какого-либо послѣдованія службы требуется, положимъ, часъ молитвеннаго труда, и это кажется тяжелымъ для твоей лѣности; то ты, приступая къ сему, не думай, что тебѣ придется часъ стоять, а воображай, что это продолжится какую-нибудь четверть часа, и незамѣтно простоишь молитвословствуя эту четверть; простоявши же се, скажи себѣ: простоимъ еще четверточку: это немного, какъ видишь; потомъ тоже самое сдѣлай для третьей и четвертой четверти; и кончишь такимъ образомъ это дѣло служенія молитвеннаго, не замѣтивъ трудности и тяготы. Если же иной разъ въ продолженіе этого случится почувствовать такую обременительность, что она мѣшаетъ и самой молитвѣ, то оставь на время молитвословіе, и потомъ опять, спустя немного, берись за него и докончи недоконченное.

Такъ же поступай и въ отношеніи къ рукодѣлію и къ дѣламъ послушанія твоего. Покажется тебѣ, что такихъ дѣлъ много, ты и мятешься и готовъ руки опустить. Но ты не думай объ этомъ множествѣ дѣлъ, а скрѣпя сердце, берись за первое предлежащее и дѣлай его со всѣмъ усердіемъ, какъ бы другихъ совсѣмъ не было, и сдѣлаешь его покойно; потомъ такимъ же образомъ поступи и въ отношеніи къ другимъ дѣламъ, и все передѣлаешь спокойно, безъ смятенія и хлопотливости.

Такъ и во всемъ поступай, и вѣдай, что если ты не возьмешься за разумъ и не станешь такъ поборать чувствъ притрудности и обременительности, какія представляетъ тебѣ врагъ, отъ предлежащихъ тебѣ должныхъ дѣлъ; то нерадѣніе совсѣмъ наконецъ одолѣетъ тебя, такъ что ты не только тогда, какъ будетъ предлежать тебѣ какой-либо трудъ, но и когда еще онъ далеко впереди видится, будешь чувствовать, какъ будто у тебя гора на плечахъ, будешь тяготиться тѣмъ и мучиться, подобно невольникамъ, въ безвыходномъ невольничествѣ состоящимъ. Такъ и во время покоя, не будешь ты имѣть покоя, и безъ дѣлъ будешь чувствовать себя обремененнымъ дѣлами.

Вѣдай также, чадо мое, что эта болѣзнь лѣности и нерадѣнія ядомъ своимъ невидимо мало-по-малу растлѣваетъ не только начальные и малые еще корни, изъ которыхъ могли со временемъ произрасти навыки добродѣтельные, но и тѣ, которые давно уже углубились и служатъ основой всѣхъ порядковъ доброй жизни. Какъ червь мало-по-малу, истачиваетъ дерево, такъ она, продолжаясь, нечувствительно снѣдаетъ и истребляетъ самые нервы духовной жизни. Посредствомъ ея діаволъ умѣетъ разстилать сѣти и тенета искушеній для всякаго человѣка: что съ особенною заботой и лукавою

хитростію старается онъ устроять для ревнителей о духовной жизни, зная, что лѣнивый и нерадивый удобно поддается похотямъ и падаетъ, какъ написано: *въ похотехъ есть всякъ праздный* (Притч. 13, 4).

Будь же всегда бдителенъ, молись и доброе держи тщаніе о добромъ, какъ подобаетъ мужественному борцу: *руки бо мужественныхъ въ прилѣжаніи* (Притч. 13, 4). Не сиди сложа руки, отлагая шитіе себѣ брачнаго хитона до того момента, когда надо будетъ въ полномъ благоукрашеніи исходить въ срѣтеніе грядущему жениху, Христу Господу. Напоминай себѣ каждый день, что *нынѣ* въ нашихъ рукахъ, а *завтра* въ рукахъ Божіихъ, и что Давшій тебѣ утро не связалъ Себя чрезъ то обѣщаніемъ, что дастъ и вечеръ. Потому отнюдь не слушай діавола, когда онъ будетъ тебѣ нашептывать: отдай мнѣ *нынѣ*, а Богу отдашь *завтра*. Нѣтъ, нѣтъ; но всѣ часы жизни твоей проводи такъ, чтобъ это было благоугодно Богу, содержи въ мысли, что послѣ настоящаго часа не будетъ тебѣ дано другаго, и что за каждую минуту сего часа ты долженъ будешь отдать самый подробный отчетъ. Помни, что цѣны нѣтъ тому времени, которое ты имѣешь въ рукахъ своихъ, и что если попусту потратишь его, придетъ часъ, когда взыщешь его и не обрѣтешь. Почитай потеряннымъ тотъ день, въ который, хотя и дѣлалъ добрыя дѣла, но не преодолѣвалъ своихъ худыхъ склонностей и пожеланій.

Кончаю мои тебѣ объ этомъ уроки, повторяя Апостольскую заповѣдь: *подвизайся добрымъ подвигомъ* всегда (1 Тим. 6, 12). Ибо нерѣдко бывало, что одинъ часъ ревностнаго труда стяжевалъ рай, какъ и напротивъ одинъ часъ нерадѣнія лишалъ его. Будь тщаливъ, если желаешь засвидѣтельствовать, сколь твердо предъ Богомъ упованіе спасенія твоего. *Иже бо*

надѣется на Господа, въ прилѣжаніи будетъ (Притч. 28, 25).

Глава двадцать первая.

Объ управленіи и добромъ пользованіи внѣшними чувствами.

Многодумнымъ и непрерывнымъ подвигомъ у ревнителей благочестія должны быть строгое управленіе и доброе направленіе употребленія внѣшнихъ нашихъ пяти чувствъ,—зрѣнія, слуха, обонянія, вкуса и осязанія. Сердце наше непрестанно жаждетъ и ищетъ утѣхъ и наслажденій. Ему слѣдовало бы находить ихъ внутреннимъ порядкомъ, содержа и нося въ себѣ Того, по образу Коего созданъ человѣкъ, самый источникъ всякаго утѣшенія. Но когда въ паденіи отпали мы отъ Бога, себя ради, то не удержались и въ себѣ, а ниспали въ плоть и чрезъ нее вышли во внѣ, и тамъ начали искать себѣ радостей и утѣхъ. Проводниками и руководителями въ семъ стали наши чувства. Чрезъ нихъ душа исходитъ во внѣ, вкушаетъ вещи, подлежащія испытанію каждаго чувства, и тѣми, кои услаждаютъ сіи чувства, услаждается сама, и изъ совокупности ихъ составляетъ себѣ кругъ утѣхъ и наслажденій, во вкушеніи коихъ полагаетъ свое первое благо. Порядокъ такимъ образомъ извратился: вмѣсто Бога внутри сердце ищетъ сластей внѣ и ими довольствуется.

Внявшіе гласу Божію: покайтеся, каются и полагаютъ себѣ закономъ возстановить въ себѣ первоначальный порядокъ жизни, т.-е. возвратиться отвнѣ внутрь, и извнутрь къ Богу, чтобъ жить въ Немъ и Имъ, и въ семъ имѣть свое первое благо, и въ себѣ носить

источникъ утѣшеній. Возстановленіе такого порядка, хотя воспринимается сильнымъ желаніемъ и твердою рѣшимостію, достигается однакожъ не вдругъ. Рѣшившемуся на сіе предлежитъ долгій трудъ боренія съ прежними навыками утѣшать и услаждать и ублажать себя, пока они отпадутъ и замѣнятся другими, по роду новой жизни. И вотъ здѣсь-то большое значеніе имѣютъ управленіе и пользованіе внѣшними чувствами.

Каждое чувство имѣетъ свой кругъ предметовъ, пріятныхъ и непріятныхъ. Пріятными услаждается душа, и привыкши къ сему, образуетъ въ себѣ похотѣніе къ нимъ. Отъ каждаго чувства внѣдряется такимъ образомъ въ душу нѣсколько похотѣній, или склонностей и пристрастій. Онѣ всѣ кроются въ душѣ и молчатъ, когда нѣтъ поводовъ къ возбужденію ихъ. Возбуждаются же онѣ иногда помыслами о предметахъ ихъ, но главнымъ и сильнѣйшимъ образомъ тѣмъ, если предметы ихъ предстоятъ чувствамъ и испытываются ими. Въ семъ случаѣ похотѣніе къ нимъ возстаетъ неудержимо,—и въ томъ, кто не положилъ еще поддаваться ему, *раждаетъ грѣхъ, грѣхъ же содѣянъ раждаетъ смерть* (Іак. 1, 15), и исполняется на немъ пророческое слово: *вниде смерть сквозѣ окна ваша* (Іер. 9, 21), т.-е. сквозь чувства, кои суть окна души для сообщенія съ внѣшнимъ міромъ,—а въ томъ, кто положилъ, поднимаетъ брань не безопасную отъ паденія. Потому для сего послѣдняго должно быть неотложнымъ закономъ, такъ управлять и пользоваться чувствами, чтобъ чрезъ нихъ не возбуждались чувственныя похотѣнія, а напротивъ получались такія впечатлѣнія, которыя подавляли бы ихъ и возбуждали противоположныя имъ чувства.

Видишь, брате, въ какую опасность могутъ поставить тебя чувства твои. Внимай убо и себѣ, и умудряй-

ся предотвращать ее. Всячески старайся не попускать имъ блуждать туда и сюда, какъ хотятъ, и не обращай ихъ на вкушеніе однихъ чувственныхъ сластей, а напротивъ обращай къ тому, что добро, или полезно, или нужно. И если доселѣ иной разъ чувства твои прорывались къ чувственнымъ наслажденіямъ, но отнынѣ всевозможно подвизайся обуздывать ихъ и отъ увлеченій возвращать назадъ. Добрѣ управляй ими, такъ чтобъ, гдѣ прежде порабощались они суетнымъ и душевреднымъ удовольствіямъ, тамъ послѣ сего отъ каждой твари и отъ каждаго предмета воспринимали душеполезныя впечатлѣнія и ихъ вносили въ душу. Такія впечатлѣнія, возраждая въ душѣ духовные помыслы, будутъ собирать ее въ себя саму, и на крыльяхъ умнаго созерцанія возносить къ зрѣнію Бога и славословію Его, какъ говоритъ блаженный Августинъ: „сколько ни есть въ мірѣ тварей, всѣ онѣ ведутъ бесѣду съ мужами благочестивыми, на языкѣ нѣмомъ, правда, и молчаливомъ, но тѣмъ не менѣе многодѣйственномъ и для нихъ удобнослышимомъ и удобнопонимаемомъ; отъ чего воспринимаютъ они благія и благоговѣйныя помышленія и подвигаются на пламеннѣйшую любовь къ Богу.“

Это и ты можешь дѣлать слѣдующимъ образомъ. Когда внѣшнимъ твоимъ чувствамъ предстоитъ какой-либо чувственный предметъ, видимый ли, или слышимый, или обоняемый, или вкушаемый, или осязаемый,— отдѣли въ помыслѣ своемъ то, что есть въ немъ чувственнаго и вещественнаго, отъ того, что есть въ немъ отъ творческаго Духа Божескаго, и помысли, что невозможно, чтобъ онъ самъ отъ себя имѣлъ свое бытіе и все другое, что есть въ немъ, но что все это есть въ немъ дѣло Бога, Который невидимою силою Своею даетъ ему и это бытіе, и эту доброкачествен-

ность, красоту и мудрое устройство, и эту силу дѣйствовать на другихъ, и эту крѣпость отъ нихъ принимать воздѣйствіе, и все другое, что есть въ немъ хорошаго. Затѣмъ перенеси такія помышленія и на всѣ другія видимыя вещи, и возрадуйся сердцемъ, что одинъ Богъ есть причина и начало столь разнообразныхъ, столь великихъ и столь дивныхъ совершенствъ, открывающихся въ тваряхъ, — что Самъ Онъ въ безмѣрности совмѣщаетъ въ Себѣ всевозможныя совершенства, и что эти совершенства, видимыя въ тваряхъ, суть не что иное, какъ слабое отраженіе и тѣнь безпредѣльныхъ Божіихъ совершенствъ. Такими помышленіями упражняй умъ свой при видѣ всякой твари, и привыкнешь, смотря на видимыя вещи, не останавливаться вниманіемъ на одной ихъ внѣшности, но проникать внутрь, къ тому, что въ нихъ есть божескаго, къ невидимой, сокровенной ихъ умозрительной красотѣ. Вслѣдствіе сего, все что есть въ вещахъ внѣшне-привлекательнаго для твоей чувственной стороны, будетъ безслѣдно миновать твое вниманіе и чувство, и только одно внутреннее ихъ содержаніе овладѣвать будетъ умомъ твоимъ, возбуждая и питая въ немъ духовныя созерцанія и подвигая на славословіе Господа.

Такъ, смотря на четыре стихіи, — огонь, воздухъ, воду и землю, и помышляя объ ихъ существѣ, силѣ и дѣйствіи, въ великомъ утѣшеніи духовномъ воззовешь тогда къ верховному Создателю ихъ, такъ ихъ устроившему: „Боже великій, Сила безмѣрная и Дѣйство превожделѣнное! Радуюсь и веселюсь, что Ты единъ еси начало и причина всякой тварной сущности, силы и дѣйства!“ Воззрѣвъ на небо и свѣтовыя тѣла небесныя: солнце, луну и звѣзды, и помышляя, что свѣтъ свой и свое блещаніе получили они отъ Бога, воскликнешь: „Свѣте, паче всякаго свѣта свѣт-

лѣйшій, отъ Коего созданъ всяческій свѣтъ вещественный и невещественный! Свѣте предивный, первый предметъ радованія ангеловъ и упоенія блаженныхъ, въ неуклонное созерцаніе Котораго изумленно погружаются очи херувимовъ, и въ сравненіи съ Коимъ всѣ чувственные свѣты кажутся тьмою глубокою! Славословлю и превозношу Тебя, Свѣте истинный просвѣщающій всякаго человѣка грядущаго въ міръ! Сподоби меня, всегда умно зрѣти Тебя, да радуется полною родостію сердце мое!"—Также смотря на дерева, травы и другія разныя растенія, и зря умомъ, какъ они живутъ, питаются, растутъ и отражаютъ отъ себя подобное себѣ, и что не отъ себя самихъ имѣютъ они жизнь и все другое, что есть въ нихъ, но отъ творческаго Духа, Котораго ты не видишь, и Который одинъ животворитъ ихъ, — такъ можешь воззвать: „Вотъ гдѣ истинная жизнь, отъ Которой, въ Которой и Которою живетъ, питается и множится все! О живоносное Услажденіе сердца моего!"—Подобнымъ образомъ и при воззрѣніи на неразумныхъ животныхъ, можешь ты вознестись умомъ своимъ къ Богу, давшему имъ чувства и силу двигаться съ мѣста на мѣсто, и сказать: „о первый всяческихъ Движителю, Который, все приводя въ движеніе, Самъ въ Себѣ пребываешь недвижимъ! Сколь радуюсь я и веселюсь о сей неподвижности Твоей и Твоемъ твердомъ тождепребываніи!"

Смотря же на себя самого, или на другихъ людей и помышляя, что тебѣ одному дано высокое положеніе, что ты одинъ изъ всѣхъ живыхъ на землѣ существъ одаренъ разумомъ, и служишь точкой единенія и союза вещественныхъ и невещественныхъ тварей,—подвигнись на славословіе и благодареніе Творца своего и Бога и скажи: „о, пресущная Троице,

Отче, Сыне и Душе Святый! буди препрославлена во вѣки! Сколько долженствую я благодарить Тебя всегда, не только за то, что Ты создалъ меня изъ земли и поставилъ царемъ надъ всѣми наземными тварями, не только за то, что Ты по естеству почтилъ меня образомъ Своимъ, разумомъ, словомъ, живымъ тѣломъ, но за то наипаче, что даровалъ мнѣ силу свободнымъ произволеніемъ моимъ содѣлываться подобнымъ Тебѣ посредствомъ добродѣтелей, чтобъ чрезъ то вѣчно имѣть Тебя въ себѣ и блаженствовать въ Тебѣ!“

Обращаюсь теперь къ каждому изъ пяти чувствъ въ частности, и говорю тебѣ: видя красоту и благообразіе тварей, отдѣляй умомъ своимъ то, что видишь, отъ духовнаго значенія ихъ, котораго не видишь, и, помысливъ, что вся эта благообразная красота, внѣшно видная, есть дѣло невидимаго и всекраснѣйшаго творческаго Духа, въ Коемъ причина всякой такой внѣшней красоты, скажи, преисполненъ бывъ радованіемъ: „се обильные потоки изъ несозданнаго источника! Се всеоросительный дождь отъ безмѣрнаго моря всякаго блага! Какъ обрадованъ я въ нѣдрахъ сердца моего, помышляя о неизреченной красотѣ Творца моего, — началѣ и причинѣ всякой созданной красоты! Какою сладостію духовною преисполненъ бываю, когда держу на умѣ мысль о неизглаголанной и недомыслимой красотѣ Бога моего, въ коей начало всякой красоты!“

Когда слышишь какой—либо пріятный голосъ, или гармонію такихъ голосовъ и пѣній, обратись умомъ своимъ къ Богу, и скажи: „гармонія гармоній, Господи мой! Какъ радуюсь я о безпредѣльныхъ совершенствахъ Твоихъ, кои всѣ, сосредоточиваясь въ Тебѣ въ преестественной гармоніи, и потомъ отражаясь въ сонмахъ ангеловъ на небесахъ, и въ неисчислимыхъ созданіяхъ подъ небесами, составляетъ одну невообра-

зимо стройную симфонію!“ И еще: „когда придетъ, Господи, мой часъ, услышать мнѣ ушами сердца моего сладчайшій гласъ Твой, говорящій: миръ Мой даю тебѣ,—миръ отъ страстей! *Яко гласъ Твой сладокъ*, какъ поетъ невѣста въ Пѣсняхъ пѣсней“ (—2, 14)!

Если случится тебѣ обонять мvро нѣкое, или цвѣта кокого благовоніе, перейди мыслію отъ этого внѣшняго благоуханія къ сокровенному уханію Духа Святаго и скажи: „се уханіе Цвѣта онаго всеблагоуханнаго, и Мvра онаго неистощимаго. Которое излилось на всѣ твореніи Божія, какъ поется въ Пѣсняхъ пѣсней: *Азъ цвѣтъ польный и кринъ удольный* (—2, 1)—и еще: *мvро изліянное имя Твое* (—1, 2). Се распространеніе источнаго благоуханія, которое пребогато источаетъ божественныя свои отдыханія на все, отъ высшихъ чистѣйшихъ ангеловъ до послѣднѣйшихъ тварей, и все облагоухаваетъ.“ Такъ нѣкогда Исаакъ, обонявъ воню сына своего Іакова, сказалъ: *„се воня сына моего, яко воня нивы исполнены, юже благослови Господь“* (Быт. 27, 27).

Опять когда ѣшь или пьешь, помысли, что это Богъ даетъ всему съѣдобному пріятный для насъ вкусъ, и Имъ единымъ услаждаясь, скажи: „радуйся, душа моя, что тогда какъ внѣ Бога нѣтъ для тебя никакого удовлетворенія, нѣтъ никакой сладости и утѣшенія, ты, познавъ Его и къ Нему прилѣпившись, въ Немъ единомъ можешь находить всякое услажденіе, какъ приглашаетъ тебя къ сему Давидъ, говоря: *вкусите и видите, яко благъ Господь* (Пс. 33, 9), и какъ Соломонъ удостовѣряетъ въ истинѣ сего, сказавъ: *плодъ его сладокъ въ гортани моемъ“* (Пѣс. пѣс. 2, 3).

Также когда простираешь руки свои, чтобъ сдѣлать какое дѣло, приводи на мысль, что Богъ, даровавшій тебѣ силу и способность дѣйствовать, есть первая причина всякаго движенія, ты же не что иное, какъ

живое орудіе въ рукѣ Его, и вознесшись къ Нему помысломъ, скажи: „какую радость испытываю я внутрь себя, вышній Боже всяческихъ, помышляя, что я безъ Тебя не могу сдѣлать никакого дѣла, и что Ты еси первый и начальный дѣйствователь во всякомъ дѣлѣ!“

А когда въ другихъ увидишь доброту или мудрость, или правду, или другія какія добродѣтели, то и въ семъ случаѣ отдѣляя отъ сего видимаго невидимое, скажи къ Богу твоему: „о, пребогатое сокровище всякой добродѣтели! Сколь велика для меня радость вѣдать и видѣть, что всякое добро исходитъ отъ Тебя единаго и что всякое наше добро, въ сравненіи съ Твоими божественными совершенствами,—ничто! Благодарю Тебя, Боже мой, за сіе и за всякое другое добро, какое творишь ты ближнему моему; но помяни, Благодѣтелю нашъ, и о моей собственной нищетѣ и о великой моей недостаточности во всякой добродѣтели.“

И скажу вообще, всякій разъ, какъ почувствуешь въ твореніяхъ Божіихъ что привлекательное и услаждающее, не останавливайся вниманіемъ на нихъ однихъ, но минуя ихъ, перейди помысломъ своимъ къ Богу, и скажи: „если творенія Твои, Боже мой, такъ прекрасны, такъ радостотворны и усладительны; сколь же безмѣрно прекрасенъ, сколь безмѣрно радостворенъ и сколь безмѣрно сладостенъ Ты Самъ, Творче всяческихъ!“

Если будешь такъ поступать, возлюбленный мой, то можешь и посредствомъ пяти своихъ чувствъ научиться Боговѣдѣнію, восходя всегда умомъ своимъ отъ тварей къ Творцу; такъ что бытіе и благоустроеніе всего сотвореннаго будетъ для тебя книгой Богословія, и ты, находясь еще въ семъ чувственномъ мірѣ, содѣлаешься причастнымъ вѣдѣнія, свойственнаго премірному міру. Ибо, воистину, весь міръ и вся природа

есть не что иное, какъ органъ нѣкій, въ коемъ подъ видимостію невидимо пребываетъ присущимъ Самъ Устроитель и Художникъ всего, дѣйствуя и видимо проявляя художество Свое, или въ видимомъ и вещественномъ предоставляя взору разумныхъ тварей невидимыя и невещественныя Свои совершенства и дѣйствія. Почему съ одной стороны премудрый Соломонъ говоритъ, что *отъ величія красоты созданій возводительно Бытотворецъ ихъ узрѣвается* (Прем. 13, 5), а съ другой блаженный Павелъ удостовѣряетъ, что *невидимое Божіе, Его вѣчная сила и Божество, отъ созданія міра чрезъ разсматриваніе твореній видимы* (Рим. 1, 20). Въ мірѣ Божіемъ съ одной стороны поставлены всѣ творенія Божіи, премудро устроенныя, съ другой—люди обогащенные разумною силою, съ тою цѣлію, чтобъ они разумною силою своею, разсматривая творенія и узрѣвая въ созданіи и устроеніи ихъ безпредѣльную премудрость, восходили къ познанію и созерцанію предвѣчнаго и ѵпостаснаго Слова, *Имже вся быша* (Іоан. 1, 3). И мы естественно изъ дѣйствій познаемъ Дѣйствующаго; такъ что слѣдуетъ только право и здраво разсудить, чтобъ въ твореніи обрѣсти вѣру (εις τη κτισει την πιστιν), и въ созданномъ узрѣть Создателя Бога.

Глава двадцать вторая.

О томъ, что тѣже чувственные, предметы о которыхъ мы говорили, бываютъ средствами и орудіями къ доброму управленію нашихъ чувствъ, если отъ нихъ будемъ мы переходить къ помышленію о воплощеніи Бога Слова, и о таинствахъ Его жизни, страданій и смерти.

Выше я показалъ тебѣ, какъ отъ чувственныхъ вещей можемъ возносить умъ свой къ созерцанію Бога.

Теперь поучись другимъ способомъ возвысить умъ свой отъ чувственнаго къ божественному,—именно чрезъ перехожденіе отъ него къ размышленію о воплощеніи Бога Слова и о святѣйшихъ таинствахъ Его жизни, страданія и смерти. Всѣ чувственныя вещи міра сего могутъ служить поводомъ къ такому размышленію и созерцанію, если послѣ того, какъ прежде, смотря на нихъ, пройдешь мыслію, какъ сказали мы выше, что Всевышній Богъ есть первая причина, давшая имъ бытіе и все, что есть въ нихъ,—силы, совершенства, дѣйствія, положеніе между другими тварями, помыслишь, сколь великою и безмѣрною является благость сего самаго Бога, когда Онъ, будучи единымъ началомъ всякаго созданнаго бытія, восхотѣлъ низойти до такого смиренія и умаленія, чтобъ содѣлаться человѣкомъ, пострадать и умереть за людей, попустивъ дѣлу собственныхъ рукъ своихъ вооружиться противъ Себя и распять Себя.

Итакъ когда увидишь, или услышишь, или осяжешь орудія, верви, бичи, столпы, терновыя вѣтви, гвозди, молотки, и другое что подобное,—помысли въ умѣ своемъ, какъ все такое служило нѣкогда орудіемъ страданій Господа твоего.

Когда видишь бѣдные домы, или живешь въ такомъ домѣ, преходи воспоминаніемъ къ вертепу и яслямъ рождшагося человѣкомъ Господа твоего. Когда увидишь, что дождь идетъ, вспомни о тѣхъ кровавыхъ капляхъ потовыхъ, которыя капали съ божественнаго тѣла сладчайшаго Іисуса въ саду Геѳсиманскомъ, и оросили землю. Когда увидишь море и лодки на немъ, вспомни, какъ нѣкогда Богъ твой ходилъ по водамъ, и стоя въ лодкѣ училъ народъ. Камни, видимые тобою, пусть представляютъ тебѣ тѣ камни, кои распались въ моментъ смерти Господа твоего, и земля, по-

какой ходишь, пусть напоминаетъ тебѣ то трясеніе ея, которымъ потряслась она тогда въ заключеніе страстей Христовыхъ.

Солнце пусть приводитъ тебѣ на память ту тьму, которая помрачила его тогда; вода да напоминаетъ тебѣ ту воду, которая вмѣстѣ съ кровію истекла изъ божественныхъ ребръ Господа, когда воинъ прободе Его на крестѣ мертваго. Когда пьешь вино, или другое какое питіе, приводи на мысль оцетъ и желчь, коими на крестѣ напояли Владыку твоего.

Когда одѣваешься, вспомни, что предвѣчное Слово одѣялось плотію человѣческою, чтобъ тебя одѣть Божествомъ Своимъ. Видя себя одѣтымъ, помысли о Христѣ Господѣ, Который благоволилъ обнаженнымъ быть, чтобъ пріять бичеваніе и пригвождену быть ко кресту ради тебя. Если покажется тебѣ какой гласъ сладкимъ и привлекательнымъ, перенеси любительное влеченіе сіе на Спасителя твоего, въ устахъ Коего изливалась всякая благодать и сладость, какъ поется въ псалмахъ: *изліяся благодать во устахъ Твоихъ* (—44, 3), и по причинѣ сладости языка Коего, народъ неотступно держался Его, не желая оторваться отъ слушанія Его, какъ свидѣтельствуетъ св. Евангелистъ Лука, говоря: *людіе вси держахуся Его, послушающе Его* (—19, 48). Когда услышишь шумъ и крикъ народа, помысли о томъ пребеззаконномъ воплѣ Іудеевъ: *возми, возми, распни Его* (Іоан. 19, 15), которымъ поражены были тогда уши Господа. Когда увидишь какое красивое лице, вспомни, что *краснѣйшій добротою паче всѣхъ сыновъ человѣческихъ* (Пс. 44, 3), Господь Іисусъ Христосъ, по любви къ тебѣ благоволилъ явиться на крестѣ *не имѣющимъ вида, ни доброты, умаленнымъ паче всѣхъ сыновъ человѣческихъ* (Ис. 53, 3). Всякій разъ, какъ бьютъ часы, да приходитъ тебѣ на умъ то скорб-

ное туженіе сердца, которое объяло Господа Іисуса, когда Онъ въ саду Геѳсиманскомъ началъ ужасатися приближавшагося часа страданій и смерти; или думай, будто слышишь тѣ удары млатовъ, которые слышались при пригвожденіи Господа ко кресту. И обще скажу, при всякомъ печальномъ случаѣ, который встрѣтится тебѣ или другимъ, держи на умѣ, что всякая наша печаль, скорбь и страданіе ничто въ сравненіи съ болѣзненными мученіями и ранами, коими поражаемы были душа и тѣло Господа во время спасительныхъ страстей Его, нашего ради спасенія.

Глава двадцать третья.

Какъ отъ чувственныхъ впечатлѣній переходить къ нравственно-назидательнымъ урокамъ.

Когда видишь вещи красивыя на видъ и цѣнимыя на землѣ, помысли, что всѣ онѣ ничтожны, какъ соръ какой, сравнительно съ красотами и богатствами небесными, которыя несомнѣнно получишь ты по смерти, если презришь весь міръ.

Обращая взоръ свой на солнце, помысли, что душа твоя болѣе, чѣмъ она, свѣтла и прекрасна, если состоитъ во благодати Творца своего; а если нѣтъ, то она мрачнѣе и мерзостнѣе самой преисподней тьмы.

Взирая очами своими на небо, устреми очи души твоей въ самое высшее, пренебесное небо, и прилѣпись къ нему помысломъ своимъ, такъ какъ оно уготовано въ вѣчно блаженное жилище тебѣ, если здѣсь на землѣ проживешь безпорочно и свято.

Слыша трели птицъ на древахъ въ весеннее время и другія мелодичныя пѣнія, возвысь умъ свой къ сладчайшимъ пѣснопѣніямъ райскимъ и помысли, какъ

тамъ непрестанно всюду раздается эхо отъ Аллилуіа и другихъ ангельскихъ славословій, и моли Бога, да сподобитъ тебя вѣчно пѣснословить Его вмѣстѣ съ оными небесными духами, о коихъ пишется въ Апокалипсисѣ: *и по сихъ слышахъ гласъ велій народа многа на небеси глаголющаго: аллилуія: спасеніе, и слава, и честь, и сила Господу нашему* (19, 1).

Когда почувствуешь, что увлекаешься чьею-либо красотою, приведи на мысль, что подъ сею привлекательностію кроется преисподній змій, готовый убить тебя, или хоть поранить, и скажи ему: „а, проклятый змій! Это ты воровски стоишь здѣсь, ища поглотить меня! Напрасный трудъ; ибо Господь мнѣ помощникъ." Потомъ обратясь къ Богу, скажи: „благословенъ Ты, Боже мой, обнаружившій предо мною скрытнаго врага моего, и *не давшій меня въ ловитву зубомъ его*" (Пс. 123, 6). А затѣмъ укройся, какъ въ нѣкое спасительное убѣжище, въ раны Распявшагося за насъ, посвящая себя имъ, при мысли, сколько Господь нашъ претерпѣлъ въ святѣйшей плоти Своей, чтобъ тебя избавить отъ грѣха и вселить въ тебя омерзеніе къ плотскимъ страстямъ.

Напомню тебѣ еще объ одномъ, какъ объ орудіи къ отраженію обольщеній красоты плотской, именно: когда подпадешь этому, спѣши добрѣ погрузить умъ свой въ помышленіе о томъ, что будетъ по смерти это, такъ увлекающее тебя, существо? Смрадный гной, преисполненный червей.

Когда идешь куда, при каждомъ шагѣ и ступаніи ноги твоей помышляй, что такимъ же образомъ подвигается впередъ и твое приближеніе ко гробу. Также видя птицъ, парящихъ въ воздухѣ, или рѣки, быстро катящія воды свои, помышляй, что еще съ большею скоростію жизнь твоя летитъ, спѣша къ концу своему.

Когда подымутся бурные вѣтры, и на небѣ, покрытомъ мрачными тучами, начнутъ раздаваться всепотрясающіе громы и возсіявать ослѣпительныя сверканія молніи, тогда вспомни о страшномъ днѣ судномъ, и преклонивъ колѣна, поклонись Господу Богу твоему и помолись Ему, да дастъ Онъ тебѣ время и благодать добрѣ приготовиться къ непостыдному предстоянію тогда предъ лицемъ Его страшнаго величія.

Когда случатся тебѣ разныя непріятности, не забывай и при нихъ упражнять умъ свой назидательными помышленіями о нихъ и по поводу ихъ, а главное вотъ что дѣлай: возносись къ созерцанію всеправящей воли Божіей и старайся возставить въ себѣ убѣжденіе, что это для блага твоего и твоего спасенія всеблагая премудрость и праведная воля Божія благоволила положить, чтобъ ты потерпѣлъ то, что терпишь въ сіе время и въ той мѣрѣ, какъ терпишь. Почему въ такихъ случаяхъ, радуясь о любви, какую показываетъ тѣмъ тебѣ Богъ, и о томъ, что Онъ дастъ тебѣ случай показать, какъ охотно и любовно покорствуешь ты волѣ Его во всемъ, что благоугодно Ему послать тебѣ, скажи отъ сердца: „се исполняется на мнѣ воля Божія, по коей отъ вѣка по любви ко мнѣ положилъ Онъ, чтобы я потерпѣлъ настоящую непріятность, или скорбь, или потерю, или напраслину. Буди благословенно имя благостнѣйшаго Владыки моего.“

Когда придетъ тебѣ на умъ какой добрый помыслъ, обратись къ Богу, и сознавъ, что онъ Имъ посланъ, благодари Его.

Когда занимаешься чтеніемъ Слова Божія, представляй, что подъ каждымъ словомъ сокровенно присущъ Богъ, и принимай ихъ какъ бы исходящими изъ Его божественныхъ устъ.

Если въ то время, какъ солнце царствуетъ на небѣ,

увидишь, что подходитъ тьма и помрачаетъ свѣтъ его, какъ бываетъ при затмѣніяхъ, воспечалься и помолись Богу, чтобъ Онъ не попустилъ тебѣ впасть во тьму кромѣшную.

Взирая на крестъ, держи въ мысли, что это есть знамя нашего духовнаго воинствованія, въ коемъ сокрыта всепобѣдительная сила; и что если ты удалишься отъ него, то преданъ будешь въ руки враговъ своихъ; а если пребудешь подъ нимъ, то достигнешь неба и внидешь въ него въ преславномъ торжествѣ.

Когда увидишь икону Пресвятыя Богородицы, обрати сердце свое къ Ней, Царицѣ небесной, и возблагодари Ее за то, что Она явилась такою готовою на покорность волѣ Божіей, что родила, отдоила и воспитала Избавителя міра, и что въ невидимой брани нашей никогда не оскудѣваетъ Ея предстательство и помощь намъ.

Иконы святыхъ да представляютъ уму твоему, сколько имѣешь ты ходатаевъ къ Богу, всегда о тебѣ молящихся, и сколько споборниковъ тебѣ въ непрестающей брани твоей, которые, сами мужественно боровшись всю жизнь съ врагами и препобѣдивъ ихъ, и тебѣ открыли и указали бранное поприще, которое бодренно прошедши съ помощію ихъ, будешь и ты вмѣстѣ съ ними украшенъ вѣнцами побѣдными въ вѣчной славѣ небесной.

Когда увидишь церковь, тогда, между другими спасительными помышленіями, припоминай и то, что душа твоя также есть храмъ Божій, какъ написано: *вы есте церкви Бога жива* (2 Кор. 6, 16), и что потому ты долженъ блюсти ее чистою и непорочною.

Всякій разъ какъ слышишь благовѣстъ, приводи на память архангельское привѣтствіе: *Богородице Дѣво, ра-*

дуйся, и слѣдующія возставляй въ себѣ мысли и чувства: благодари Бога за ниспосланіе съ неба на землю этой благой вѣсти, ставшей началомъ устроенія нашего спасенія; войди въ сорадованіе Приснодѣвѣ о томъ преестественномъ величіи, до коего возвысилась Она глубочайшимъ своимъ смиреніемъ; вмѣстѣ съ Нею, блаженнѣйшею Матерью и архангеломъ Гавріиломъ, поклонись божественному Плоду, Который тотчасъ же зачался тогда въ пресвятомъ чревѣ Ея. Ты хорошо сдѣлаешь, если почаще будешь повторять сію пѣснь въ продолженіе дня, сопровождая то и изложенными предъ симъ чувствами; три же раза повторять, утромъ, вечеромъ и въ полдень, поставь себѣ за неотложный законъ.

И коротко скажу тебѣ: будь всегда бодрственъ и внимателенъ въ отношеніи къ чувствамъ своимъ и никакъ не допускай, чтобы то, что ты воспріимешь чрезъ нихъ, возбуждало и питало страсти твои; напротивъ такъ симъ пользуйся, чтобъ это ни на волосъ не уклоняло тебя отъ твоего рѣшенія, всегда и во всемъ являть себя благоугоднымъ Богу, или стоящимъ въ волѣ Его. А для этого, кромѣ предложеннаго предъ симъ возвожденія мыслей отъ чувственнаго къ духовному, наиболѣе можетъ способствовать еще въ первыхъ главахъ высказанное правильце — ничѣмъ сразу не увлекаться и ни отъ чего сразу не отвращаться, но разсужденіемъ твердымъ и строгимъ опредѣлять, какъ должно въ данномъ случаѣ отнестись къ впечатлѣніямъ чувствъ, чтобъ это было сообразно съ волею Божіей, извѣстною намъ изъ заповѣдей Его.

Скажу тебѣ еще къ свѣдѣнію, что изложенные мною пріемы, какъ употребленіе чувствъ обращать къ пользамъ духовнымъ, изложены мной не для того, чтобъ ты непрестанно въ этомъ упражнялся. Нѣтъ, непрестанно ты долженъ, собравъ весь умъ свой въ сердце,

пребывать тамъ съ Господомъ, имѣя Его и какъ руководителя, и какъ помощника къ препобѣжденію враговъ и страстей, то простымъ противленіемъ имъ внутреннимъ, то дѣлами добродѣтелей, противоположныхъ имъ. Сказанное же мною сказано для того, чтобъ ты зналъ то и пользовался тѣмъ, когда нужно. Впрочемъ духовнымъ нѣкіимъ покровомъ покрыть все чувственное, окружающее насъ, безспорно весьма благотворно для цѣлей нашей брани.

Глава двадцать четвертая.

Общие уроки объ употреблении чувствъ.

Мнѣ остается еще предложить тебѣ общія правила о томъ, какъ должно употреблять внѣшнія чувства, чтобъ впечатлѣнія отъ нихъ не разоряли нашего духовно-нравственнаго строя. Внемли убо!

а) Паче всего, брате мой, всеусильно держи въ рукахъ злыхъ и скорыхъ окрадателей своихъ, — *очи свои*, — и никакъ не позволяй имъ простираться къ любопытному смотрѣнію на лица женщинъ, красивы ли онѣ или некрасивы, равно какъ и на лица мужчинъ, особенно юныхъ и безбородыхъ. Не позволяй имъ также смотрѣть на нагія тѣла, не только чужія, но и на свое собственное. Ибо отъ такого любопытства и страстнаго смотрѣнія удобно можетъ зародиться въ сердцѣ сладострастная похоть блудная, не безвинная, какъ сказалъ Господь: *всякъ, иже воззритъ на жену, ко еже вождельти ея, уже любодѣйствова съ нею въ сердцѣ своемъ* (Мѳ. 5, 28). И изъ мудрыхъ нѣкто написалъ: „отъ воззрѣнія раждается вожделѣніе.“ Почему и Соломонъ, предостерегая насъ отъ плѣненія очами и отъ уязвленія похотѣніемъ красоты, даетъ урокъ: *сыне, да не по-*

бѫдитъ тя доброты похоть, ниже уловленъ буди очима твоима, ниже да восхитишися вѣждами ея (Притч. 6, 25). Вотъ тебѣ и примѣры пагубныхъ послѣдствій отъ вольносмотрѣнія очами: сыны Божіи, потомки Сиѳа и Еноса, увлеклись дщерями Каина (Быт. гл. 6); Сихемъ, сынъ Еммора въ Сикимѣ, увидѣвъ Дину, дщерь Іакова, палъ съ нею; Сампсонъ плѣненъ былъ красотой Далиды (Суд. гл. 16); Давидъ палъ отъ воззрѣнія на Вирсавію (2 Цар гл. 11); два старца, судіи народные, обезумѣли отъ красоты Сусанны (Дан. гл. 13).

Блюдись также всматриваться въ хорошія яства и питія, припоминая праматерь нашу Еву, которая, посмотрѣвъ недобрыми очами на плодъ запрещеннаго древа въ раю, воспохотствовала его, сорвала и вкусила, и подвергла смерти себя и весь родъ свой. Не смотри съ вожделѣніемъ на красивыя одежды, ни на сребро и злато, ни на блестящіе наряды мірскіе, чтобъ чрезъ очи твои не вошла въ душу твою страсть тщеславія или сребролюбія, объ избавленіи отъ чего тако молится святый Давидъ: *отврати очи мои, еже не видѣти суеты* (Пс. 118, 37). И скажу обще, блюдись смотрѣть на хороводы, пляски, пиры, пышности, споры, ссоры, пустоболтанія и всѣ другія неподобныя и срамныя дѣла, кои любитъ несмысленный міръ и запрещаетъ законъ Божій. Бѣгай и закрывай очи свои отъ всего этого, чтобъ не наполнить сердца своего страстными движеніями и воображенія срамными образами, и не возбудить въ себѣ бунта и брани противъ себя, пресѣкши непрерывность подвига, коимъ долженъ ты всегда подвизаться противъ страстей своихъ. Но люби посѣщать церкви и смотрѣть на св. иконы, священныя книги, усыпальницы, кладбища и все другое преподобное и святое, смотрѣніе на что можетъ спасительно дѣйствовать на душу твою.

б) Надлежитъ тебѣ блюсти и уши свои. И вопервыхъ не слушай срамныхъ и сладострастныхъ рѣчей, пѣсней и музыки, отъ которыхъ блажью наполняется душа и разнѣживается, и сердце разгорается плотскою похотью; ибо написано: *отврати отъ себе понослива* (зловредныя) *словеса* (Притч. 27, 11).

Вовторыхъ, не слушай шумныхъ и смѣхотворныхъ рѣчей, пустыхъ и баснословныхъ разсказовъ и выдумокъ; а если невольно услышишь, не услаждайся ими и не одобряй ихъ. Непристойно христіанамъ находить удовольствіе въ такихъ рѣчахъ, а только тѣмъ развращеннымъ людямъ, о коихъ сказалъ св. Павелъ. что они, *чешеми слухомъ, отъ истины слухъ отвратятъ и къ баснямъ уклонятся* (2 Тим. 4, 4).

Въ третьихъ, не слушай съ услажденіемъ пересудовъ, наговоровъ и клеветъ, какіе иные распространяютъ о ближнихъ своихъ; но или пресѣкай ихъ, если можешь, или удаляйся, чтобъ не слышать ихъ. Ибо св. Василій Великій равно почитаетъ достойными отлученія какъ осуждающихъ и клеветниковъ, такъ и тѣхъ, кои слушаютъ ихъ, не останавливая *).

Въ четвертыхъ, не слушай пустыхъ и суетныхъ рѣчей, въ коихъ проводитъ время большая часть міролюбцевъ, и не услаждайся ими. Ибо въ законѣ написано: *да не пріимеши слуха суетна* (Исх. 23, 1). И Соломонъ сказалъ: *суетно слово и ложно далече отъ мене сотвори* (Притч. 30, 8). А Господь присудилъ: *глаголю же вамъ, яко всяко слово праздное, еже аще рекутъ человѣцы, воздадятъ о немъ слово въ день судный* (Мѳ. 12, 36).

Въ пятыхъ наконецъ, блюдись вообще отъ слушанія всякихъ словъ и рѣчей, могущихъ дѣйствовать на тебя

*) Въ ненадписанныхъ епитиміяхъ: Ει τις ευρεθη καταλαλων τίνος η ακουων καταλαλουντων τινων και μη επιτιμων αυτω, τον αυτω αφοριζεσθω.

душевредно, въ числѣ которыхъ не послѣднее мѣсто занимаютъ лести и похвалы льстецовъ, какъ сказалъ Исаія: *людіе мои, блажащіи васъ льстятъ вы, и стези ногъ вашихъ возмущаютъ* (Ис. 3, 12). Но люби слушать божественныя словеса, священныя пѣсни и псалмы, и все, что честно, свято, премудро и душеполезно; особенно же люби слушать поношенія и укоры, когда кто осыпаетъ тебя ими.

в) Блюди обоняніе свое отъ всякаго рода благоуханій разнѣживающихъ и могущихъ возбуждать плотскіе помыслы и движенія: не держи ихъ на себѣ, не намащайся ими и не вдыхай ихъ похотливо и безъ мѣры. Все такое прилично женщинамъ недобрымъ, а не мужчинамъ любомудрымъ; потому что отъ этого разслабляется мужество души и возбуждаются плотскія страсти и похотѣнія, могущія доводить и до паденій, такъ что на употребляющихъ эти возбудительныя благовонія нерѣдко исполняются пророческія угрозы, кои гласятъ: *лютъ вамъ, первыми вонями мажущіися* (Амос. 6, 6). *Будетъ вамъ вмѣсто добрыя вони смрадъ* (Ис. 3, 23).

г) Блюди вкусъ свой и свое чрево, да не поработятся сладкимъ и утучняющимъ разнообразнымъ яствамъ и ароматнымъ питіямъ разгорячающимъ. Ибо такія утѣшныя трапезы, пока пріобрѣтешь все нужное для держанія ихъ, могутъ довесть тебя до лжи, обмана, даже воровства и до другихъ многихъ поработительныхъ страстей и злыхъ дѣлъ, а когда пріобрѣтешь и станешь ими наслаждаться, могутъ ввергнуть тебя въ ровъ плотскихъ утѣхъ и скотскихъ вожделѣній, кои обыкновенно дѣйствуютъ подъ чревомъ. И ты подпадешь тогда подъ осудительныя опредѣленія пророка Амоса: *лютъ вамъ... ядущіи козлища отъ стадъ и тельцы млекомъ питаеми отъ среды стадъ,... и піющіи procѣженное вино* (Амос. 6, 4. 6).

д) Блюдись руками своими хватать, жать и обнимать тѣло не только чужое, женщины ли то, или мужчины, и старца равно какъ и юноши, но и свое собственное; особенно же безъ крайней нужды не дотрогивайся до извѣстныхъ членовъ. Чѣмъ произвольнѣе такое прикосновеніе, тѣмъ чувствительнѣе и живѣе бываетъ движеніе плотской похоти, и тѣмъ неудержимѣе увлекаетъ оно человѣка къ самому дѣлу грѣховному. И всѣ другія чувства пособствуютъ движенію похоти и нѣкіимъ образомъ издали содѣйствуютъ устроенію грѣха; но когда дойдетъ кто до осязанія того, чего не долженъ касаться, тогда крайне трудно уже бываетъ ему удержаться отъ дѣла грѣховнаго.

Къ соблазнамъ осязанія относятся также и уборы головные, одежды и обуви. Блюдись потому украшать тѣло свое мягкими, разноцвѣтными и блестящими одѣяніями, голову драгоцѣнными покровами, и ноги цѣнною обувью. Женоподобно все такое, и для мужчины непристойно. Но одѣвайся степенно и смиренно, удовлетворяя нуждѣ и потребности предохранять тѣло отъ холода зимою и отъ жары лѣтомъ; чтобъ иначе не услышать и тебѣ того же, что услышалъ богачъ, облачавшійся въ порфиру и виссонъ: *помяни, яко воспріялъ еси благая твоя въ животѣ твоемъ* (Лук. 16, 25), и не испытать на себѣ угрозъ пророка Іезекіиля, который такой изрекъ приговоръ о людяхъ сего рода: дойдутъ они до того, что сами *свергнутъ вѣнцы съ главъ своихъ и ризы своя испещренныя совлекутъ съ себя* (—26, 16).

Сюда же относятся и всякія другія упокоенія плоти, каковы: частыя купанія и бани, красивые чрезъ мѣру дома, мягкіе ковры, дорогая мебель, пышные одры и разнѣживаніе на нихъ. Отъ всего этого берегись, какъ опаснаго для твоего цѣломудрія и близ-

кой причины къ возбужденію нечистыхъ движеній и позывовъ къ плотскимъ вожделѣніямъ и дѣламъ, чтобъ не наслѣдовать — *увы*, которымъ угрожаетъ св. пророкъ Амосъ: *люто вамъ... спящіи на одрѣхъ изъ костей слоновыхъ, и ласкосердствующіи на постеляхъ своихъ* (—6, 1. 4).

Все, что я теперь сказалъ тебѣ, есть та земля, коею питаться осужденъ змій-искуситель; и все это есть пища, коею питаются плотскія страсти наши. Почему, если ты не станешь почитать этого малостію и нестоющею вниманія ничтожностію, а напротивъ мужественно вооружишься противъ сего и ничему такому не будешь попускать входить чрезъ чувства въ душу твою и въ твое сердце; то удостовѣряю тебя, что воистину легко истощишь ты всю силу діавола и страстей, не пропуская для нихъ пищи, коею они могли бы питаться въ тебѣ, и въ короткое время явишься доблестнымъ побѣдителемъ въ невидимой брани.

У Іова написано, что мраволевъ погибъ отъ того, что нечего было ему ѣсть: *мраволевъ погибе, зане не имѣяше брашна* (—4, 11). Этотъ мраволевъ изображаетъ діавола, всегдашняго врага нашего, который бѣжитъ отъ человѣка, не дающаго ему чѣмъ питаться, чрезъ отверженіе и подавленіе всѣхъ движеній страстныхъ, возбуждаемыхъ впечатлѣніями внѣшнихъ чувствъ нашихъ. На мраволева же онъ похожъ тѣмъ, какъ говоритъ инокъ нѣкто Іовій въ библіотекѣ Фотія патріарха, что всегда начинаетъ губить человѣка чрезъ вверженіе его сперва въ малые грѣхи, какъ малъ муравей, а потомъ, когда пріучитъ его къ такимъ малымъ грѣхамъ ввергаетъ уже и въ большіе; и тѣмъ еще похожъ онъ на него, что въ началѣ кажется без-

сильнымъ и малымъ, какъ муравей, а потомъ является сильнымъ великаномъ, какъ большой левъ.

Глава двадцать пятая.

О томъ, какъ управлять языкомъ.

Самая великая лежитъ на насъ нужда управлять, какъ должно, языкомъ своимъ и обуздывать его. Двигатель языка — сердце; чѣмъ полно сердце, то изливается языкомъ. Но обратно излившееся чрезъ языкъ чувство сердца укрѣпляется и укореняется въ сердцѣ. Потому языкъ есть одинъ изъ немалыхъ дѣятелей въ образованiи нашего нрава.

Добрыя чувства молчаливы. Изліянія чрезъ слова ищутъ болѣе чувства эгоистическія, чтобъ высказать то, что льститъ нашему самолюбію, и что можетъ высказать насъ, какъ намъ мнится, съ лучшей стороны. Многословіе въ большихъ случаяхъ происходитъ отъ нѣкоего горделиваго самомнѣнія, по коему, воображая, что мы слишкомъ многосвѣдущи и что наше мнѣніе о предметѣ рѣчи самое удовлетворительное, неудержимое испытываемъ понужденіе высказаться и обильною рѣчью съ многократными повтореніями напечатлѣть тоже мнѣніе и въ сердцахъ другихъ, навязываясь такимъ образомъ имъ въ учители непрошенные и мечтая имѣть иной разъ учениками такія лица, которыя понимаютъ дѣло гораздо лучше учителя.

Сказанное впрочемъ относится къ такимъ случаямъ, когда предметы рѣчи бываютъ болѣе или менѣе стоющіе вниманія. Наибольшею же частію многорѣчіе однозначительно съ пусторѣчіемъ; и въ такомъ случаѣ нѣтъ словъ къ полному изображенію золъ, происходящихъ отъ сего дурнаго навыка. И вообще много-

словіе отворяетъ двери души, чрезъ кои тотчасъ выходитъ сердечная теплота благоговѣинства, тѣмъ паче это дѣлаетъ пустословіе. Многословіе отвлекаетъ вниманіе отъ себя, и въ сердце, такимъ образомъ не блюдомое, начинаютъ прокрадываться обычныя страстныя сочувствія и желанія, и иногда съ такимъ успѣхомъ, что когда кончится пусторѣчіе, въ сердцѣ окажется не только соизволеніе, но и рѣшеніе на страстныя дѣла. Пусторѣчіе есть дверь къ осужденію и клеветамъ, разносительница ложныхъ вѣстей и мнѣній, сѣятельница разногласій и раздоровъ. Оно подавляетъ вкусъ къ умственнымъ трудамъ и всегда почти служитъ прикрышкой отсутствія основательнаго вѣдѣнія. Послѣ многословія, когда пройдетъ чадъ самодовольства, всегда остается нѣкое чувство тоскливости и разлѣненія. Не свидѣтельство ли это о томъ, что душа и нехотя сознаетъ тогда себя окраденною?

Апостолъ Іаковъ, желая показать, какъ трудно говорливому удержаться отъ чего-либо неполезнаго, грѣшнаго и вреднаго, сказалъ, что удержаніе языка въ должныхъ границахъ есть достояніе только совершенныхъ мужей: *аще кто въ словѣ не согрѣшаетъ, сей совершенъ мужъ, силенъ обуздати и все тѣло* (Іак. 3, 2). Языкъ, коль скоро начнетъ говорить въ свое удовольствіе, то бѣжитъ въ рѣчи, какъ разнузданный конь, и выбалтываетъ не только хорошее и подобающее, но и нехорошее и зловредное. Почему Апостолъ сей называетъ его „неудержимымъ зломъ, исполненнымъ яда смертоноснаго“ (— 3, 8). Согласно съ нимъ и Соломонъ еще древле изрекъ: *отъ многословія не избѣжиши грѣха* (Притч. 10, 19). И скажемъ съ Екклезіастомъ вообще, что кто много говоритъ, тотъ обличаетъ свое безуміе; ибо обычно только *безумный умножаетъ словеса* (Еккл. 10, 14).

Не распространяйся въ долгихъ собесѣдованіяхъ съ тѣмъ, кто слушаетъ тебя не съ добрымъ сердцемъ, чтобъ надокучивъ ему, не сдѣлать себя для него мерзостнымъ, какъ написано: *умножаяй словеса мерзокъ будетъ* (Сир. 20, 8). Остерегайся говорить сурово и высокотонно: ибо то и другое крайне ненавистно и заставляетъ подозрѣвать, что ты очень суетенъ и слишкомъ много о себѣ думаешь. Никогда не говори о себѣ самомъ, о своихъ дѣлахъ, или о своихъ родныхъ, исключая случаевъ, когда это необходимо, но и при этомъ говори, сколько можешь, короче и скорѣе. Когда видишь, что другіе говорятъ о себѣ съ излишкомъ, понудь себя не подражать имъ, хотя бы слова ихъ казались смиренными и самоукорительными. Что же касается до ближняго твоего и до дѣлъ его, то говорить не отказывайся, но всегда говори, сколько можешь, короче, даже и тамъ и тогда, гдѣ и когда это требовалось бы для блага его.

Бесѣдуя, припоминай и старайся исполнить заповѣдь св. Ѳалассія, которая гласитъ: „изъ пяти родовъ предметовъ рѣчи въ собесѣдованіи съ другими три употребляй съ благоразуміемъ небоязненно; четвертый употребляй не часто; а отъ пятаго совсѣмъ откажись“ (Доброт. сотня 1-я, гл. 69). Одинъ изъ пишущихъ первые три понимаетъ такъ: да, нѣтъ, само собою, или ясное дѣло; подъ четвертымъ разумѣетъ сомнительное: а подъ пятымъ совсѣмъ неизвѣстное. То-есть: о чемъ знаешь вѣрно, что оно истинно или ложно, и что оно очевидно само собою, о томъ съ рѣшительностію говори какъ объ истинномъ, или какъ о ложномъ, или какъ объ очевидномъ; о томъ, что сомнительно, лучше не говори ничего, а когда и нужда, говори, какъ о сомнительномъ, не предрѣшая; о неизвѣстномъ же тебѣ совсѣмъ не говори.—Другой нѣ-

кто говоритъ: есть у насъ пять пріемовъ или оборотовъ рѣчи: звательный, когда кого призываемъ; вопросительный, когда спрашиваемъ; желательный или просительный, когда желаемъ или просимъ; опредѣлительный, когда рѣшительное о чемъ выражаемъ мнѣніе; и повелительный, когда начальственно и властно повелѣваемъ. Изъ этихъ пяти первые три употребляй всегда свободно; четвертый — порѣже, какъ можно; а пятаго совсѣмъ не касайся.

О Богѣ говори со всѣмъ расположеніемъ, особенно о Его любви и благости; однакожъ со страхомъ, помышляя, какъ бы не погрѣшить и въ этомъ, сказавъ что о Божественномъ небоголѣпно и смутивъ простыя сердца слышащихъ. Почему люби паче внимать бесѣдамъ о семъ другихъ, слагая словеса ихъ во внутреннѣйшія хранилища сердца своего.

Когда же говорятъ о другомъ чемъ, то только звукъ голоса пусть приражается къ слуху твоему, а не мысль къ уму, который да стоитъ непоколеблемо устремленнымъ къ Богу. Даже и тогда, когда нужно бываетъ выслушать говорящаго о чемъ, чтобъ понять, въ чемъ дѣло и дать должный отвѣтъ, и тогда не забывай, между рѣчью слышимою и говоримою, возверзать око ума на небеса, гдѣ Богъ твой, помышляя притомъ о величіи Его и о томъ, что Онъ не сводитъ съ тебя ока Своего и взираетъ на тебя то благоволительно, то неблаговолительно, соотвѣтственно тому, что бываетъ въ помышленіяхъ сердца твоего, въ твоихъ рѣчахъ, движеніяхъ и дѣлахъ.

Когда нужно тебѣ говорить, напередъ добрѣ разсуди о томъ, что высказать всходитъ на сердце твое, прежде чѣмъ перейдетъ то на языкъ твой; и найдешь, что многое изъ сего таково, что ему гораздо лучше не исходить изъ устъ твоихъ. Но при этомъ знай,

что и изъ того, что высказать кажется тебѣ дѣломъ хорошимъ, иному гораздо лучше оставаться похороненнымъ въ гробѣ молчанія. Объ этомъ иной разъ самъ ты узнаешь тотчасъ по окончаніи бесѣды.

Молчаніе есть великая сила въ дѣлѣ невидимой нашей брани и вѣрная надежда на одержаніе побѣды. Молчаніе очень любезно тому, кто не надѣется на себя, а надѣется на одного Бога. Оно есть блюстительница священной молитвы и дивная помощница при упражненіи въ добродѣтеляхъ; а вмѣстѣ и признакъ духовной мудрости. Св. Исаакъ говоритъ, что „храненіе языка не только заставляетъ умъ воспрянуть къ Богу, но и въ дѣлахъ явныхъ, тѣломъ совершаемыхъ, втайнѣ доставляетъ великую силу къ совершенію ихъ. Оно просвѣщаетъ и въ сокровенномъ дѣланіи, если только кто соблюдаетъ молчаніе съ вѣдѣніемъ“ (въ русск. пер. сл. 31, стр. 208). Въ другомъ мѣстѣ такъ восхваляетъ онъ его: „когда на одну сторону положишь всѣ дѣла житія сего,—отшельническаго,—а на другую молчаніе, тогда найдешь, что оно перевѣшиваетъ на вѣсахъ. Много есть добрыхъ для насъ совѣтовъ; но когда сблизится кто съ молчаніемъ, излишнимъ для него будетъ дѣланіе храненія ихъ“ (въ русск. пер. сл. 41, стр. 251). Въ другомъ еще мѣстѣ называетъ онъ „молчаніе таинствомъ будущаго вѣка; слова же, говоритъ, суть орудіе міра сего“ (сл. 42, стр. 263). Святый же Варсонуфій ставитъ его выше богословствованія, говоря: „если ты и едва-едва не богословствуешь, то знай, что молчаніе болѣе достойно удивленія и славы“ (отв. 36). Почему хотя бываетъ, что иной молчитъ, потому что не имѣетъ что сказать (Сир. 20, 6), иной потому, что ждетъ удобнаго времени для своего слова (тамъ же), иной по другимъ какимъ причинамъ, „славы ради человѣческой, или

по ревности о сей добродѣтели молчанія, или потому, что держитъ сокровенное въ сердцѣ собесѣдованіе съ Богомъ, отъ коего не хочетъ отойти вниманіе ума его" (св. Исаакъ сл. 76, стр. 546), но вообще можно сказать. что кто молчаливъ, тотъ показываетъ себя благоразумнымъ и мудрымъ (Сир. 19, 28; 20, 5).

Къ тому, чтобъ навыкнуть молчанію, укажу тебѣ одно самое прямое и простое средство: берись за дѣло сіе,—и само дѣло будетъ и научать тебя, какъ его дѣлать, и помогать въ этомъ. Для поддержанія же усердія къ такому труду, почаще размышляй о пагубныхъ слѣдствіяхъ безразборной говорливости и спасительныхъ слѣдствіяхъ благоразумнаго молчанія. Когда же дойдешь до вкушенія спасительныхъ плодовъ молчанія, тогда не потребуется болѣе для тебя никакихъ въ этомъ отношеніи уроковъ.

Глава двадцать шестая.

Какъ исправлять воображеніе и память.

Сказавши объ управленіи внѣшними чувствами, слѣдуетъ намъ сказать теперь и о томъ, какъ управляться съ воображеніемъ и памятью; потому что, и по мнѣнію всѣхъ почти философовъ, воображеніе и память суть не что иное, какъ отпечатлѣніе всѣхъ тѣхъ чувственныхъ предметовъ, которые мы видѣли, слышали, обоняли, вкушали, осязали. Можно сказать, что воображеніе и память суть одно внутреннее общее чувство, которое воображаетъ и помнитъ все, что внѣшнимъ пяти чувствамъ пришлось прежде того перечувствовать. И нѣкоторымъ образомъ внѣшнія чувства и чувственные предметы походятъ на печать, а воображеніе на отпечатлѣніе печати.

Даны же намъ воображеніе и память для того, чтобъ мы пользовались ихъ услугами, когда внѣшнія наши чувства покоются, и мы не имѣемъ предъ собой тѣхъ чувственныхъ предметовъ, которые прошли чрезъ наши чувства и отпечатлѣлись въ нихъ (воображеніи и памяти). Не имѣя возможности всегда имѣть передъ собой предметы нами видѣнные, слышанные, вкушенные, обоняиные и осязанные, мы вызываемъ ихъ предъ свое сознаніе посредствомъ воображенія и памяти, въ коихъ они отпечатлѣлись, и такимъ образомъ разсматриваемъ ихъ и обсуждаемъ, какъ-бы они и внѣшно присущи были намъ.

Напримѣръ, побывалъ ты нѣкогда въ Смирнѣ и потомъ опять выбылъ оттуда, и больше уже не видишь ее внѣшнимъ чувствомъ очей своихъ; однакожъ, когда захочешь, представляешь себѣ Смирну внутреннимъ своимъ чувствомъ, т.-е. воображеніемъ и памятью, представляешь и снова пересматриваешь ее, какъ она есть, въ собственномъ ея видѣ, величинѣ и расположеніи. Это не то значитъ, чтобъ душа твоя выходила изъ тебя и перешла въ Смирну, какъ думаютъ нѣкіе неучи; но ты самъ въ себѣ видишь образъ Смирны, въ тебѣ отпечатлѣвшійся.

Это воображеніе чувственныхъ предметовъ много докучаетъ и много безпокойствъ причиняетъ тѣмъ, кои ревнуютъ всегда пребывать съ Богомъ; ибо оно отвлекаетъ вниманіе отъ Бога и наводитъ его на суетное, а между нимъ и на грѣховное, и тѣмъ возмущаетъ внутреннее наше доброе настроеніе. Это страдаемъ мы не на яву только, но и во время сновъ, отъ которыхъ впечатлѣніе нерѣдко продолжается не на одинъ день.

Какъ воображеніе есть сила неразумная, дѣйствующая большею частію механически, по законамъ соче-

танія образовъ, духовная же жизнь есть образъ чистой свободы; то само собой разумѣется, что его дѣятельность несовмѣстна съ сею жизнію; и я понуждаюсь предложить тебѣ на сей предметъ нѣсколько руководительныхъ замѣчаній.

а) Знай, что какъ Богъ есть внѣ всѣхъ чувствъ и всего чувственнаго, внѣ всякаго вида, цвѣта, мѣры и мѣста, есть совершенно безъобразенъ и безвиденъ, и хотя вездѣ есть, но есть превыше всего; то Онъ есть и внѣ всякаго воображенія. „Никакое воображеніе не имѣетъ мѣста въ отношеніи къ Богу; ибо Онъ есть выше всякаго помышленія и пребываетъ превыше всего" (Игн. и Калл. гл. 65, къ концу въ Доброт.). Отсюда само собою слѣдуетъ, что воображеніе есть такая сила души, которая по природѣ своей, не имѣетъ способности пребывать въ области единенія съ Богомъ.

б) Знай, что и Люциферъ, первый изъ ангеловъ, будучи прежде выше всякаго неразумнаго воображенія и внѣ всякаго вида, цвѣта и чувства, какъ умъ мысленный, невещественный, безвидный и безтѣлесный, когда потомъ возмечталъ и наполнилъ умъ свой образами равенства Богу, ниспалъ отъ онаго безвиднаго, безъобразнаго, безстрастнаго и простаго безвеществія ума, въ это многовидное, многосоставное и дебелое воображеніе, какъ полагаютъ многіе богословы, и такимъ образомъ изъ ангела безвиднаго, безвещественнаго и безстрастнаго сдѣлался діаволомъ, нѣкако вещественнымъ, многовиднымъ и страстнымъ. Но какимъ сталъ онъ, такимъ же сдѣлались и слуги его, всѣ демоны, о чемъ у Григорія Синаита читаемъ слѣдующее сужденіе: „Были нѣкогда и они умами, но ниспадши отъ онаго безвеществія и тонкости, возъимѣли вещественную нѣкую дебелость, отѣлесняясь каждый со-

отвѣтственно своему чину, степени и дѣйствіямъ, окачествовавшимъ его. Вслѣдствіе сего и они, подобно людямъ, потерявъ ангельскую сладость, лишились божественнаго наслажденія и осуждены въ перстномъ находить услажденіе, какъ и мы, сдѣлавшись нѣкако вещественными чрезъ навыкновеніе вещественнымъ страстямъ" (Главы—гл. 123, въ Добротол.). По сей причинѣ діаволъ у св. отцевъ называется живописцемъ, зміемъ многовиднымъ, питающимся землей страстей, фантазеромъ и другими подобными именами. Слово же Божіе изображаетъ его отѣлесившимся дракономъ, съ хвостомъ, ребрами, шеей, носомъ, глазами, челюстями, губами, кожей, плотію и другими подобными членами. Смотри объ этомъ въ 40 и 41 главахъ праведнаго Іова. Изъ сего уразумѣй, возлюбленне, что такъ какъ многовидная фантазія есть изобрѣтеніе и порожденіе діавола, то она для него премноговожделѣнна и пригодна къ погубленію насъ. Св. отцы справедливо называютъ ее мостомъ, чрезъ который душеубійственные демоны проходятъ въ душу, смѣшиваются съ ней, и дѣлаютъ ее ульемъ трутней, жилищемъ страшныхъ, злыхъ и богопротивныхъ помысловъ, и всякихъ нечистыхъ страстей, душевныхъ и тѣлесныхъ.

в) Знай, что по св. Максиму, великому богослову, и первозданный Адамъ созданъ отъ Бога не воображательнымъ. Умъ его, чистый и безвидный, будучи и въ дѣятельности своей умомъ, не принималъ самъ вида или образа отъ воздѣйствія чувствъ или отъ образовъ вещей чувственныхъ; но не употребляя этой нисшей силы воображенія, и не воображая ни очертанія, ни вида, ни размѣра, ни цвѣта сихъ вещей, высшею силою души, т.-е. мыслію чисто, невещественно и духовно созерцалъ однѣ чистыя идеи вещей, или ихъ значенія мысленныя. Но человѣкоубійца діаволъ, какъ

самъ палъ отъ мечтанія о богоравенствѣ, такъ довелъ и Адама до того, что онъ сталъ мечтать умомъ своимъ о равенствѣ Богу, и палъ отъ такого своего мечтанія: и за то изъ мысленной оной, равноангельской, чистой, разумной и безъобразной жизни, низринутъ былъ въ эту чувственную, многосоставную, многовидную, въ образы и мечтанія погруженную жизнь, въ состояніе неразумныхъ животныхъ. Ибо быть погружену въ образы или жить въ нихъ и подъ вліяніемъ ихъ, есть свойство неразумныхъ животныхъ, а не существъ разумныхъ.

Послѣ же того, какъ ниспалъ человѣкъ въ такое состояніе, кто можетъ сказать, въ какія страсти, въ какое злонравіе, и въ какія заблужденія введенъ онъ былъ своимъ воображательнымъ мечтаніемъ? Нравоученіе наполнилъ разными обольщеніями, физику — многими лжеученіями, богословіе — непотребными и нелѣпыми догматами и баснями. И не древніе только, но и новѣйшіе мыслители, желая любомудрствовать и говорить о Богѣ и о божественныхъ, простыхъ и недоступныхъ воображенію и фантазіи таинствахъ (ибо въ этомъ трудѣ должна работать высшая сила души — умъ), и приступивъ къ сему дѣлу прежде очищенія своего ума отъ страстныхъ видовъ и воображательныхъ образовъ чувственныхъ вещей, вмѣсто истины нашли ложь. И, что особенно многобѣдственно, они эту ложь свою заключили въ объятія души и сердца и держатъ крѣпко, какъ истину, выражающую дѣйствительность. И такимъ образомъ вмѣсто богослововъ явились баснословами, предавшись, по Апостолу, въ неискусенъ умъ (Рим. 1, 28). (См. о семъ Исаака Сиріанина въ концѣ посланія св. Симеону, сл. 55-е).

Итакъ, брате мой, если ты желаешь легко и удобно освободиться отъ такихъ заблужденій и страстей, если

ищешь избѣжать разныхъ сѣтей и козней діавола, если вожделѣваешь соединиться съ Богомъ и улучить божественный свѣтъ и истину, мужественно вступи въ брань съ своимъ воображеніемъ и борись съ нимъ всѣми твоими силами, чтобы обнажить умъ свой отъ всякихъ видовъ, цвѣтовъ и очертаній, и вообще отъ всякаго воображенія и памяти вещей чувственныхъ какъ хорошихъ, такъ и худыхъ. Ибо все такое есть запятнаніе и затемнѣніе чистоты и свѣтлости ума, одебелѣніе его безвеществія, и проводникъ къ острастенію ума: такъ какъ ни одна почти страсть душевная и тѣлесная не можетъ подступить къ уму иначе, какъ чрезъ воображеніе соотвѣтственныхъ имъ вещей чувственныхъ. Подвизайся же хранить умъ свой безцвѣтнымъ, безъобразнымъ, безвиднымъ и чистымъ, какъ создалъ его Богъ.

Но этого достигнуть иначе ты не можешь, какъ возвративъ умъ свой въ себя, заключивъ его въ тѣсномъ мѣстѣ сердца своего, и всего внутренняго человѣка, и научивъ его неотходно пребывать тамъ внутри, то въ сокровенной молитвѣ, внутреннимъ словомъ возглашая: *Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя,* то себѣ внимая и себя разсуждая, наипаче же Бога созерцая и въ Немъ упокоеваясь. Ибо какъ змій, когда нужно ему бываетъ бросить старую кожу свою, идетъ и съ усиліемъ протискиваетъ себя сквозь какой-либо тѣсный проходъ, какъ говорятъ естествословы; такъ и умъ, чрезъ тѣснины сердца и умной въ сердцѣ молитвы протискиваясь, совлекается одежды воображенія чувственныхъ вещей и недобрыхъ чувственныхъ впечатлѣній, и дѣлается чистымъ, свѣтлымъ и годнымъ къ единенію съ Богомъ, ради подобія Ему, какое воспринимаетъ чрезъ это. Опять, — какъ вода, чѣмъ больше утѣсняется въ тѣсныхъ про-

ходахъ, тѣмъ сильнѣе напираетъ и быстрѣе устремляется вверхъ; тамъ и умъ, чѣмъ болѣе стѣсняется сокровеннымъ въ сердцѣ поученіемъ и себѣ вниманіемъ, тѣмъ дѣлается утонченнѣе и сильнѣе и, устремляясь горѣ, тѣмъ недоступнѣе бываетъ для всякой страсти, и всякаго прилога помысловъ, и для всякаго образа вещей, не только чувственныхъ, но и мысленныхъ, такъ какъ онѣ въ такомъ случаѣ остаются внѣ и внутрь войти не могутъ. Предложу и иное сравненіе, еще болѣе подходящее. Какъ лучи солнца, будучи разсѣяны въ воздухѣ и разъединены другъ съ другомъ, бываютъ не такъ свѣтлы и теплородны, будучи же сосредоточены въ одну точку посредствомъ извѣстныхъ стеколъ, даютъ ослѣпительный свѣтъ и теплоту зажигательную; такъ и умъ, будучи собранъ въ центрѣ сердца себѣ вниманіемъ и сокровеннымъ поученіемъ, дѣлается свѣтоноснымъ и попалительнымъ, тьму вещественную и страстную разгоняющимъ и всякіе такого же рода образы и движенія попаляющимъ и уничтожающимъ.

Это *первый и* главный способъ, какъ управляться съ воображеніемъ и памятью, который держать долженъ ты, возлюбленный, непрерывно. Имъ ты не только исправишь эти душевныя силы, но изгладишь въ нихъ всѣ слѣды и остатки прежде воспринятыхъ впечатлѣній и образовъ вещей чувственныхъ, возбуждающихъ и питающихъ страсти. Но чѣмъ дѣйственнѣе и плодоноснѣе сей способъ, тѣмъ онъ притруднѣе, и чѣмъ притруднѣе, тѣмъ менѣе нынѣ имѣетъ онъ желающихъ употреблять его, чтобъ не сказать — тѣмъ менѣе вѣрующихъ въ силу его, особенно въ средѣ мудрецовъ и учителей, не свѣтскихъ только, но и духовныхъ, которые, не хотя повѣрить ученію Святаго Духа и столькихъ св. отцевъ, указывающихъ сей спо-

себѣ въ драгоцѣннѣйшей всякаго каменія честнаго книгѣ Добротолюбія, праведно лишаются плодовъ Духа, какіе сподобляются получить многіе неученые и даже неграмотные. Ибо, по слову Спасителя, *Богъ утаилъ ихъ отъ премудрыхъ и разумныхъ и открылъ младенцамъ* (Лк. 10, 21); потому что, которые не вѣрятъ въ силу сего умнаго дѣланія и не принимаются за него, тѣ никакъ не могутъ понять, сколь оно благотворно, по слову пророка: *аще не увѣрите, ниже имате разумѣти* (Ис. 7, 9).

Когда же увидишь, что умъ твой утомляется и не можетъ болѣе держаться внутри сердца въ умно-сердечной молитвѣ; тогда употребляй и *второй* къ тому способъ, именно позволь ему выдти внѣ и поимѣть просторъ въ божественныхъ и духовныхъ размышленіяхъ и созерцаніяхъ, какъ тѣхъ, кои преподаетъ Свящ. Писаніе, такъ и тѣхъ, къ которымъ подаетъ поводъ и которыя внушаетъ твореніе Божіе. Такія духовныя размышленія, будучи сродны уму, по своей тонкости и безвеществію, не причиняютъ ему одебелѣнія и не заковываютъ его во внѣшнемъ, а напротивъ, удовлетворивъ въ мѣру его жажду свободнаго движенія въ своей области, содержаніемъ своимъ располагаютъ его снова скорѣе возвратиться внутрь сердца, къ единенію съ Богомъ чрезъ погруженіе себя въ мысленную память о Немъ единомъ. Почему божественный Максимъ и говоритъ, что „одно дѣяніе не можетъ сдѣлать умъ безстрастнымъ, если притомъ не будетъ онъ вдаваться въ разныя духовныя созерцанія.“ Берегись однакожъ въ твореніяхъ Божіихъ, въ предметахъ вещественныхъ и въ животныхъ, останавливаться на одной физической ихъ сторонѣ, пока ты еще страстенъ. Потому что въ такомъ случаѣ умъ, не будучи еще свободенъ отъ страстнаго смотрѣнія на чувствен-

ныя вещи, вмѣсто того, чтобъ переноситься отъ нихъ къ духовнымъ и невещественнымъ помышленіямъ, въ нихъ кроющимся, будетъ увлекаться одною внѣшнею ихъ красотой и показностію, и, усладясь ею, можетъ принять ложныя объ нихъ ученія и страстныя къ нимъ расположенія, по словамъ св. Максима, какъ это пострадали столькіе и столькіе философы естественники.

Или употреби *третій* способъ для доставленія отдохновенія и упокоенія уму твоему, именно, берись размышлять о таинствахъ жизни и страданій Господа, т.-е. о рожденіи Его въ вертепѣ, обрѣзаніи, постановленіи предъ Богомъ въ срѣтеніе, крещеніи въ Іорданѣ, сорокодневномъ пощеніи въ пустынѣ, о проповѣданіи Имъ Евангелія, о многообразныхъ чудесахъ, сотворенныхъ Имъ, о преображеніи на Ѳаворѣ, объ омовеніи ногъ ученикамъ и преподаніи имъ таинствъ на вечери, о преданіи Его, о Его страданіи, крестѣ, погребеніи, воскресеніи и вознесеніи на небо, о многообразныхъ истязаніяхъ мучениковъ, и долголѣтнихъ строгихъ подвигахъ преподобныхъ отцевъ.

Равнымъ образомъ, можешь ты, для сокрушенія сердца и возбужденія покаянныхъ чувствъ помышлять еще о таинствѣ страшнаго часа смертнаго, о потрясающемъ днѣ суда, о разныхъ видахъ вѣчныхъ мукъ, какъ-то объ океанахъ огня неугасимаго, о мрачныхъ въ преисподней затворахъ, о тартарахъ мрачныхъ, о червяхъ неусыпающихъ, о сожительствѣ съ демонами; помышляй также и объ упокоеніи и неизреченныхъ радостяхъ праведниковъ, о царствѣ небесномъ, вѣчной славѣ и непрестающемъ блаженствѣ, о гласѣ празднующихъ, о совершеннѣйшемъ единеніи тамъ съ Богомъ, о всегдашнемъ сопребываніи и сожительствѣ съ ангелами и всѣми святыми.

Если ты, брате, нарисуешь на хартіи воображенія

своего такія помышленія и представленія, то не только избавишься отъ непотребныхъ воспоминаній и злыхъ помысловъ, но стяжешь и великую похвалу въ оный день суда за такой подвигъ, какъ предвѣщаетъ тебѣ св. Василій Великій въ словѣ о дѣвствѣ, говоря, что „каждый человѣкъ, въ тѣлѣ семъ живущій, походитъ на живописца, рисующаго какой-нибудь образъ въ сокровенномъ мѣстѣ. Какъ этотъ живописецъ, когда, кончивъ картину, вынесетъ ее изъ сокровенности на выставку, хвалимъ бываетъ зрителями, если хорошій избралъ для нея предметъ и нарисовалъ его хорошо, и напротивъ бываетъ порицаемъ, если и предметъ избралъ дурной, и нарисовалъ его плохо; такъ и каждый человѣкъ, когда по смерти предстанетъ на судъ Божій, имѣетъ быть похваленъ и ублаженъ Богомъ, ангелами и святыми, если украсилъ умъ свой и свое воображеніе свѣтлыми, божественными и духовными образами и представленіями, и напротивъ имѣетъ быть посрамленъ и осужденъ, если наполнилъ свое воображеніе картинами страстными, срамными и низкими. И св. Григорій Солунскій удивленіе выражаетъ тому, какъ отъ воздѣйствія вещей чувственныхъ въ душѣ чрезъ воображеніе водворяется или умный свѣтъ, доставитель вѣчноблаженной жизни, или мысленный мракъ, ведущій въ адскую тьму (Доброт. Греч. стр. 969).

Вѣдай однакожъ, что я не то хочу тебѣ сказать, чтобъ ты всегда занимался этими одними помышленіями; нѣтъ, но употребляй ихъ только иногда, пока умъ твой, утомившійся держать себя въ тѣснотахъ сердца, отдохнетъ. Когда же отдохнетъ, возвращай его опять въ сердце и заставляй держать себя безъ мечтаній и образовъ въ сердечной памяти о Богѣ. Ибо какъ всѣ раковинныя и черепокожія животныя покой себѣ не находятъ нигдѣ, какъ въ своихъ раковинахъ, въ ко-

ихъ укрываются какъ въ домѣ. такъ и умъ естественно нигдѣ такъ не упокоивается, какъ въ храминѣ сердца и во внутреннемъ человѣкѣ, гдѣ укрываясь, какъ въ крѣпости, благоуспѣшно ведетъ онъ брань съ помыслами. врагами и страстями, тамъ же внутри кроющимися. хотя большая часть людей этого не вѣдаетъ.

Что страсти и помыслы кроются внутри насъ, въ сердцѣ, и оттуда исходятъ и борютъ насъ, это не моя мысль. Слушай, что говоритъ Господь: *отъ сердца исходятъ помышленія злая, убійства, прелюбодѣянія, любодѣянія, татьбы, лжесвидѣтельства, хулы. Сія суть оскверняющая человѣка* (Мѳ. 15, 19). И то, что враги наши демоны укрываются около сердца, не мое придуманіе. Такъ учатъ св. отцы. Изъ нихъ съ большею опредѣленностію изъясняетъ сіе св. Діадохъ, говоря, что прежде св. крещенія божественная благодать подвигаетъ человѣка на добро со внѣ, и сатана кроется въ глубинахъ души и сердца; послѣ же того, какъ приметъ человѣкъ св. крещеніе, демонъ витаетъ внѣ сердца, а благодать вселяется внутрь (Доброт. ч. 4. гл. 76). Впрочемъ и послѣ крещенія, говоритъ онъ далѣе (гл. 82), попускается врагамъ нашимъ бывать въ глубинѣ тѣла нашего, какъ-бы на поверхности сердца. для испытанія произволенія нашего; и отсюда коптятъ они на умъ мокротностію плотскихъ сластей. Съ этимъ согласно учитъ и св. Григорій Богословъ, толкуя, что сказанное Господомъ о томъ, какъ нечистый духъ исходитъ изъ человѣка и опять возвращается въ него на наибольшее ему зло (Мѳ. 12, 43—45), бываетъ съ крещеными, когда они вознерадятъ о пребываніи въ сердцѣ. „Изгнанный крещеніемъ, нечистый духъ, говоритъ, не любя быть бездомнымъ, ищетъ покоя. скитаясь тамъ и сямъ; и не находя его, возвращается къ дому, изъ котораго вышелъ, потому что

безстыденъ. Если найдетъ, что Христосъ, вниманіемъ и любовію крещеннаго держимый, водворился и пребываетъ на мѣстѣ, изъ котораго онъ изгнанъ, т.-е. въ сердцѣ; то снова отраженный, уходитъ безъ успѣха. Если же найдетъ въ комъ прежнее мѣсто свое пустымъ, никѣмъ не занятымъ, по отсутствію вниманія къ Господу и памяти о Немъ; то поспѣшно входитъ, съ большею противъ прежняго злобой. И бываетъ человѣку тому послѣднее горше перваго“ (Сл. 40-е). Я намѣренно распространился о семъ, чтобъ сильнѣе расположить тебя неотходно пребывать внутри сердца съ памятью о Господѣ Спасителѣ и молитвой къ Нему, если желаешь всегда являться побѣдителемъ въ смущеніяхъ помыслами и страстными движеніями, навѣваемыми на сердце. Когда ты тамъ съ Господомъ, врагъ не посмѣетъ подойти.

Надъ всѣмъ же симъ, говорю тебѣ, бодрствуй надъ собой, и не давай своему воображенію и памяти воспоминать прежде видѣнное, слышанное, обонянное, вкушенное и осязанное, особенно, что было въ этомъ срамнаго и непотребнаго. Въ этомъ и состоитъ преимущественно наша брань, и она труднѣе и неотвязчивѣе брани съ чувствами или употребленіемъ ихъ. Всякій изъ борющихся знаетъ это по опыту. Чтобъ не воспріять что-либо соблазнительное какимъ нибудь чувствомъ, съ этимъ управиться легко; но по воспріятіи управляться съ воображеніемъ и памятью о томъ очень трудно. Чтобъ напримѣръ видѣть или не видѣть какое лице, или посмотрѣть на него страстно или безстрастно, это не такъ трудно, и не представляетъ большой брани; послѣ же того, какъ увидишь и взглянешь на него страстно, уже не легко, а требуется большая брань и не малый подвигъ, чтобъ изгнать изъ памяти своей воображеніе этого лица. И

врагъ можетъ играть душею твоею какъ мячикомъ, перебрасывая вниманіе отъ одного воспоминанія на другое, и подъ ними шевеля пожеланія и страсти, и держа тебя такимъ образомъ въ страстномъ настроеніи. Посему и говорю тебѣ: бодрствуй и паче всего смотри за воображеніемъ и памятью.

Глава двадцать седьмая.

Воину Христову надлежитъ всевозможно избѣгать тревогъ и смятеній сердечныхъ, если желаетъ добрѣ препобѣждать враговъ своихъ.

Какъ долгъ неотложный имѣетъ всякій христіанинъ, когда потеряетъ сердечный миръ, дѣлать все отъ него зависящее, что можетъ способствовать къ возстановленію его; такъ не меньше того обязательно лежитъ на немъ не допускать, чтобъ какія-либо случайности текущей жизни возмущали сей миръ: разумѣю болѣзни, раны, смерть сродниковъ, войны, пожары, внезапныя радости, страхи и скорби, воспоминанія о прежнихъ проступкахъ и ошибкахъ, словомъ — все, чѣмъ обычно волнуется и тревожится сердце. Потому обязательно не допускать тревогъ и волненій въ такихъ случаяхъ, что поддавшись имъ, человѣкъ теряетъ самообладаніе и лишается возможности ясно понимать событія и вѣрно видѣть подобающій образъ дѣйствованія, а то и другое даетъ врагу доступъ взволновать его еще болѣе и направить на какой-либо шагъ, трудно поправимый, или совсѣмъ непоправимый.

Я не то хочу сказать: не допускай скорби, потому что это не въ нашей власти, а то: не допускай скорби возобладать твоимъ сердцемъ и взволновать его, держи ее внѣ, за предѣлами сердца и спѣши такъ ее

умягчить и укротить, чтобъ она не мѣшала тебѣ и здраво разсуждать и право дѣйствовать. Это, при помощи Божіей, въ нашей власти, если у насъ въ силѣ нравственно-религіозныя чувства и расположенія.

Изъ прискорбностей каждая имѣетъ свои особенности и противъ каждой есть свои пріемы; но я говорю вообще объ нихъ, разумѣя общее ихъ свойство—растревоживать и возмущать душу, и общее противъ этого имѣя въ мысли предложить тебѣ средство. Средство это есть вѣра въ благое Провидѣніе, устрояющее теченіе нашей жизни со всѣми ея случайностями, въ личное каждому изъ насъ благо, и благодушная покорность волѣ Божіей, выражающейся въ нашемъ положеніи, по коей въ глубинѣ души взывалось бы: буди воля Божія! якоже Господеви изволися, тако и бысть, и бысть во благо намъ.

Сіе благо въ разныхъ лицахъ разно сознается и чувствуется. *Иной* сознаетъ: это благость Божія на покаяніе меня ведетъ; *другой* чувствуетъ: грѣхъ ради моихъ послалъ мнѣ это Господь, чтобъ очистить меня отъ нихъ, несу эпитимію Божію: *третьему* приходитъ на мысль: испытываетъ меня Господь, искренно ли я служу Ему. Со стороны смотрящіе на подвергавшагося скорбямъ могутъ и *четвертое* подумать: это ему,— да явятся дѣла Божіи на немъ. Но такое рѣшеніе можетъ имѣть мѣсто не иначе, какъ по окончаніи прискорбностей, и именно при явной помощи Божіей. Въ душѣ же скорбящаго умѣстны только три первыя чувства. И они всѣ такого свойства и силы, что какое бы изъ нихъ ни взошло на сердце, всякое сильно утишить поднимающуюся бурю скорби и водворить въ сердцѣ мирное благодушіе.

И вотъ тебѣ общее средство къ умиротворенію сердца, когда прискорбности покушаются возмутить его:

возставивъ въ возможной силѣ вѣру въ благое Провидѣніе о тебѣ Божіе, и ожививъ въ душѣ богопреданную покорность волѣ Божіей, наводи на сердце сказанныя выше помышленія и понудь его почувствовать, что настоящею случайностію скорбною или испытываетъ тебя Господь, или очистительную эпитимію на тебя налагаетъ, или подвигаетъ на покаяніе, или вообще, или частно о какомъ-нибудь забытомъ дѣлѣ неисправномъ. Какъ только сердце восчувствуетъ что-либо изъ сего, скорбь тотчасъ утихнетъ, и дастъ ему возможность вслѣдъ за симъ воспріять въ себя и другія два чувства; всѣ же вмѣстѣ они скорѣе водворятъ въ тебѣ такой миръ и благодушіе, что ты не возможешь не взывать: буди имя Господне благословенно во вѣки! Что масло на волны моря, то сіи чувства на скорбное сердце: улегаются волны и бываетъ тишина великая.

Такъ умиротворяй сердце, когда оно встревожилось въ какой бы то ни было степени. Но если ты долгимъ надъ собой трудомъ и духовными подвигами такъ внѣдришь въ сердце сказанныя чувства, что они будутъ преисполнять его неотходно; то никакая скорбь не потревожитъ тебя; потому что такое настроеніе будетъ для тебя дѣйственнѣйшимъ предохранительнымъ средствомъ противъ того. Не то, чтобъ чувства скорбныя ужъ и не подступали; они будутъ подступать, но тотчасъ же и отступать, какъ волны морскія отъ крѣпкаго утеса.

Глава двадцать осьмая.

Что дѣлать, когда бываемъ уранены на брани.

Когда бываешь ураненъ, впадши въ какое-либо прегрѣшеніе, по немощи своей, или по худонравію сво-

ему (разумѣются грѣхи простительные, недолжное слово сорвалось, разсердиться пришлось, мысль худая промелькнула, желаніе недолжное поднималось и под.); не малодушествуй и не мятись попусту безъ толку. Первое, что нужно, не останавливайся на себѣ, не говори: какъ я такой потерпѣлъ это, и допустилъ?! Это вопль гордостнаго самомнѣнія. Смирись напротивъ, и воззрѣвъ ко Господу, скажи и восчувствуй: „чего другаго и ожидать было отъ меня, Господи, столь немощнаго и худонравнаго.“ И тутъ же возблагодари Его, что на этомъ только остановилось дѣло, исповѣдуя: „еслибъ не Твоя безмѣрная благость Господи, не остановился бы я на этомъ, а весконечно впалъ бы еще въ худшее что.“

Однакожъ сознаваясь такъ и такимъ себя чувствуя, поопасись допустить безпечную и поблажливую мысль, что поелику ты таковъ, то будто право нѣкое имѣешь дѣлать что-либо неподобающее. Нѣтъ; несмотря на то, что ты немощенъ и худонравенъ, все неподобающее, дѣлаемое тобой, вмѣняется тебѣ въ вину. Ибо все, происходящее отъ тебя, произволеніемъ одареннаго, произволенію твоему принадлежитъ, и какъ доброе бываетъ тебѣ въ одобреніе, такъ худое въ охужденіе. Потому, сознавъ себя худымъ вообще, сознай вмѣстѣ и виновнымъ въ томъ худѣ, въ которое впалъ въ настоящій часъ. Осуди себя и укори, и притомъ себя одного, не озирайся по сторонамъ, ища, на кого бы свалить вину свою. Ни люди окружающіе, ни стеченіе обстоятельствъ не виноваты въ грѣхѣ твоемъ. Виновно одно злое произволеніе твое. Себя и укоряй.

Однакожъ не будь похожъ и на тѣхъ, которые говорятъ: да, я это сдѣлалъ, и чтожъ такое? Нѣтъ, послѣ сознанія и самоукоренія, поставивъ себя предъ лицемъ неумытной правды Божіей, поспѣши возгрѣть

и покаянныя чувства: сокрушеніе и болѣзнованіе о грѣхѣ не столько по причинѣ униженія себя грѣхомъ, сколько по причинѣ оскорбленія имъ Бога, столько милостей тебѣ лично явившаго, въ призваніи тебя къ покаянію, въ отпущеніи прежнихъ грѣховъ, въ допущеніи ко благодати таинствъ, въ храненіи тебя на добромъ пути и руководствѣ по нему.

Чѣмъ глубже сокрушеніе, тѣмъ лучше. Но какъ бы ни было сильно сокрушеніе, и тѣни не допускай нечаянія помилованія. Помилованіе уже совсѣмъ готово, и рукописаніе всѣхъ грѣховъ разодрано на крестѣ. Ожидается только раскаяніе и сокрушеніе каждаго, чтобъ и ему присвоить силу крестнаго заглажденія грѣховъ всего міра. Съ симъ упованіемъ пади ницъ душею и тѣломъ и вопій: *помилуй мя, Боже, по велицѣй милости Твоей*,—и не преставай вопить, пока не восчувствуешь себя виновнымъ-милуемымъ, такъ чтобъ вина и милованіе слились въ одно чувство.

Эта благодать нисходитъ наконецъ на всякаго кающагося. Но ему сопутствовать должна рѣшимость, обѣтомъ скрѣпленная, не поблажать себѣ потомъ, а строго блюсти и охранять себя отъ всякихъ паденій, не только большихъ, но и малыхъ, съ присовокупленіемъ усердной молитвы о благодатной къ тому помощи. Послѣ столь близкаго опыта неблагонадежности своихъ силъ и усилій, сами собой пойдутъ изъ сердца воздыханія: *сердце чисто созижди во мнѣ Боже, и духъ правъ обнови во утробѣ моей. И Духъ Твой благій да наставитъ меня на землю праву*.

Все сіе—самоосужденіе, сокрушеніе, уповательную молитву о помилованіи, воодушевительное рѣшеніе блюстись впредь и молитву о благодатной къ тому помощи,—должно тебѣ проходить внутри всякій разъ, какъ погрѣшишь окомъ, слухомъ, языкомъ, мыслію, чув-

ствомъ; и на мгновеніе одно не оставляй въ сердцѣ грѣха неисповѣданнымъ Господу и неочищеннымъ предъ Нимъ сердечнымъ покаяніемъ. Опять падешь, и опять тоже сдѣлай, и хотя бы тебѣ многократно пришлось погрѣшить, столько же разъ и очищай себя предъ Господомъ. Вечеромъ же, если есть возможность, перескажи все духовному отцу своему, а когда нельзя въ тотъ же вечеръ, перескажи при случаѣ. Такое исповѣданіе или откровеніе всего духовному отцу есть самое благотворное дѣйствіе въ дѣлѣ нашей духовной брани.

Ничто такъ не поражаетъ врага-душегубца, и не раззоряетъ козни его, какъ такой образъ дѣйствованія. Почему онъ всячески усиливается препятствовать ему, и внутренно, и внѣшно: внутренно — мыслями и чувствами, а внѣшно—напущеніемъ разныхъ встрѣчъ и случайностей. Какія именно эти препоны, самъ увидишь, когда возьмешься за дѣло. Объ одномъ только помяну: врагъ усиленно старается внушить, не тотчасъ, какъ замѣчено прегрѣшеніе, приступать къ дѣлу внутренняго себя отъ него очищенія, а подождать немножко, не день и не часъ, а немножко. Но только согласись на это, онъ подставитъ другой грѣхъ, послѣ грѣха языкомъ, грѣхъ окомъ, и еще какимъ чувствомъ; а этого грѣха очищеніе поневолѣ уже отложишь, потому что надо прежде очистить предыдущій. И пойдетъ такимъ образомъ отлаганіе на цѣлый день, и грѣхъ за грѣхомъ наполнитъ душу. Вечеромъ, до коего обычно откладывается дѣло покаяннаго себя очищенія, ничего не видно въ душѣ опредѣленнаго,— тамъ шумъ, и смятеніе и мракъ, отъ множества допущенныхъ паденій. Душа похожа на очи, пылью набитыя, или на воду, помутившуюся отъ множества нападшаго туда сора. Какъ ничего не видно, то дѣло

покаянія совсѣмъ оставляется; но вмѣстѣ съ тѣмъ и душа оставляется мутною и смятенною. Отъ этого молитва вечерняя бываетъ неисправна, а далѣе и сны не хороши. Такъ никогда ни на одно мгновеніе не отлагай внутренняго очищенія, какъ только сознаешь за собой что неисправное.

Второе, что внушаетъ при этомъ врагъ, есть не сказывать духовному отцу случившагося. Не слушай и наперекоръ ему открывай все: ибо сколь много благъ отъ сего открыванія, столь же, или даже больше, зла отъ скрыванія того, что бываетъ въ насъ и съ нами.

Глава двадцать девятая.

Какого порядка держится діаволъ въ веденіи брани духовной со всѣми, и какъ прельщаетъ людей разныхъ состояній нравственныхъ.

Вѣдай, возлюбленне, что діаволъ ни о чемъ другомъ не печется, какъ о погибели каждаго изъ насъ, и что не однимъ и тѣмъ же способомъ ведетъ со всѣми брань. Чтобъ тебѣ было это яснѣе увидѣть и понять, представлю тебѣ пять нравственныхъ состояній людей, и опишу соотвѣтственныя имъ козни, обходы и прельщенія вражескія. Состоянія сіи суть слѣдующія: одни пребываютъ въ рабствѣ грѣху, и помышленія не имѣя объ освобожденіи отъ него; другіе, хотя помышляютъ объ этомъ освобожденіи и желаютъ его, но ничего не предпринимаютъ, чтобы достигнуть его; есть и такіе, которые по освобожденіи отъ узъ грѣха и стяжаніи добродѣтелей, попадаютъ опять въ грѣхъ съ большимъ растлѣніемъ нравственнымъ. Изъ этихъ послѣднихъ одни въ самопрельщеніи думаютъ, что не смотря на

то все еще идутъ къ совершенству, другіе въ безпечности оставляютъ путь добродѣтели; иные самую добродѣтель, какую имѣютъ, превращаютъ въ поводъ и причину зла для себя.

На каждаго изъ таковыхъ врагъ дѣйствуетъ сообразаясь съ его настроеніемъ.

Глава тридцатая.

Какъ діаволъ утверждаетъ грѣшниковъ въ рабствѣ грѣху?

Когда діаволъ держитъ кого въ рабствѣ грѣху, то преимущественно заботится о томъ, чтобъ все болѣе и болѣе омрачать его духовнымъ ослѣпленіемъ, отгоняя отъ него всякій добрый помыслъ, могущій привесть его въ сознаніе пагубности своей жизни. И не только добрые отгоняетъ отъ него помыслы, которые могли бы подвигнуть его на покаяніе и обратить на путь добродѣтели, но вмѣсто ихъ влагаетъ помыслы злые и развращенные, и тутъ же подстроиваетъ подручные поводы къ обычному ему грѣху и увлекаетъ его часто падать въ него или въ другіе болѣе тяжкіе грѣхи. Отъ этого бѣдный грѣшникъ дѣлается все болѣе и болѣе омраченнымъ и ослѣпленнымъ. Ослѣпленіе это укореняетъ въ немъ навыкъ и непрестающій позывъ все грѣшить и грѣшить, такъ что онъ, несчастный, влекомый отъ дѣла грѣховнаго къ большему ослѣпленію и отъ ослѣпленія въ большіе грѣхи, кружится какъ въ водоворотѣ, и прокружится такъ всю свою жизнь до самой смерти, если не привнидетъ особенная Божія благодать во спасеніе ему.

Кто находится въ такомъ бѣдственномъ состояніи, тому, если онъ пожелаетъ отъ сего избавиться, над-

лежитъ не медля, какъ только придетъ ему благое помышленіе, или лучше сказать, внушеніе, зовущее его изъ тьмы во свѣтъ и отъ грѣха къ добродѣтели, тотчасъ принять его со всѣмъ вниманіемъ и желаніемъ, тотчасъ усердно приступить и къ дѣлу, взывая изъ глубины сердца къ щедрому Подателю всякаго блага: „Помоги мнѣ, Господи Боже мой, скоро помоги, и не оставляй меня болѣе въ этой тьмѣ грѣховной.“ Пусть не знаетъ утомленія, взывая такимъ или инымъ какимъ словомъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ да взыщетъ и земной помощи, обратясь къ знающимъ дѣло за совѣтомъ и руководствомъ, какъ бы успѣшнѣе освободиться отъ томящихъ его вражескихъ узъ рабства грѣховнаго. Если этого невозможно сдѣлать тотчасъ, пусть исполнитъ это, какъ только откроется возможность, не переставая прибѣгать къ распеншемуся за насъ Господу Іисусу и къ Пречистой Матери Его Богородицѣ-Приснодѣвѣ, благоутробно смилостивиться надъ нимъ и не лишить его скорой подобающей помощи. Да вѣдаетъ онъ, что въ этомъ неотлаганіи дѣла и скорой готовности послѣдовать доброму внушенію — его побѣда и преодолѣніе врага.

Глава тридцать первая.

КАКЪ ВРАГЪ УДЕРЖИВАЕТЪ ВЪ СВОИХЪ СѢТЯХЪ ТѢХЪ, КОИ СОЗНАЛИ БѢДСТВЕННОЕ СВОЕ ПОЛОЖЕНІЕ И ХОТЯТЪ ИЗБАВИТЬСЯ ОТЪ НЕГО, А КЪ ДѢЛУ НЕ ПРИСТУПАЮТЪ. И ОТЪ ЧЕГО ДОБРЫЯ НАШИ НАМѢРЕНІЯ НЕРѢДКО НЕ ПРИВОДЯТСЯ ВЪ ИСПОЛНЕНІЕ.

Тѣхъ, которые познали худость и бѣдственность жизни, которою живутъ, врагъ успѣваетъ удерживать въ своей власти наибольшею частію слѣдующимъ простымъ,

но всесильнымъ внушеніемъ: „послѣ, послѣ; завтра завтра.“ И бѣдный грѣшникъ, прельщаясь тѣнью доброхотства, представляемаго такимъ внушеніемъ, рѣшаетъ: „въ самомъ дѣлѣ завтра; нынѣ я покончу свое дѣло, и потомъ съ полнѣйшею безпопечительностію предамъ себя въ руки благодати Божіей и неуклонно потеку путемъ духовной жизни; нынѣ сдѣлаю то и то, а завтра покаюсь.“ Сѣть это вражеская, брате мой, которою онъ уловляетъ многихъ и премногихъ, и держитъ въ своихъ рукахъ весь міръ. Причина же, по которой эта сѣть такъ удобно осѣчиваетъ насъ, есть наше нерадѣніе и ослѣпленіе. Ничѣмъ другимъ, какъ нерадѣніемъ и ослѣпленіемъ нельзя объяснить того, что въ такомъ важномъ дѣлѣ, отъ котораго зависитъ все наше спасеніе и вся слава Божія, мы не беремся тотчасъ за самое простое и легкое, и вмѣстѣ самое дѣйствительное орудіе, именно, чтобъ съ полною рѣшимостію и энергіею сказать въ себѣ: *„сей-часъ!* сейчасъ начну духовную жизнь, а не послѣ; нынѣ покаюсь, а не завтра. *Нынѣ, сей-часъ* въ моихъ рукахъ, а *завтра* и *послѣ* въ рукахъ Божіихъ. Но если и благоугодно будетъ Господу дать мнѣ *завтра* и *послѣ*, могу ли я быть увѣреннымъ, что и завтра найдетъ на меня это благое и понудительное помышленіе объ исправленіи жизни?“ Къ тому же, что за безсмысліе говорить, напримѣръ, когда предлагается вѣрное средство отъ болѣзни: „погоди, дай еще поболю немного?“ А отлагающій дѣло спасенія совершенно походитъ на такого.

Итакъ, если желаешь избавиться отъ прелести вражеской и побѣдить врага, тотчасъ берись за надежное противъ него оружіе, тотчасъ послушайся дѣломъ добрыхъ помышленій и Божіихъ тебѣ внушеній, зовущихъ тебя къ покаянію, не допускай ни малѣйшей отстрочки, и не позволяй себѣ сказать: „я положилъ

твердое намѣреніе покаяться немного послѣ, и не отступлю отъ этого намѣренія.“ Нѣтъ, нѣтъ, не дѣлай такъ. Такія рѣшенія всегда оказывались обманчивыми, и многіе—премногіе, понадѣясь на нихъ, оставались потомъ нераскаянными до конца жизни, по разнымъ причинамъ

а) Первая та, что собственныя наши рѣшимости не бываютъ основываемы на невѣріи себѣ и на крѣпкомъ уповании на Бога. Почему не бываемъ чужды гордостнаго о себѣ мнѣнія, неотложнымъ слѣдствіемъ котораго всегда бываетъ удаленіе отъ насъ благодатной Божіей помощи и вмѣстѣ съ тѣмъ неизбѣжное паденіе. Отъ сего рѣшающій въ себѣ: завтра непремѣнно брошу путь грѣха, — встрѣчаетъ всегда противное тому—не возстаніе, а горшее паденіе, а тамъ опять паденіе за паденіемъ. И Богъ промыслительно иногда попущаетъ сіе, чтобы привесть самонадѣяннаго въ сознаніе своей немощи и побудить ко взысканію Божіей помощи, единой надежной, съ отверженіемъ и попраніемъ всякой надежды на себя. Хочешь ли знать, человѣче, когда крѣпки и благонадежны будутъ твои собственныя рѣшимости? Когда не будешь держать никакой на себя надежды, и когда онѣ у тебя основаны будутъ на смиреніи и крѣпкомъ уповании на единаго Бога.

б) Вторая та, что при такихъ нашихъ рѣшимостяхъ имѣется въ виду преимущественно красота и свѣтлость добродѣтели, и онѣ-то привлекаютъ къ себѣ нашу волю, сколько бы она ни была слаба и немощна; причемъ конечно трудная сторона добродѣтели ускользаетъ изъ вниманія. Но нынѣ она ускользаетъ потому, что желаніе красоты добродѣтели сильно влечетъ волю; завтра же, когда между тѣмъ привнидутъ обычныя дѣла и заботы, оно не будетъ уже такъ сильно, хотя принятое намѣреніе еще помнится. При ослабшемъ же-

ланіи и воля слабѣетъ, или вступаетъ въ естественную свою немощность, вмѣстѣ же съ тѣмъ и трудная сторона добродѣтели выступитъ впередъ и предстанетъ предъ очи; потому что путь добродѣтели по существу своему труденъ, и труднѣе всего бываетъ онъ при первомъ шагѣ. Пусть теперь положившій вчера нынѣ вступитъ на сей путь, приступитъ къ сему,—онъ уже не будетъ имѣть въ себѣ никакой опоры къ исполненію сего: желаніе не напряженно, воля ослабла, предъ очами одни препятствія—и въ себѣ, и въ порядкахъ своей обычной жизни, и въ обычныхъ сношеніяхъ съ другими. Онъ и рѣшаетъ: подожду пока, соберусь съ силами; и пойдетъ такимъ образомъ ждать день это дня, и не дивно, если прождетъ и всю жизнь. А приступи онъ къ дѣлу вчера, какъ только пришло воодушевительное желаніе исправиться, сдѣлай то или другое по требованію сего желанія, введи въ жизнь что-нибудь въ духѣ его,—нынѣ и желаніе и воля не были бы такъ слабы, чтобъ отступать предъ лицемъ препятствій. Препятствій не миновать, но имѣя въ себѣ опору, онъ, хоть съ трудомъ, преодолѣлъ бы ихъ. Пробудь онъ весь день въ этомъ преодолѣваніи, на другой они оказались бы гораздо менѣе чувствительными; а на третій еще менѣе. Дальше и дальше—и установился бы онъ на добромъ пути.

в) Третья—та, что добрыя возбужденія отъ сна грѣховнаго не только неохотно опять приходятъ, бывъ оставлены безъ исполненія, но и когда приходятъ, не производятъ уже того дѣйствія на волю, которое оказали въ первый разъ; воля не столь быстро склоняется тещи въ слѣдъ ихъ, и вслѣдствіе того рѣшимость на то, если и появится, слаба бываетъ, не энергична. Но если болѣе сильное возбужденіе человѣкъ смогъ отложить до завтра и потомъ совсѣмъ потерять; то тѣмъ

удобнѣе поступитъ онъ такъ же и со вторымъ, и еще тѣмъ удобнѣе съ третьимъ. И такъ далѣе: чѣмъ чаще отлагается исполненіе добрыхъ возбужденій, тѣмъ слабѣе бываетъ ихъ дѣйствіе; потомъ дѣло доходитъ до того, что они совсѣмъ дѣлаются бездѣйственными, приходятъ и отходятъ безслѣдно; а наконецъ и приходить перестанутъ. Человѣкъ предается въ руки паденія своего; сердце его ожестѣваетъ, и начинаетъ отвращеніе имѣть къ добрымъ возбужденіямъ. Такъ отлагательство дѣлается прямымъ путемъ къ конечной погибели.

Замѣчу тебѣ еще, что отлагательство бываетъ, не только когда чувствуется понужденіе внутреннее къ перемѣнѣ жизни худой на добрую, но и когда кто ведетъ жизнь исправную, именно, когда кому представляется случай сдѣлать добро, и онъ отлагаетъ это или до завтра, или неопредѣленно до другаго времени. И къ этому отлагательству приложимо все, что говорилось о перваго рода отлагательствѣ; и слѣдствія отъ сего могутъ быть подобныя же слѣдствіямъ отъ того. Вѣдай, что кто пропускаетъ случай сдѣлать добро, тотъ не только лишается плода отъ добра, которое бы сдѣлалъ, но и Бога оскорбляетъ. Богъ посылаетъ къ нему нуждающагося и онъ говоритъ: отойди—послѣ. Это хоть онъ говоритъ человѣку, но тоже что говоритъ Богу, пославшему его. Богъ найдетъ для него другаго благодѣтеля; но отказавшій ему небезотвѣтенъ.

Глава тридцать вторая.

О КОЗНЯХЪ ВРАГА ПРОТИВЪ ТѢХЪ, КОТОРЫЕ ВСТУПИЛИ НА ДОБРЫЙ ПУТЬ.

Но пусть кто миновалъ первыя двѣ препоны, возжелалъ освободиться отъ узъ грѣха и приступилъ къ

сему тотчасъ; врагъ не оставляетъ его и здѣсь, и перемѣняетъ только тактику, а не злое свое желаніе и чаяніе преткнуть его о камень искушенія какого-либо и погубить. И св. отцы изображаютъ такого обстрѣливаемымъ со всѣхъ сторонъ—сверху и снизу, справа и слѣва, спереди и сзади; отвсюду летятъ на него стрѣлы. Стрѣлы сверху—внушенія чрезмѣрностей непосильныхъ въ трудахъ духовныхъ; стрѣлы снизу—внушенія умалить, или совсѣмъ оставить такіе труды, по самосожалѣнію, нерадѣнію и безпечности; стрѣлы справа, когда враги, по поводу какихъ-либо добрыхъ начинаній и дѣлъ, ввергаютъ въ искушеніе и опасности паденія; стрѣлы слѣва, когда враги явные представляютъ соблазны и влекутъ на грѣхъ; стрѣлы спереди, когда враги искушаютъ и смущаютъ помыслами о томъ, что имѣетъ быть; стрѣлы сзади, когда они искушаютъ и возмущаютъ воспоминаніями о прошедшихъ дѣлахъ и событіяхъ. И всѣ такіе искусительные помыслы приражаются къ душѣ или внутреннимъ путемъ, или внѣшнимъ: внутреннимъ — чрезъ образы и представленія фантазіи, печатлѣемыя въ сознаніи мысленно, или чрезъ непосредственныя внушенія худаго въ сердцѣ, сопровождаемыя обычными страстными движеніями; внѣшнимъ—чрезъ впечатлѣнія внѣшнихъ чувствъ, непрестанно приливающія, какъ уже говорено было выше. Пособниками себѣ враги наши имѣютъ прежнія грѣховныя привычки и наше поврежденное въ паденіи естество. — Имѣя столько способовъ вредить намъ, врагъ нимало не смущается первыми неудачами, и непрестанно пускаетъ въ ходъ то одно, то другое, чтобъ преткнуть или сбить съ пути ускользающаго изъ его власти раба Христова.

Первымъ дѣломъ у врага, послѣ того какъ рѣшится кто оставить недобрые пути и дѣйствительно оставля-

етъ ихъ, бываетъ—очистить для себя мѣсто дѣйствія противъ него, чтобъ никто не мѣшалъ ему. Успѣваетъ онъ въ этомъ, когда внушитъ вступившему на добрый путь дѣйствовать самому по-себѣ, не обращаясь за совѣтомъ и руководствомъ къ присущимъ всегда Церкви руководителямъ къ богоугодной жизни. Кто слѣдуетъ сему руководству и всѣ свои дѣянія и внутреннія и внѣшнія повѣряетъ разсужденіямъ своихъ руководителей, — въ приходахъ мірскихъ священниковъ, а въ обителяхъ—опытныхъ старцевъ,—къ тому нѣтъ доступа врагу. Что бы онъ ни внушилъ, опытный глазъ тотчасъ увидитъ, куда онъ мѣтитъ, и предостережетъ своего питомца. Такъ разоряются всѣ его козни. А кто отшатнется отъ своихъ руководителей, того онъ тотчасъ закружитъ и собьетъ съ пути. Есть много возможностей, кажущихся не худыми. Ихъ и внушаетъ онъ. Неопытный новичекъ слѣдуетъ имъ, и попадаетъ въ засаду, гдѣ подвергается большимъ опасностямъ или совсѣмъ гибнетъ.

Второе, что устрояетъ врагъ, это оставить новичка не только безъ руководства, но и безъ помощи. Положившій обходиться въ жизни своей безъ совѣта и руководства, скоро самъ собой переходитъ къ сознанію ненужности сторонней помощи при совершеніи дѣлъ своихъ и веденіи богоугодныхъ порядковъ. Но врагъ ускоряетъ этотъ переходъ тѣмъ, что скрывается самъ и не дѣлаетъ нападеній на новичка, который, восчувствовавъ такую свободу и льготу, начинаетъ мечтать, что это доброе состояніе есть плодъ его собственныхъ усилій, и вслѣдствіе того почиваетъ на нихъ, и въ молитвахъ своихъ о помощи свыше говоритъ какъ бы только сквозь зубы, потому только, что такъ пишется въ молитвахъ. Помощь неискомая и не приходитъ: и остается такимъ образомъ новичекъ одинъ, съ од-

ними своими силами. А съ такимъ врагу легко уже управиться.

Слѣдствіемъ такого самопрельщенія бываетъ для однихъ то, что они бросаются на чрезмѣрные подвиги не по силамъ и не по времени. Сильное возбужденіе энергіи самонадѣянностію даетъ имъ на первый разъ силу протянуть такіе подвиги нѣсколько времени; потомъ силы ихъ истощаются и они не находятъ уже ихъ въ себѣ столько, чтобъ держать самые умѣренные подвиги, а нерѣдко и отъ этихъ отказываются. Иные же, разжигая свою самодѣтельную энергію все болѣе и болѣе, доходятъ до такой самоувѣренности, что считаютъ все для себя возможнымъ. Въ этомъ возбужденномъ состояніи они дѣлаютъ пагубныя шаги: бросаются въ колодцы высохшіе, или съ утесовъ, гдѣ живутъ въ пещерѣ какой, совсѣмъ отказываются отъ нищи, и подоб. Все это устрояетъ врагъ незамѣтно для прельщаемыхъ.

Для другихъ слѣдствіемъ самопрельщенія, приписыванія себѣ самимъ своихъ успѣховъ бываетъ то, что они даютъ себѣ право на разныя послабленія и льготы. Есть прелесть въ жизни, что когда вводится въ нее что новое, какъ напримѣръ у покаявшагося; тогда дни кажутся мѣсяцами, а недѣли годами. Отъ этого потрудившемуся немного въ порядкахъ новой жизни врагъ легко вбиваетъ въ голову мечты: сколько ужъ я потрудился, сколько времени постился, сколько разъ ночи не спалъ, и под. Можно немного и отдохнуть. — Отдохни, толкуетъ врагъ, дай покой плоти; немножко и развлечься можно. — Какъ только согласится на это неопытный новичекъ, пойдутъ у него льготы за льготами, пока наконецъ разстроятся всѣ порядки богоугодной жизни, и онъ спустится въ туже жизнь, которую оставилъ, и начинаетъ опять жить

въ нерадѣніи и безпечности, спустя, какъ говорится, рукава.

Съ такими впрочемъ искушеніями,—чуждаться и совѣта и руководства другихъ, приписывать себѣ успѣхи, замышлять о чрезмѣрностяхъ и послабленіяхъ,—врагъ не въ началѣ только доброй жизни подступаетъ, но дѣлаетъ попытки къ такимъ внушеніямъ и въ продолженіе всей ея. Потому самъ видѣть можешь, какъ необходимо тебѣ все, что ни дѣлаешь, дѣлать съ совѣтомъ, никогда никакихъ успѣховъ, какъ бы они ни были малы, не приписывать себѣ, своимъ силамъ и своему тщанію, бѣгать всякихъ чрезмѣрностей и послабленій, и вести жизнь ровную, но энергичную и живую, всегда въ порядкахъ, однажды заведенныхъ и установленныхъ по примѣрамъ святыхъ, прежде жившихъ, и съ разсужденіемъ опытныхъ людей, современныхъ тебѣ.

Глава тридцать третья.

Какъ врагъ отклоняетъ отъ добрыхъ дѣлъ и портитъ ихъ.

Указанныя предъ симъ козни врага разстроиваютъ всю жизнь добрую. Противъ того, кто, устоявъ противъ нихъ, течетъ неуклонно добрымъ путемъ, врагъ строитъ иныя козни и иныя преткновенія. Тутъ онъ не на всю жизнь вооружается, а дѣйствуетъ урывками противъ всякаго частнаго дѣла, которое начинаетъ и дѣлаетъ добрый христіанинъ по Богу.

Со времени открытія глазъ утромъ послѣ сна до закрытія ихъ снова на ночь мы окружены дѣлами, кои непрестанно чередуются и слѣдуя однѣ за другими, не оставляютъ пустаго момента, если мы внимаемъ себѣ

и не болимъ лѣностію и нерадѣніемъ. При этомъ не только дѣло молитвеннаго устремленія сердца къ Богу, не только должныя дѣла въ сношеніяхъ съ другими въ правдѣ и любви, не только дѣла упорядоченія въ себѣ равновѣсія между тѣломъ и душей, въ подвигахъ самоумерщвленія, но и житейскія дѣла съ гражданскими, всѣ должны быть обращаемы на содѣваніе спасенія со строгимъ вниманіемъ, бодренностію и усердіемъ. Ревнителямъ о семъ Богъ помогаетъ все вести достодолжно, содѣйствуя имъ благодатію Своею съ охраненіемъ ихъ ангелами и молитвами святыхъ. Но и врагъ не дремлетъ. Ко всякому дѣлу онъ подстрѣваетъ и хлопочетъ, нельзя ли какъ-нибудь помутить теченіе дѣлъ нашихъ и вмѣсто должныхъ навесть или сбить на дѣла недолжныя: то бросается помѣшать самому начинанію ихъ; то когда они начаты, покушается пресѣчь теченіе ихъ; то если въ этомъ не успѣваетъ, хлопочетъ сдѣлать исполненіе ихъ и совершеніе никуда негодными; когда же и въ этомъ посрамляется, то злоухитряется отнять всякую у нихъ предъ Богомъ цѣну, возбудивъ тщеславіе и самомнѣніе.

Св. Іоаннъ Лѣствичникъ такъ говоритъ о семъ: „во всѣхъ дѣяніяхъ нашихъ, которыми стараемся мы угодить Богу, бѣсы выкапываютъ намъ три ямы: вопервыхъ, борются, чтобы воспрепятствовать нашему доброму дѣлу; вовторыхъ, когда они въ семъ первомъ покушеніи бываютъ побѣждены, то стараются, чтобы сдѣланное не было по Богу; а если тати оные и въ семъ умышленіи не получаютъ успѣха, тогда уже безшумно подступивши къ душѣ нашей, ублажаютъ насъ, какъ живущихъ во всемъ богоугодно. Первому искушенію сопротивляется горячее рвеніе и память о смерти; второму—повиновеніе и уничиженіе; а третьему—всегдашнее укореніе самого себя. *Сіе трудъ есть предъ*

нами, дондеже внидетъ во святилище наше огнь опый Божій (Пс. 72, 16). Тогда уже не будетъ въ насъ насилія злыхъ навыковъ, ибо *Богъ нашъ есть огнь поядаяй* (Евр. 12, 29) всякое разженіе и движеніе похоти, всякій злой навыкъ, ожесточеніе и омраченіе внутреннее и внѣшнее, видимое и помышляемое“ (Сл. 26, 8).

Всего бывающаго при этомъ описать никакое перо не можетъ. Внимай себѣ, одно мѣрило держа въ умѣ — единому Богу благоугождать всѣмъ и большимъ и малымъ, — и сама жизнь научитъ тебя ясно видѣть и проразумѣвать вражескія козни. Предложу однакожъ тебѣ два-три примѣра, какія смуты воздвигаетъ врагъ въ душѣ нашей, чтобъ попортить дѣла наши, когда они должны длиться опредѣленное время.

Когда, напримѣръ, больной расположится благодушно переносить болѣзнь свою, и переноситъ: врагъ, зная, что такимъ образомъ онъ утвердится въ добродѣтели терпѣнія, подступаетъ разстроить такое его благорасположеніе. Для сего начинаетъ приводить ему на умъ многія добрыя дѣла, которыя могъ бы онъ совершить, еслибъ находился въ другомъ положеніи, и старается убѣдить его, что еслибъ былъ здоровъ, какъ добрѣ поработалъ бы Богу и сколько пользы принесъ бы и себѣ и другимъ: ходилъ бы въ церковь, велъ бы бесѣды, читалъ бы и писалъ въ назиданіе ближнихъ, и под. — Замѣтивъ, что такія мысли принимаются, врагъ почаще приводитъ ихъ на умъ, размножаетъ и раскрашиваетъ, проводитъ до чувства, вызываетъ желанія и порывы къ дѣламъ тѣмъ, представляя, какъ хорошо шли бы у него тѣ или другія дѣла, и возбуждая жалѣніе, что связанъ по рукамъ и ногамъ болѣзнію. Мало-по-малу при частыхъ повтореніяхъ такихъ мыслей и движеній въ душѣ, жалѣніе переходитъ въ недовольство и до-

садованіе. Прежнее благодушное терпѣніе такимъ образомъ разстроивается, и болѣзнь представляется уже не какъ врачевство отъ Бога и поприще для добродѣтели терпѣнія, а какъ нѣчто непріязненное дѣлу спасенія, и желаніе освободиться отъ нея дѣлается неудержимымъ, все еще въ видахъ полученія чрезъ то простора для добродѣланія и угожденія Богу всяческаго. Доведши до сего, врагъ украдаетъ изъ ума его и сердца эту благую цѣль желанія выздоровленія, и оставляя одно желаніе здоровья, какъ здоровья, заставляетъ досадливо смотрѣть на болѣзнь, не какъ на препону къ добру, а какъ на нѣчто непріязненное само по себѣ. Отъ сего нетерпѣливость, не врачуемая благопомышленіями, беретъ силу и переходитъ въ ропотливость, и лишаетъ большаго прежняго покоя отъ благодушнаго терпѣнія. А врагъ радуется, что успѣлъ его разстроить. Точь въ точь такимъ же образомъ разстроиваетъ врагъ бѣднаго, терпѣливо переносящаго участь свою, рисуя ему, какими добрыми дѣлами украсился бы онъ, еслибы имѣлъ состояніе.

Подобно сему врагъ разстраиваетъ нерѣдко находящихся на поприщѣ послушанія въ обители или у какого старца, успѣвая убѣдить ихъ, что, оставаясь въ этомъ порядкѣ жизни, они не скоро дойдутъ до желаннаго совершенства, и разжигая въ нихъ желаніе затвора, или пустыннаго жительства. И нерѣдко бываетъ, что такимъ его внушеніямъ слѣдуютъ. Но достигнувъ этого, тамъ наединѣ предаются нерадѣнію и теряютъ то, что прежде пріобрѣтено было съ трудомъ въ послушничествѣ.

И на оборотъ бываетъ, что врагъ успѣваетъ выгнать иного изъ уединенія и затвора, убѣдивъ его, что онъ тамъ сидитъ безъ всякой пользы для себя и для другихъ, тогда какъ въ обители у него полезныя

дѣла текли бы обильно рѣкой и день и ночь. А когда послушавшійся переходитъ въ обитель, то чаемыхъ дѣлъ полезныхъ не успѣваетъ надѣлать, а что пріобрѣлъ въ пустынѣ, скоро истрачиваетъ и остается не при чемъ.

И множество многое есть другихъ подобныхъ случаевъ, когда врагъ успѣваетъ отклонить отъ одного рода занятій, сманивая къ другому, будто полезнѣйшему, и разстроивая тотъ и другой.

Отъ всѣхъ такихъ искушеній избавляется легко, кто имѣя опытнаго руководителя, совѣтника и собесѣдника, съ смиренною покорностію слѣдуетъ ихъ указаніямъ. А кто лишенъ почему-либо такого блага, тотъ да внимаетъ себѣ и строго учится различать доброе отъ худаго по началамъ христіанскимъ, коими должна устрояться жизнь всѣхъ насъ. Если случаи, мѣшающіе, какъ намъ кажется, развернуться шире нашему добродѣланію, не отъ нашей воли, а посылаются Богомъ; то принимай ихъ съ покорностію и не слушайся никакихъ внушеній, отклоняющихъ тебя отъ сей покорности. Пославъ такой случай, Богъ ничего отъ тебя не ожидаетъ, кромѣ того, чтобъ ты держалъ себя и дѣйствовалъ такъ, какъ требуетъ и какъ даетъ возможность посѣтившій тебя случай. Больной ли ты или бѣдный, терпи. Ничего кромѣ терпѣнія Богъ отъ тебя не требуетъ. Терпя благодушно, ты будешь находиться непрерывно въ добромъ дѣлѣ. Когда ни воззритъ на тебя Богъ, будетъ видѣть, что ты дѣлаешь добро, или пребываешь въ добрѣ, если благодушно терпишь, тогда какъ у здороваго дѣла добрыя идутъ промежутками. Почему желая перемѣны своего положенія, ты желаешь промѣнять лучшее на худшее.

Если же случайное положеніе, въ какомъ находишься, и какое, какъ полагаешь, стѣсняетъ кругъ воз-

можныхъ для тебя добрыхъ дѣлъ, отъ твоей зависѣло воли, то какъ ты навѣрное избралъ его не безъ разсужденія, и держись того разсужденія, не позволяй мыслямъ блуждать по разнымъ возможностямъ, а все вниманіе свое устремивъ и сковавъ тѣмъ однимъ, что предлежитъ тебѣ въ твоемъ положеніи, спокойно твори сопряженныя съ нимъ дѣла, въ полной увѣренности, что если ты всѣ посвящаешь ихъ Богу, а не самоугодію, то они не безплодно наполняютъ все твое время, и пріемлются Богомъ, какъ жертва отъ тебя самая полная. И пребывай покоенъ.

Глава тридцать четвертая.

Какъ врагъ самыя добродѣтели обращаетъ во вредъ дѣлателямъ.

Но пусть ты вѣрно и постоянно течешь путемъ добродѣтели, не уклоняясь ни на десно, ни на шуе; не думай, что врагъ отстанетъ отъ тебя. Нѣтъ, слышалъ уже ты, что я привелъ тебѣ изъ св. Іоанна Лѣствичника, что врагъ, когда видитъ, что всѣ его покушенія совратить тебя на зло безуспѣшны, идетъ потихоньку вслѣдъ тебя и ублажаетъ, какъ живущаго во всемъ богоугодно. Вотъ это и есть послѣднее его искушеніе. Отзывается это вражье насъ величаніе самомнѣніемъ, самочувствіемъ и самодовольствомъ; а отъ нихъ пораждаются тщеславіе и гордость, изъ коихъ тщеславіе снѣдаетъ всю цѣну дѣлъ нашихъ, если есть какія добрыя, а гордость дѣлаетъ насъ противными Богу. Внимай убо и всячески отбивайся отъ сихъ вражескихъ ублаженій, не давая имъ проходить до сердца, а отражая съ перваго момента, какъ онѣ коснутся слуха души твоей.

Чтобъ не подвергнуться грозящей тебѣ отъ сего бѣдѣ, держи всегда умъ свой собраннымъ въ сердцѣ и будь всегда готовъ къ отраженію этихъ вражескихъ стрѣлъ. Стоя тамъ внутри, какъ военачальникъ среди браннаго поля, избери удобное для брани мѣсто, и укрѣпивъ его, какъ слѣдуетъ, не оставляй никогда, но тамъ укрывайся и оттуда воюй. Мѣсто это и укрѣпленіе его и вооруженіе есть искреннее и глубокое сознаніе своей ничтожности, что ты и бѣденъ, и слѣпъ, и нагъ, и богатъ одними немощами, недостатками и неодобрительными дѣлами, неразумными, суетными и грѣшными. Установившись такъ, никогда не позволяй уму своему выходить изъ сего укрѣпленія во-внѣ, и особенно воздерживайся отъ странствованія по своимъ, какъ тебѣ кажется, плодоносным полямъ и садамъ, т.-е. твоимъ добрымъ дѣламъ. Если будешь держать себя такъ, стрѣлы вражескаго ублаженія пагубнаго не достанутъ тебя, а если и упадетъ къ тебѣ какая, ты тотчасъ увидишь ее, отразишь и выбросишь вонъ.

Но какъ воины, сидя въ укрѣпленіи, не праздно проводятъ время, но то упражняются въ воинскихъ бранныхъ пріемахъ, то подновляютъ и усиливаютъ свое укрѣпленіе, такъ дѣлай и ты, укрываясь въ сознаніи своей ничтожности. Именно дѣлай вотъ что. Умъ какъ ни держи, все будетъ отбѣгать, и не дивно, что въ этихъ отбѣганіяхъ нападетъ на дѣла твои, кажущіяся добрыми. Какъ только нападетъ онъ на нихъ, тотчасъ схватитъ его врагъ и поразитъ самомнѣніемъ, и притомъ такъ, что онъ охотно станетъ па сторону врага, воротившись къ себѣ, и тебя станетъ тянуть туда же. Какъ только замѣтишь ты это, позови къ себѣ умъ свой, и скажи ему: слушай, умъ! Толкуешь ты мнѣ: и то хорошо и это не худо. Пусть такъ; да мнѣ-то чтожъ изъ-за этого? Ты, вѣдь, собрался хва-

лить меня. Добрѣ, хвали, я слушаю. Но вѣдай, что справедливость требуетъ, чтобы ты хвалилъ меня только за то, что найдешь во мнѣ и въ дѣлахъ моихъ собственно моего, а что есть во мнѣ отъ Бога и отъ благодати Его, то должно быть благодарно и хвалебно возводимо къ источнику своему. Давай же разбирать, что есть у насъ съ тобой своего и что есть Божіе, и Божіе будемъ отлагать на Божію часть, а свое оставлять при себѣ. Затѣмъ, что останется при насъ, если только останется, тѣмъ и опредѣлимъ свой вѣсъ и свое достоинство, и за то себя похвалимъ.

Итакъ начнемъ. — Заглянемъ во время предшествовавшее нашему существованію; что были мы тогда? Ничто, и ничего не могли сдѣлать, за что бы Источникъ всякаго бытія, какъ воздаяніе, благоволилъ даровать намъ бытіе. Оно есть независимый Божій намъ даръ, Божіе намъ благодѣяніе, начало и поприще и всѣхъ послѣдующихъ намъ благодѣяній безмѣрной Его благости. Отложимъ же его на Божію часть.—Потомъ стали мы жить. Какъ? И сами не знаемъ. Много прошло лѣтъ, что мы съ тобой и не знали, что существуемъ, а существовали; но и когда узнали это, ничего не могли дѣлать для поддержанія своей жизни. Другія руки пеклись о насъ, и не сами-по-себѣ, а по устроенію Всеустроителя всякой жизни и бытія. Насъ воспитали, обучили, поставили на ноги. Тутъ ничего не было нашего,—и отлагай это въ сторону.

Стали мы потомъ сами жить. Что тутъ наше? отдѣлимъ жизненныя силы и средства къ существованію, кои окрестъ насъ. Они не наши: Божій даръ.

Божій даръ непосредственное вѣдѣніе Бога, Божій даръ совѣсть, Божій даръ жажда небесной жизни. Три сіи составляютъ духъ нашей жизни, влекущій насъ горѣ. Ты, умъ мой, не мой. Богъ мнѣ тебя даро-

валъ. Не мои и дѣятельныя во мнѣ силы, воля съ своею энергiей. Не мое чувство, способное услаждаться жизнiю и всѣмъ окружающимъ меня. Не мое тѣло со всѣми своими отправленiями и потребностями, условливающими наше тѣлесное благобытiе. Все сiе Богъ даровалъ. И самъ я не свой, а Божiй. Давъ мнѣ бытiе, Богъ облекъ меня сложностiю исчисленныхъ силъ жизненныхъ, и даровалъ мнѣ сознанiе и свободу, законоположилъ, чтобъ я правилъ всѣмъ, сущимъ во мнѣ, сообразно съ достоинствомъ каждой части своего бытiя. Во всемъ этомъ не поводы къ самовосхваленiю, а побужденiя къ сознанiю великости и тяготы лежащаго на насъ съ тобой долга и къ страху ожидающаго насъ отвѣта на вопросъ: что мы съ собой и изъ себя сдѣлали?

Обратимся теперь къ средствамъ жизни. Есть въ насъ жизнь тѣлесная, жизнь душевная и жизнь духовная. Для каждой изъ нихъ свои потребны средства и мы всѣ имѣемъ ихъ подъ руками, и всѣ они не плодъ нашего благопрiобрѣтенiя, а даръ Божiй. Воздухъ, огонь, вода, земля со всѣми своими сокровищами: стихiями, камнями, металлами, растенiями и животными, кои доставляютъ намъ все нужное для питанiя, одѣянiя и жилищъ, — не нами устроены, а даны. Сумма необходимыхъ для насъ понятiй о всемъ окружающемъ насъ, порядки житейскiе, общественные, государственные, искусства и ремесла, и правила для дѣйствованiя на всѣхъ сихъ поприщахъ, мы находимъ готовыми, не ломая головы надъ ихъ придумыванiемъ, а только усвояя ихъ. Каждый, являющiйся на свѣтъ, получаетъ ихъ какъ наслѣдiе отъ предковъ своихъ. А у предковъ откуда все это? Богъ посылаетъ людей съ особенными дарованiями и съ особою силой воли, и они дѣлаютъ новыя открытiя, и усовершаютъ бытъ

человѣческій. Но еслибъ ты спросилъ сихъ открывателей, какъ дошли они до того или другаго, они сказали бы: сами не знаемъ, пришло на умъ, развивалось, строилось и устроилось. Такъ всегда было, такъ и до конца вѣка будетъ: средства для душевной жизни не наши, а даются. Тѣмъ паче это слѣдуетъ сказать о жизни духовно-нравственно-религіозной. Богъ вложилъ въ душу вѣдѣніе о Себѣ въ умѣ, и о волѣ Своей въ совѣсти, осѣнивъ то и другое чаяніемъ вѣчноблаженной жизни. Это сѣмя духовной жизни. Оно посѣяно въ насъ и принято въ моментъ вдохнутія Богомъ въ насъ Своей божественной искры жизни. Всякій, раждаясь, приноситъ съ собой и въ себѣ сіе сѣмя, которое затѣмъ развивается и опредѣленность получаетъ отъ окружающей его среды людей. Какое неописанно-великое благо родиться среди тѣхъ, кои живутъ истинною духовною жизнію! Но осмотрись. Мы имѣемъ вѣдѣніе о единомъ истинномъ Богѣ, въ Троицѣ поклоняемомъ; исповѣдуемъ Сына Божія, насъ ради воплотившагося и все для спасенія нашего устроившаго; вѣруемъ и въ Духа Святаго, благодатію Своею насъ оживотворяющаго и духовную жизнь въ насъ дѣйственно возсозидающаго, и съ Церковію Божіею срасленными себя имѣемъ, въ ней пріемля все потребное для храненія и возвышенія духовной жизни, и оживляясь чаяніемъ воскресенія мертвыхъ и жизни будущаго вѣка. И все сіе есть у насъ въ чистѣйшемъ и безпримѣсномъ видѣ, и есть не отъ насъ — даръ Божій. Такъ вотъ, какими богатыми окруженъ ты средствами къ свойственной тебѣ жизни, и жизни всесторонней, и ни одно изъ нихъ не есть плодъ твоихъ усилій, все тебѣ дано. Ты призванъ на пиръ жизни, уже готовый. Если умѣстно намъ съ тобой чѣмъ-либо въ семъ отношеніи похвалиться, то развѣ тѣмъ, какъ

мы всѣмъ этимъ воспользовались. Это, когда есть въ насъ въ силѣ, есть наша брачная одежда. Величаться ли ею? Не паче ли побаиваться надо, какъ бы богатый въ милости Устроитель пира, пришедши, не сказалъ намъ: видите, какой пиръ! а одежда-то у васъ какова?!

Посмотримъ же теперь повнимательнѣе и на одежду сію. Одежду души составляютъ преимущественно нравственно-религіозныя расположенія и чувства укорененныя въ ней, а не одни дѣла. Но какъ тѣ сокровенны, то рѣдко бываютъ поводомъ къ тщеславію и гордости; дѣла же, какъ видимыя, лѣзутъ въ глаза, и будто невольно возбуждаютъ дѣлателя къ самочувствію и самовосхваленію въ себѣ, а свидѣтелей его дѣлъ къ похваленію его вовнѣ, которыя еще крѣпче укрѣпляютъ и глубже углубляютъ самочувствіе и трубленіе предъ собой. Такъ вотъ разсмотримъ свои дѣла, есть ли въ нихъ и что есть, чѣмъ бы можно было безпрекословно похвалиться.

Припомнимъ, что хвалиться можно только тѣмъ, что прямо отъ нашего исходитъ произволенія и независимо ни отъ чего нами совершается. Но смотри, какъ идутъ дѣла наши?—Какъ они зачинаются? Сходятся обстоятельства и ведутъ къ тому или другому дѣлу, а иной разъ приходитъ на мысль сдѣлать что-либо,—и дѣлаемъ. Но стеченіе обстоятельствъ не отъ насъ, и впаденіе на мысль сдѣлать что либо тоже, какъ очевидно, не наше: кто-то влагаетъ мысль. Такимъ образомъ зачало или зарожденіе помысла сдѣлать что-либо, въ такихъ случаяхъ, не можетъ или не должно быть предметомъ самохваленія. А такого рода дѣлъ сколько у насъ? Если добросовѣстно разберемъ, почти всѣ сплошь и рядомъ. Вотъ и нечѣмъ хвалиться.

Если можно похвалиться, то только тѣмъ, что мы могли не дѣлать, и однакожъ сдѣлали. Ибо какъ ни

сильны бываютъ внутреннія и внѣшнія понужденія на дѣла, рѣшеніе на нихъ всегда есть дѣло нашего произволенія. Но и тутъ рѣшеніе на дѣла добрыя не всегда бываетъ добротно. Добротно это рѣшеніе, когда оно установляется по сознанію воли Божіей на то и другое дѣло, и изъ покорности сей волѣ. Коль же скоро сюда привходитъ что-либо стороннее, самостное или человѣкоугодливое, то добротность рѣшенія въ такомъ случаѣ тускнѣетъ и омрачается. Рѣшаемся иной разъ боясь, что скажутъ, если не сдѣлаемъ, иной разъ чая себѣ какого-либо удовлетворенія и выгоды отъ дѣла, теперь или впослѣдствіи, а иной разъ отъ того, что нельзя иначе: и не хотѣлось бы, но надо сдѣлать. Всѣ такія дѣла не могутъ стоять въ ряду чисто добрыхъ дѣлъ, и хоть совнѣ кажутся похвальными, но по внутреннему достоинству предъ Богомъ и совѣстью не стоютъ похвалы. Разсмотримъ же, сколько у насъ такого рода дѣлъ? И опять придется сознать, что почти сплошь и рядомъ. И опять, выходитъ, нечѣмъ хвалиться.

Итакъ добрыя дѣла наши, если строго ихъ разберемъ, не дадутъ намъ открыть уста для восхваленія себя предъ другими, или для трубленія внутри предъ собой. Если же мы приведемъ при этомъ на память всѣ дѣла свои неодобрительныя,—пустыя, суетныя, безполезныя, вредныя, беззаконныя, богопротивныя, каковыхъ конечно найдется не мало; то что тогда должны почувствовать? Можетъ быть скажетъ кто: взвѣсь ту и другую сторону, и какая перетянетъ, по той и суди себя. Но такого рода пріемъ въ семъ случаѣ неумѣстенъ. Дѣла идутъ из-внутри. Если есть дѣла недобрыя, то, значитъ, внутреннее наше не въ добромъ порядкѣ; а оно-то и опредѣляетъ нашу цѣну предъ Богомъ,—самую существенную цѣну. Если оно не мо-

жетъ быть одобрено, то и весь человѣкъ недостоинъ одобренія.

Еще одно прискажу: всѣ дѣла, нами видимо совершаемыя, въ семействѣ, въ обществѣ, по службѣ, составляютъ наше поведеніе. Если осмотримся кругомъ, не можемъ не сказать, что въ общемъ поведеніе наше большею частію исправно. Но такъ же ли исправно при семъ и внутреннее, этого утверждать не можемъ. Глаза окружающихъ насъ сильное имѣютъ давленіе на наши замыслы. Эти свидѣтели заставляютъ насъ не давать хода тому худу, которое возникаетъ въ сердцѣ: мы воздерживаемся отъ худа,—и поведеніе наше является исправнымъ. Не будь ихъ, поведеніе наше оказалось бы совсѣмъ въ иномъ видѣ.—Да оно и бываетъ нерѣдко таковымъ, коль скоро мы увѣрены, что чужой глазъ не увидитъ насъ. И бываетъ съ нѣкоторыми, что коль скоро внѣшняя ихъ обстановка измѣняется и они могутъ пожить свободнѣе, все, что прежде укрываемо было изъ боязни чужихъ глазъ, вырывается наружу, и прежде исправный человѣкъ является и пьяницей, и развратникомъ, и даже грабителемъ. Всѣ эти дурные позывы не теперь породились. Они были, но ходу не имѣли, а теперь получили свободу и проявились. Но если все это только внутри; то и весь человѣкъ былъ таковъ,—пьяница, развратникъ, грабитель,—несмотря на не таковую внѣшность. Разсмотри-ка хорошенько, не принадлежишь ли и ты къ такому разряду. Если *да*, хоть въ нѣкоторой степени, то тебѣ не слѣдуетъ хвалиться и принимать похвалы.—

Заключу: если по примѣру всего сказаннаго теперь ты будешь почаще просматривать свою жизнь; то когда врагъ начнетъ трубить тебѣ въ уши: какъ ты хорошъ, — это трубленіе не найдетъ внутри тебя отголоска въ самочувствіи и самоодобреніи, а напротивъ

будетъ отражаемо всякій разъ самыми смиренными и уничиженными о себѣ мыслями и чувствами.

Глава тридцать пятая.

Нѣкоторыя указанія, благопотребныя въ дѣлѣ преподобѣжденія страстей и стяжанія добродѣтели.

Хотя я уже многое сказалъ тебѣ доселѣ, указывая средства, коими надлежитъ пользоваться для преодолѣнія страстей и стяжанія добродѣтели, но остается преподать тебѣ еще нѣчто и другое.

И во-первыхъ говорю тебѣ: не слѣдуй, брате, въ стяжаніи добродѣтелей примѣру тѣхъ, которые въ продолженіи семи дней недѣли свои духовныя дѣланія распредѣляютъ такъ, чтобы одно служило для одной добродѣтели, другое—для другой, и т. д., не принимая во вниманіе, нужно ли для нихъ то или другое въ настоящее время. Нѣтъ, не такъ слѣдуетъ тебѣ дѣйствовать, но вооружайся преимущественно противъ той страсти, которая наиболѣе тебѣ докучаетъ, не разъ уже одолѣвала тебя и готовится снова напасть на тебя; вооружаясь же противъ ней, сколько силъ есть старайся установиться въ той добродѣтели, которая противоположна сей страсти, употребляя всѣ, пригодныя къ тому дѣланія и подвиги. Ибо коль скоро успѣешь въ этомъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ оживишь въ себѣ и всѣ другія добродѣтели и облечешься въ нихъ какъ въ броню, которая будетъ ограждать тебя отъ всѣхъ стрѣлъ страстныхъ. Сердце наше по естеству полно добрыхъ расположеній; но привходятъ страсти и подавляютъ ихъ. Страсти эти не у всѣхъ равно всѣ; но у одного преимущественно одна, у другаго другая, которыя и завѣдываютъ другими. Коль скоро ты прогонишь сію

главную, всѣ другія ослабѣютъ и устранятся сами собой; когда же это совершится, добрыя расположенія, высвободясь изъ-подъ гнета, воспріимутъ въ тебѣ свойственную имъ силу, и всегда будутъ наготовѣ, стоя у дверей сердца твоего, чтобъ явиться на услуженіе тебѣ, коль скоро это потребуется.

Во-вторыхъ: на стяжаніе добродѣтелей не назначай опредѣленнаго времени, ни дней, ни недѣль, ни мѣсяцевъ, ни годовъ, говоря въ себѣ: потружусь, а тамъ отдохну, чтобъ, отдохнувши, опять взяться за тотъ-же трудъ. Нѣтъ, отдыха здѣсь не полагается. Уготовься на непрерывный трудъ, подвигъ и бореніе, не допуская и мысли о послабленіи ихъ, подражая св. Павлу, который говоритъ о себѣ: *теку,—гоню аще и постигну,—со усердіемъ гоню* (1 Кор. 9, 26; Фил. 3, 12—14). Остановиться на пути добродѣтели для отдыха, не значитъ набираться новыми силами, а растрачивать пріобрѣтенныя и разслабляться; а это тоже, что возвращаться вспять, или что разорять съ трудомъ устроенное. Подъ *остановиться* я разумѣю — возмечтавъ, что добродѣтель пріобрѣтена уже въ совершенствѣ, не обращать вниманія на недостающее въ ней и пропускать представляющіеся случаи къ дѣланію добра. Не будь таковъ, а будь всегда бодренъ и ретивъ. Не смежай очей, и не отворачивайся, когда встрѣчаешь такіе случаи, а напротивъ, высматривай ихъ и стремись къ нимъ. Съ любовію взирай на нихъ — всѣ, особенно же на тѣ, которые представляютъ какія-либо затрудненія къ совершенію въ нихъ добра. Напряженіе силъ для устраненія препонъ къ сдѣланію добра скорѣе водворяетъ въ насъ навыкъ къ добродѣтели и глубже внѣдряетъ въ сердце корни ея. Только тѣхъ случаевъ, которые, давая поводъ проявить добродѣтель цѣломудрія, подвергаютъ однакожъ опас-

ности возгорѣться похотію нечистою, всевозможно избѣгай. Лучше не допускать до членовъ своихъ сего огня, чтобъ не обжечься и не сгорѣть.

Въ третьихъ: будь мудръ и разсудителенъ въ поднятіи тѣлесныхъ подвиговъ — постовъ, бдѣній, трудовыхъ работъ и под. Они существенно необходимы, и безъ нихъ не мечтай преуспѣвать въ духовной жизни, но и въ нихъ знай и держи мудрую мѣру. Мѣра сія— средина между самоугодливою поблажкой плоти и безжалостнымъ изможденіемъ ея до изнеможенія безъ крайней къ тому нужды. Средину сію ищи опытомъ и дѣломъ, а не теоріей, и въ правило при семъ возьми постепенность, идя снизу кверху. Ищи и обрящешь. Что же касается до внутреннихъ, душевныхъ добродѣтелей, какъ-то: любви къ Богу, презрѣнія міра, самоуничиженія, отвращенія отъ страстей и грѣха, терпѣнія и кротости, мира со всѣми, даже ненавидящими и обижающими, и под., то тутъ не требуется никакая опредѣленная мѣра, и постепенность ихъ совершенствованія сама собой опредѣляется тамъ внутри. Твое дѣло: непрестанно и всесильно нудь себя на всякое требуемое ими дѣло и совершай его всегда безъ отлаганія и медлительности. Въ этомъ вся твоя мудрость и сила.

Въ четвертыхъ. Но среди такого дѣйствованія, всѣмъ помысломъ помышляй, всѣмъ желаніемъ желай, и всѣмъ сердцемъ ищи одного того, чтобъ побѣдить ту страсть, съ которою теперь борешься, и которая теперь тебя боретъ, и на мѣсто ея возставить въ силѣ ту добродѣтель, которая ей противоположна и ею въ настоящее время подавлена. Это одно да будетъ для тебя— весь міръ, все небо и земля, все сокровище твое и послѣдняя твоя цѣль, въ увѣренности, что этимъ однимъ ты достойно можешь благоугодить Богу. Ѣшь ли

или постничаешь, трудишься или отдыхаешь, спишь или бодрствуешь, дома ли сидишь или находишься внѣ его, молитвеннымъ ли дѣломъ занятъ или житейскимъ подѣліемъ, все это да будетъ у тебя направляемо къ тому одному, чтобъ преодолѣть возжегшуюся страсть и возставить прогнанную ею добродѣтель. О преодолѣніи главной твоей страсти я помянулъ выше; а здѣсь разумѣется страсть, которая боретъ тебя въ настоящій часъ, главная она или не главная. Какъ на войнѣ видимой иной разъ случается вступать въ схватку съ отрядомъ, гдѣ командуетъ самъ главнокомандующій, а иной разъ съ такимъ, которымъ управляетъ простой офицеръ; такъ бываетъ и въ духовной брани: не всегда боретъ главная страсть; иной разъ она вмѣсто себя выставляетъ своихъ пособницъ, и съ этими въ иное время приходится чаще имѣть дѣло, чѣмъ съ тою, Но одерживать побѣду и въ этихъ случаяхъ лежитъ на тебѣ долгъ не меньше, чѣмъ въ первомъ.

Въ пятыхъ, будь непримиримый врагъ всѣхъ земныхъ утѣхъ и удовольствій чувственныхъ, порожденныхъ самоугодіемъ и его питающихъ. Чрезъ это легче и рѣже будешь ты подвергаться нападеніямъ не только плотскихъ, но и всѣхъ вообще страстей; ибо всѣ онѣ коренятся въ самоугодіи, съ подавленіемъ и отсѣченіемъ котораго онѣ, не имѣя подъ собой почвы, теряютъ свою силу, твердость и устойчивость. Не соблазняйся помысломъ: приму участіе въ одномъ удовольствіи, вкушу одной сласти. Ибо пусть это будетъ не грѣшное что-либо, но какъ оно допустится по одному самоугодію, то во время этого себѣ послабленія подымутъ голову всѣ страсти и зашевелятся какъ придавленные черви, когда полить ихъ водой,—и недивно, что иная между ними возгорится съ такою силой, что борьба съ нею будетъ жестока, и побѣда надъ ней

сомнительна. Потому не выпускай никогда изъ памяти слѣдующихъ словъ Божественнаго Писанія: *любяй душу свою* (это и есть самоугодливый), *погубитъ ю; и ненавидящій души своея въ мірѣ семъ* (—неноблажающій самоугодію), *въ животъ вѣчный сохранитъ ю* (Іоан. 12, 25). *Тѣмже убо, братіе, должни есмы не плоти, еже по плоти жити: аще бо по плоти живете, имате умрети; аще ли духомъ дѣянія плотская умерщвляете, живи будете* (Рим. 8, 12—13).

Въ шестыхъ. Наконецъ послѣдній даю тебѣ совѣтъ: весьма душеполезно или, лучше сказать, совершенно необходимо тебѣ прежде всего сдѣлать генеральную исповѣдь, со всѣмъ достодолжнымъ вниманіемъ и со всѣми потребными при семъ дѣланіями, разсмотрѣніями и рѣшеніями, чтобы чрезъ это душу твою преисполнило полное удостовѣреніе, что ты стоишь во благодати Бога, единаго Подателя всѣхъ духовныхъ дарованій, добродѣтелей и побѣдъ.

Глава тридцать шестая.

О порядкѣ стяжанія добродѣтелей.

Хотя истинный воинъ Христовъ, всѣмъ сердцемъ возжелавшій достигнуть полноты совершенства, не долженъ никакихъ полагать предѣловъ своему стремленію къ преуспѣнію во всемъ; однакожъ ему необходимо разсужденіемъ умѣрять и добрѣ направлять чрезмѣрные порывы рвенія духовнаго. Такіе порывы, особенно въ началѣ, обыкновенно вдругъ возгараются съ великою силой и влекутъ неудержимо, а потомъ слабѣютъ-слабѣютъ и совсѣмъ угасаютъ, оставляя насъ безпомощными среди пути. Ибо не только внѣшнія—тѣлесныя добродѣтели слѣдуетъ стяжевать мало-по-малу, восхо-

дя въ нихъ, какъ бы по ступенямъ, но и въ стяжаніи внутреннихъ—душевныхъ добродѣтелей надлежитъ соблюдать свой чинъ и порядокъ, такъ какъ только при этомъ малое наше скоро дѣлается большимъ и устанавливается на всегдашнее въ насъ пребываніе. Такъ напримѣръ, въ стяжаніи внутренней добродѣтели терпѣнія нельзя тебѣ вдругъ вожделѣвать напраслинъ, обидъ и всякихъ другихъ непріятностей, порываться на нихъ и радоваться имъ, хотя можешь терпѣливо переносить ихъ, когда встрѣчаются; потому что такое вожделѣніе и такая радость суть высшія степени терпѣнія, до вступленія на которыя тебѣ надлежитъ пройти низшія, кои суть: смиренное самоуничиженіе, считающее себя заслужившимъ всякія оскорбленія,—подавленіе позывовъ къ отмщенію,—возненавидѣніе всякой мысли объ отмщеніи, и подобныя.

Совѣтую тебѣ также: не берись вдругъ за всѣ добродѣтели, и даже за нѣсколько ихъ, но установись прежде въ одной, а потомъ переходи и къ другой. При такомъ образѣ дѣйствованія всякій добродѣтельный навыкъ удобнѣе и прочнѣе укоренится въ душѣ. Ибо когда станешь упражняться непрестанно преимущественно въ одной добродѣтели, то и память твоя все будетъ занята почти одною ею, и умъ твой, будучи чрезъ то прикованъ къ помышленію объ ней, скорѣе утончится въ изысканіи случаевъ и способовъ къ совершенію ея, и воля твоя охотнѣе прилѣпится къ ней съ большимъ расположеніемъ; а все это въ дѣлѣ стяжанія добродѣтельныхъ навыковъ суть сильныя споспѣшествованія, которыхъ тщетно будешь ты ожидать, если заразъ прострешься ко многимъ добродѣтелямъ.

Съ другой стороны, и самыя дѣянія одной и тойже добродѣтели, будучи одновидны и сходны между собой, по причинѣ сей одинаковости образа дѣйствованія, ста-

новятся все менѣе и менѣе притрудными и скорѣе препровождаютъ къ другой. Ибо обыкновенно одна добродѣтель вызываетъ другую, подобную ей, и помогаетъ ей тѣмъ самымъ, что установившись въ сердцѣ, предрасполагаетъ его и къ принятію своей подобницы, уготовляя напередъ тамъ для нея какъ-бы престолъ для возсѣстія.

Этотъ, высказанный мной, разчетъ вѣренъ и истиненъ, и мы по опыту знаемъ, что кто добрѣ и всеусердно упражняется въ одной добродѣтели, тотъ вмѣстѣ съ тѣмъ не только научается напередъ, какъ упражняться и въ другой, но съ умноженіемъ навыка въ ней, возбуждаетъ, раститъ и крѣпитъ и всѣ другія добродѣтели, по причинѣ нераздѣльности ихъ между собой; ибо онѣ всѣ суть лучи исходящіе отъ одного и того же божественнаго свѣта.

Глава тридцать седьмая.

Какія расположенія требуются для успѣха въ стяжаніи добродѣтелей вообще, и какъ вести дѣло навыкновенія въ одной какой.

Для стяжанія добродѣтелей требуется душа мужественная и великая, и воля не какая-нибудь слабая и вялая, но рѣшительная и сильная, съ вѣрнымъ предзрѣніемъ многихъ препятствій и тяжелыхъ трудовъ и съ готовностію всѣ ихъ поднять и перенесть. Въ основѣ такихъ расположеній должны лежать крѣпкое возлюбленіе каждой добродѣтели и всей добродѣтельной жизни, и пламенная о томъ ревность. Въ этомъ—движущая по трудовому пути добродѣтели сила, которую потому непрестанно должно возгрѣвать, чтобъ не ослабѣла и не истощилась, такъ какъ при этомъ неизбѣж-

но прекратится и самое движеніе. Итакъ не лѣнись возгрѣвать свою ревность о добродѣтели, съ сердечнымъ участіемъ размышляя, какъ благоугодна Богу добродѣтельная жизнь, какъ прекрасна и высока добродѣтель сама-по-себѣ, и какъ для насъ она необходима и благотворна: ибо въ ней начало и конецъ истиннаго нашего совершенства и преуспѣянія въ немъ.

Посему, каждое утро со всѣмъ вниманіемъ старайся разсмотрѣть и предусмотрѣть, какіе случаи вѣроятно представиться могутъ въ продолженіе дня для совершенія того или другаго добраго дѣла, прилагая къ тому и желаніе и рѣшеніе непремѣнно такъ поступить; а вечеромъ поиспытай себя, исполнены ли и какъ исполнены утреннія твои добрыя помышленія и желанія: затѣмъ въ слѣдующее утро возобнови опять тѣже намѣренія и желанія, съ живѣйшею ревностію и желаніемъ исполнить ихъ въ точности.

Все же сіе старайся направлять къ упражненію въ той добродѣтели, въ которой навыкать положилъ ты въ настоящее время. Равнымъ образомъ и примѣры святыхъ, и молитвы, и размышленія о жизни и страданіяхъ Христа Господа, и все другое, что почитается пригоднымъ и необходимымъ для преуспѣянія въ добродѣтеляхъ и въ духовной жизни, должно быть у тебя направляемо преимущественно къ той добродѣтели, которою ты занятъ. Но и всѣми случайностями дня, какъ онѣ ни разнообразны, старайся пользоваться сколько возможно такъ, чтобъ чрезъ это не только не разстраивался, но напротивъ болѣе установлялся и укоренялся навыкъ къ той добродѣтели, о которой ты теперь особенно ревнуешь.

Предѣломъ такого навыка да будетъ—дойти до того, чтобы добродѣтельныя дѣянія, внѣшнія ли то или внутреннія совершаемы были съ такою же легкостію и

готовностію, съ какими прежде были дѣлаемы дѣла, противныя имъ, или лучше, съ какими обыкновенно исполняются естественныя потребности нашего естества; а это тоже, что довесть навыкъ въ добродѣтеляхъ до того, чтобъ онѣ содѣлались въ насъ какъ-бы естественными. При этомъ напомню сказанное прежде, что чѣмъ больше встрѣтится внутреннихъ или внѣшнихъ препятствій къ стяжанію какой-либо добродѣтели, тѣмъ скорѣе и тѣмъ глубже внѣдрится она въ нашу душу, если съ полною рѣшительностію и безъ саможалѣнія будемъ устремляться на преодолѣніе ихъ.

Пригодныя реченія Божественнаго Писанія, если произносить ихъ гласно, или хоть только въ умѣ, дивную оказываютъ силу къ напечатлѣнію въ умѣ образа искомой добродѣтели и къ возбужденію въ сердцѣ расположенія къ ней; а то и другое какую великую подаетъ помощь ревнующему о стяжаніи ея! Подыщи же такія мѣста Писанія объ искомой тобой добродѣтели и заучи ихъ, чтобъ они были у тебя всегда наготовѣ; и затѣмъ какъ можно чаще повторяй ихъ себѣ въ умѣ, особенно когда придетъ въ движеніе противоположная ей страсть.

Напримѣръ, когда трудишься надъ стяжаніемъ добродѣтели терпѣнія, можешь избрать, заучить и часто повторять слѣдующія мѣста Писанія: *долготерпѣливъ мужъ многъ въ разумѣ* (Притч. 14, 29). *Терпѣніе убогихъ не погибнетъ до конца* (Пс. 9, 19). *Горе погубившимъ терпѣніе* (Сир. 2, 14). *Лучше мужъ долготерпѣливъ паче крѣпкаго, удерживаяй же гнѣвъ, паче землющаго градъ* (Притч. 16, 32); *въ терпѣніи вашемъ стяжите души ваша* (Лук. 21, 19); *терпѣніемъ да течемъ на предлежащій намъ подвигъ* (Евр. 12, 1). *Се блажимъ терпящія* (Іаков. 5, 11). *Блаженъ мужъ, иже претерпитъ*

искушеніе (Іак. 1, 12). *Терпѣніе дѣло совершенно да иматъ* (Іак. 1, 4). *Терпѣнія имате потребу* (Евр. 10, 36).

Къ этому можешь присовокуплять и свои краткія молитвенныя воззванія,—такія и подобныя имъ: „Боже мой! когда же наконецъ сердце мое облечется въ оружіе терпѣнія!“ „Когда наконецъ стану я переносить всякую непріятность съ спокойнымъ сердцемъ, да возрадуется Богъ мой о мнѣ!“ „О, какъ возлюбленны вы мнѣ прискорбности, дѣлающія меня подобнымъ Господу моему Іисусу, ради меня пострадавшему!“ „Іисусе мой! Даруй мнѣ хоть иногда спокойно жить среди тысячи прискорбностей, славы ради Твоего имени!“ „Блаженъ буду я, если и посреди огня скорбей воспламенюсь желаніемъ перенесть еще большія страданія!“

Такія молитвы надлежитъ употреблять, чтобы преуспѣть въ добродѣтеляхъ, всякій разъ примѣняясь къ той, въ которой особенно упражняешься, какъ внушитъ намъ духъ вѣры и благочестія. Такія краткія молитвы справедливо наименовать съ Пророкомъ *восхожденіями, въ сердцѣ полагаемыми* (Пс. 83, 6), которыя исторгаясь изъ сердца, полнаго вѣры и упованія, восходятъ на небеса и входятъ въ уши Божіи. Это *воздыханія*, никогда не утаевающіяся (Пс. 37, 10) отъ очей Бога милосерднаго. Это *воззванія*, всегда внемлемыя и разумѣваемыя (Пс. 5, 2) многоблагоутробнымъ Господомъ. Не надо только забывать прилагать къ нимъ слѣдующія двѣ увѣренности, какъ бы два крила: первая, что Богъ радуется, видя насъ трудящимися въ стяжаніи добродѣтелей, и что пламенно желая совершенства въ нихъ, мы ничего другаго не ищемъ, какъ того, чтобъ угодить Богу.

Глава тридцать восьмая.

Въ добродѣтеляхъ упражняться надобно со всѣмъ усердіемъ и непрестанно.

Въ дѣлѣ стяжанія добродѣтелей необходимо дѣйствовать такъ, чтобы всегда *простираться въ предняя* (Фил. 3, 13), если желаемъ скоро и успѣшно достигнуть предположенной нами цѣли. Ибо какъ только остановимся, хоть на короткое время, тотчасъ подадимся назадъ; потому что за этимъ пресѣченіемъ добрыхъ дѣяній по нерадѣнію и послабленію себѣ, страсти, подавляемыя усерднымъ трудомъ въ добродѣланіи, по склонности нашей къ чувственности и самоугодію тотчасъ подымутъ голову, оживутъ и возбудятъ безчинныя движенія и стремленія, особенно когда при этомъ поспособствуетъ имъ внѣшняя наша обстановка; а такія движенія всегда разстроиваютъ и ослабляютъ добрые навыки и, что особенно гибельно, лишаютъ благотворнаго осѣненія благодати, безъ которой ничто истинно доброе и духовное благоспѣтися не можетъ.

Вѣдай, что теченіе путемъ жизни духовной много разнится отъ обыкновенныхъ земныхъ путешествій. Въ земномъ путешествіи, когда путешественникъ останавливается, то ничего не теряетъ изъ пройденнаго прежде пути; а въ духовномъ шествованіи, если текущій путемъ добродѣтели остановится, то теряетъ многое изъ стяжанныхъ прежде добродѣтелей, какъ я сказалъ. Въ обыкновенномъ путешествіи чѣмъ дальше идетъ путникъ, тѣмъ болѣе увеличивается его утомленіе; въ теченіи же путемъ духовной жизни, чѣмъ больше кто продляетъ путь, *простираясь въ предняя*, тѣмъ

большую пріобрѣтаетъ силу и мочь для дальнѣйшаго шествованія.

Причина сему та, что трудами на пути добродѣтели низшая наша часть, т.-е. плоть, которая своимъ возстаніемъ противъ духа и дѣлаетъ путь добродѣтели жестокимъ и многотруднымъ, все болѣе и болѣе ослабѣваетъ въ своемъ противоборствѣ духу; между тѣмъ какъ часть высшая, гдѣ и обитаетъ добродѣтель, т.-е. духъ, все болѣе и болѣе укрѣпляется и дѣлается мощною. Почему чѣмъ болѣе преуспѣваемъ мы въ добродѣтели и добрѣ, тѣмъ болѣе умаляется та прискорбная трудность, какую встрѣчаемъ въ началѣ вступленія на сей путь. Ктому же при этомъ нѣкая сокровенная сладость, Богомъ подаваемая, срастворяется съ нашимъ сердцемъ и часъ отъ часу увеличивается. Вслѣдствіе чего, простираясь въ предняя все съ большею и большею охотой и силой, легко восходимъ отъ добродѣтели къ добродѣтели и достигаемъ наконецъ самаго верха совершенства духовнаго, гдѣ душа начинаетъ дѣлать всякое добро, уже не какъ съ усиліемъ влекомая, безъ всякаго вкуса, но съ охотнымъ стремленіемъ и радостію. Ибо подавивъ и побѣдивъ страсти и отрѣшившись отъ всего тварнаго, живетъ она теперь въ Богѣ, и въ Немъ, среди пріятныхъ трудовъ духовныхъ, вкушаетъ непрестанно сладкій покой.

Глава тридцать девятая.

Не должно убѣгать встрѣчающихся случаевъ къ добродѣланію.

Если хочешь всегда простираться въ предняя на пути добродѣтели, не останавливаясь, надлежитъ тебѣ добрѣ внимать и никакъ не позволять, чтобъ ускол-

зало отъ рукъ твоихъ то, что можетъ послужить тебѣ поводомъ къ стяжанію добродѣтели. Посему не хорошо дѣлаютъ тѣ, которые, сколько силъ есть, избѣгаютъ всякихъ противностей на пути добродѣтели, которыя однакожъ могли бы послужить имъ къ благоуспѣшному по немъ теченію. Напримѣръ, если ты желаешь стяжать навыкъ въ терпѣніи, то не слѣдуетъ тебѣ избѣгать тѣхъ лицъ, дѣлъ и обстоятельствъ, которыя наиболѣе выводятъ тебя изъ терпѣнія. Но встрѣчай ихъ охотно, съ добрымъ рѣшеніемъ—предать себя непріятному ихъ на тебя дѣйствію, приготовившись однакожъ перенесть то съ непоколебимымъ спокойствіемъ духа. Если будешь поступать иначе, то никогда не навыкнешь терпѣнію.

Такимъ же образомъ надлежитъ тебѣ относиться и къ дѣлу, которое тебѣ не нравится, или само по-себѣ, или потому, что возлагается на тебя человѣкомъ, котораго не любишь, или потому что оно отвлекаетъ тебя отъ дѣла, которое тебѣ нравится, т.-е. не слѣдуетъ устраняться отъ него, а напротивъ взяться за него не упираясь ногами, и затѣмъ вести его и довести до конца, дѣйствуя такъ, какъ бы оно было тебѣ наипріятнѣйшимъ дѣломъ, и не уступая ни мало тревогамъ отъ него сердца, особенно при помышленіи, что еслибы не это дѣло, ты былъ бы совершенно покоенъ. Иначе ты никогда не научишься, какъ переживать встрѣчающіяся прискорбности; но и истиннаго покоя, котораго ищешь, не будешь имѣть, убѣгая отъ такихъ случаевъ, очевидно по самоугодію; потому что онъ не живетъ въ самоугодливыхъ сердцахъ.

Тоже совѣтую тебѣ дѣлать и въ отношеніи къ помысламъ, которые иной разъ нападаютъ на тебя и смущаютъ умъ твой, при воспоминаніи о неправдахъ человѣческихъ и о прочемъ недолжномъ. Не прогоняй

ихъ и не подавляй, доколѣ они сами не отпадутъ не отъ сопротивленія имъ, а отъ терпѣнія, съ какимъ переносишь ихъ. Пусть они смущаютъ и безпокоятъ мучительно, но вмѣстѣ съ тѣмъ они будутъ научать тебя и терпѣливому перенесенію непріятностей вообще. Кто будетъ говорить тебѣ о семъ иначе, внушая, что лучше бѣжать отъ такого случайнаго безпокойства, тотъ совѣтуетъ тебѣ пресѣчь стремленіе къ добродѣтели, которую стяжать ревнуешь.

То вѣрно, что новоначальный воинъ, не искусившійся въ брани, лучше дѣлаетъ, когда бѣжитъ отъ смутительныхъ случайностей, какъ бы презирая ихъ, нежели когда подвергаетъ себя дѣйствію ихъ и противоборствуетъ имъ; однакожъ и ему не слѣдуетъ всякій разъ давать тылъ и обращаться вспять, но со всѣмъ вниманіемъ и осмотрительностію иногда восвать съ нападающими, иногда не обращать на нихъ вниманія, смотря по своимъ успѣхамъ въ добродѣтели и нравственной силѣ, пріобрѣтаемой чрезъ то. Только въ отношеніи къ плотской похоти неумѣстно такъ поступать: тутъ бѣгая бѣгай всѣхъ случаевъ могущихъ возбудить и разжечь сію страсть, по причинѣ неукротимости ея и льстивымъ ухищреніямъ врага, какими умѣетъ онъ обставить плотскія движенія, чтобъ склонить на удовлетвореніе ихъ.

Глава сороковая.

Должно любить случаи къ добродѣтелямъ особенно затруднительные.

Не должно отнюдь, возлюбленные, бѣгать того, что можетъ служить поводомъ къ стяжанію добродѣтели; но наипаче надлежитъ всегда принимать то съ радо-

стію, какъ только представится тебѣ что подобное, почитая наиболѣе честными и достолюбезными такіе случаи, которые непріятны для твоего сердца и никакого не возбуждаютъ сочувствія. Предсказываю тебѣ, что съ Божіею помощію, дѣйствительно и будешь такъ поступать, если добрѣ напечатлѣешь въ умѣ своемъ слѣдующія помышленія.

Вопервыхъ, должно тебѣ сознать, что встрѣчающіеся тебѣ случаи къ добродѣтели суть самыя пригодныя для тебя средства къ стяжанію ея, Богомъ тебѣ данныя, по твоей молитвѣ. Возжелавъ стяжать добродѣтель, ты конечно молился Богу, чтобы Онъ даровалъ тебѣ ее; молясь же о семъ, ты не могъ не молиться и о способахъ и средствахъ къ полученію такого дарованія. Но Богъ не даетъ, напримѣръ, добродѣтели терпѣнія безъ прискорбностей и добродѣтели смиренія безъ смирительныхъ случаевъ униженія и безчестія. Почему послѣ того, какъ ты помолился о сихъ добродѣтеляхъ, Онъ и послалъ тебѣ соотвѣтственные имъ случаи. Что же ты теперь дѣлаешь, убѣгая отъ нихъ и отвращаясь? Отвергаешь помощь Божію, о коей молился, и посмѣваешься надъ даромъ Божіимъ.

Итакъ положи любезно встрѣчать представляющіеся тебѣ случаи къ добродѣтелямъ, и тѣмъ любезнѣе, чѣмъ въ большее поставляютъ они тебя затрудненіе. Ибо въ такихъ случаяхъ наши добродѣтельныя дѣянія вызываютъ большое мужество и обнаруживаютъ большую силу нравственную; а чрезъ это мы всякій разъ дѣлаемъ значительнѣйшій шагъ по пути добродѣтели, что исключительно и должны мы имѣть всегда въ цѣли.

Оговорюсь однакожъ, что совѣтуя тебѣ пользоваться особенно важными случаями къ добродѣтели, я не имѣю въ мысли внушить тебѣ презирать маловажные

къ тому случаи и пропускать ихъ съ небреженіемъ. Нѣтъ; надо неопустительно пользоваться тѣми и другими, чтобъ всегда быть въ трудахъ по добродѣланію. Напримѣръ, терпѣливо переносить должно не только наглую брань и поношеніе, и даже удары, если случится, но и косой взглядъ и презрительную мину или колкое слово. Достодолжныя дѣйствія наши въ такихъ маловажныхъ случаяхъ, какъ имѣющія возможность чаще проявляться, потому что и случаевъ такихъ больше, въ непрерывномъ напряженіи поддерживаютъ нашу нравственную силу и тѣмъ укрѣпляютъ насъ держать себя, какъ должно и въ важнѣйшихъ случаяхъ. Пропуская же небрежно такіе случаи, мы разслабляемъ свою нравственную силу и дѣлаемъ ее менѣе способною на дѣла важныя.

Вовторыхъ, возставь въ себѣ убѣжденіе и вѣру, что все случающееся съ нами, случается по Божію изволенію на пользу намъ, да плодъ нѣкій духовный получимъ чрезъ то. Хотя объ иномъ изъ сего, каковы наши и прочихъ людей грѣхи, нельзя полагать, что они происходятъ отъ изволенія Божія дѣятельнаго; но всяко и они бываютъ не безъ изволенія Божія попустительнаго, на вразумленіе и смиреніе насъ. Что же касается до прискорбностей и страданій, по нашей ли винѣ бывающихъ, или по злобѣ другихъ, то Богъ Самъ посылаетъ ихъ, желая, чтобъ мы помучились и пострадали въ нихъ, для стяжанія того блага добродѣтели, которое несомнѣнно получимъ, если достодолжно перетерпимъ посланное намъ отъ Него,—и по другимъ судамъ Своимъ, сокровеннымъ отъ насъ, однакожъ несомнѣнно праведнымъ и благословнымъ.

Будучи такимъ образомъ увѣренъ, что Самъ Богъ хощетъ, чтобъ ты потерпѣлъ встрѣтившуюся тяготу и скорбь, отъ недоброты ли другихъ людей происшед-

шую, или твоими неправыми дѣлами на тебя навлеченную, ты не станешь уже думать и говорить, какъ дѣлаютъ нѣкоторые: нѣтъ, это не отъ Бога, это несправедливо и злодѣйственно, а Богъ не хочетъ злодѣйствъ, и съ отвращеніемъ отвращается отъ нихъ и отъ творящихъ ихъ. Этимъ хотятъ они оправдать свою нетерпѣливость и порывы гнѣва и мстительности, при встрѣчѣ напраслины; но дѣлаютъ только то, что возстаютъ противъ Божіяго опредѣленія и покушаются сбросить съ себя спасительный крестъ, Богомъ для блага ихъ на нихъ наложенный, подъятіемъ котораго и благодушнымъ несеніемъ они несомнѣнно благоугодили бы Ему. А что получаютъ? Креста сбросить не сбрасываютъ, Бога оскорбляютъ, покоя же себѣ все не получаютъ; напротивъ къ скорби прилагаютъ немирность и безполезное раздраженіе, и дѣлаютъ свое состояніе невыносимымъ: тогда какъ, еслибы благодушно перенесли случившееся, то и мирными бы себя имѣли, и Божіе благоволеніе привлекли на себя, и плода духовнаго вкусили богатно. Возьми ты себѣ изъ сего урокъ— при встрѣчѣ напраслинъ, оскорбленій и нападковъ, не обращать вниманія на то, сколь неправы причинившіе ихъ тебѣ, а на томъ одномъ установись вниманіемъ, что Богъ для твоего блага попустилъ тебѣ это встрѣтить и что этого блага ты себя лишишь, если допустишь нетерпѣливость, раздраженіе и немирность по сему случаю. И до того не допытывайся, почему именно попустилъ тебѣ сіе Богъ. Вѣришь, что Богъ всегда праведенъ и милостивъ? Вѣруй, что и въ настоящемъ случаѣ Онъ оказываетъ надъ тобою и правду и милость, хотя не видишь, какъ это, помня ублаженіе Господне тѣмъ, кои такъ поступаютъ: *блажени не видѣвшіи и вѣровавше* (Ін. 20, 29).

Вѣруешь ли, что лично и къ тебѣ относятся слова

Господа: *возьми крестъ свой?* Если вѣруешь, то возьми. Вотъ возложилъ его на тебя Господь въ настоящемъ прискорбномъ случаѣ. Не говори: слишкомъ тяжело; Богъ лучше тебя знаетъ мѣру силъ твоихъ. Однимъ Богъ посылаетъ непріятности и скорби, навлекаемыя на нихъ теченіемъ событій, отъ людей нисколько не зависящихъ: эти легче переносить. Другимъ — такія, которыя причиняются людьми: эти тяжелѣе, особенно когда причиненную намъ скорбь не можемъ признать ненамѣренною, и еще паче, —когда люди сіи нами какъ нибудь облагодѣтельствованы. Послѣдній случай самый тяжелый. Если его-то и послалъ тебѣ Богъ, то знай, что онъ-то и есть самый тебѣ пригодный, и къ сему приложи такую воодушевительную мысль: Богъ видитъ, что ты силенъ перенести это, и ожидаетъ, что дѣйствительно перенесешь то благодушно, безъ ропотливости. Не отщети же Божія о тебѣ чаянія.

Прибавлю еще, что Богъ любитъ, чтобъ мы переносили болѣе такія прискорбности, которыя происходятъ отъ недобросердечія людей, и особенно тѣхъ, которые облагодѣтельствованы нами, нежели такія, которыя происходятъ отъ невѣдомо какъ стекающихся неблагопріятныхъ намъ случайностей. Почему? Потому что свойственная намъ гордыня успѣшнѣе подавляется и искореняется первыми, чѣмъ вторыми. И еще потому, что если покорность волѣ Божіей есть главное въ нашемъ духовномъ дѣйствованіи, то нигдѣ мы не можемъ вызвать ее въ себѣ и проявить въ такой мѣрѣ, какъ въ такихъ случаяхъ, если переносимъ ихъ благодушно, съ теплымъ благодареніемъ Богу, пославшему ихъ намъ, какъ великое во-истину благо, свидѣтельствуя тѣмъ и полную свою преданность въ волю Божію и пламенную ревность во всемъ сообразовать себя съ сею волею.

Подобное настроеніе предшествуетъ посланію крутыхъ случайностей. Богъ, видя зарожденіе этого настроенія и желая возвесть его въ силу и укоренить, посылаетъ чашу сильнѣйшихъ искушеній, охотное, благодушное и радостное перенесеніе которыхъ дѣйствительно и доставляетъ всегда такой благій плодъ духовный. Посему, зная сіе и сего желая и ища, должны мы принимать такую чашу отъ руки Божіей, смеживъ очи пытливости и, полною вѣрою ясно зря въ ней и зѣльную любовь къ намъ Божію и наше вѣрное преспѣяніе духовное, съ радостію испивать ее до дна, тѣмъ вожделѣннѣе, чѣмъ она горчайшею чувствуется.

Глава сорокъ первая.

Какъ въ разныхъ случаяхъ можно преуспѣвать въ одной и той же добродѣтели.

Выше въ одной главѣ сказали мы, что упражняться нѣкоторое время въ одной и той же добродѣтели гораздо плодотворнѣе и полезнѣе для успѣха, нежели какъ упражняться вдругъ во многихъ добродѣтеляхъ, и что потому въ ея пользу слѣдуетъ обращать всѣ, встрѣчающіяся съ нами случайности, хотя бы онѣ были разнородны между собой. Теперь послушай, я покажу тебѣ, какъ удобно это можетъ быть исполняемо.

Если, напримѣръ, случится тебѣ въ одинъ и тотъже день, или даже и часъ, укорену быть отъ кого безвинно за какое-либо дѣло, само-по-себѣ безукоризненное, или получить отказъ въ просьбѣ, съ какою обращаешься къ кому-либо, или случится съ тобой нѣчто такое, изъ-за чего станутъ неправильно подозрѣвать тебя въ чемъ-либо худомъ, или найдетъ на

тебя какая болѣзнь тѣлесная, или кто-нибудь изъ высшихъ тебя велитъ тебѣ сдѣлать что-либо, что тебѣ не нравится, или встрѣтится другое что непріятное и несносное, чѣмъ преисполнена бѣдная жизнь человѣческая; то по разнообразію такихъ и подобныхъ симъ случайностей, тебѣ предлежитъ совершить разныя добродѣтельныя дѣянія. Но, соблюдая предположенное тобою правило, ты лучше сдѣлаешь, если все ихъ обращать будешь на упражненіе въ той добродѣтели, какой преимущественно прилежишь въ то время.

Такъ, если въ то время, какъ встрѣтятся съ тобой показанные случаи, ты будешь преимущественно упражняться въ терпѣніи, то о томъ и позаботься, чтобъ перетерпѣть ихъ охотно и съ радостію; если занятъ ты особенно преуспѣяніемъ въ смиреніи, то напрягись сознать, что ты достоинъ всякаго зла и заслуживаешь встрѣтившихся съ тобой непріятностей; если подвигъ твой обращенъ на стяжаніе добродѣтели послушанія, то понудь себя благопокорливо подклонить выю свою подъ державную руку Божію, и изъ благоугожденія Ему охотно подчиниться и разумнымъ и неразумнымъ, и бездушнымъ тварямъ Его, чрезъ которыя наводитъ Онъ на тебя такія тяготы и прискорбности; если ревнуешь о преуспѣяніи въ нищетѣ, то воздвигни въ себѣ довольство, радость и благодареніе, что лишенъ бываешь всякаго утѣшенія житейскаго и мірскаго; если трудишься надъ укорененіемъ и возвышеніемъ любви, то постарайся возбудить въ себѣ любительныя чувства и къ ближнему, такъ какъ онъ является въ сіе время посредникомъ добра, которое можешь ты извлечь изъ предлежащихъ случаевъ, и къ Богу, такъ какъ Онъ, какъ всегда, такъ и теперь есть первая любвеобильная причина, посылающая или попускающая такія прискорбности для твоего духовнаго преуспѣянія.

Изъ сказаннаго можешь уже и самъ уразумѣть, какъ можно обращать на упражненіе въ одной и тойже добродѣтели такіе случаи, которые не на короткое время поражаютъ, но тянутся долго, какъ напримѣръ болѣзнь и подобное что.

Глава сорокъ вторая.

Сколько времени надлежитъ упражняться въ каждой добродѣтели и какіе признаки преуспѣянія въ ней.

Времени, сколько нужно упражняться въ добродѣтели, чтобы установиться въ ней, опредѣлить нельзя умозрительно. Это пусть уже всякій самъ для себя полагаетъ, судя по своему состоянію, своимъ обстоятельствамъ и своимъ успѣхамъ въ духовной жизни, особенно же по разсужденію своего старца или духовнаго отца, руководящаго его. Впрочемъ, у кого ревность о преуспѣяніи жива и онъ не останавливается ни предъ какими трудностями и средствами, у того скоро обнаружится явно не малый успѣхъ.

Признакомъ же преуспѣянія служитъ то, если вступившій на путь добродѣтели ревностно течетъ по нему съ твердою рѣшимостію не сступать съ него, какъ бы трудно это ни было, и какихъ бы жертвъ ни требовало, несмотря ни на случающіяся по временамъ охлажденія и омраченія души, ни на оскудѣніе духовныхъ утѣшеній и благодатныхъ радованій, какое попущается по Божескому о насъ промышленію, на пользу намъ.

Вторымъ не менѣе вѣрнымъ признакомъ преуспѣянія служитъ степень силы брани, какую воздвигаетъ противъ добрыхъ рѣшеній и дѣлъ плоть. Чѣмъ болѣе слабѣетъ сія брань, тѣмъ болѣе преуспѣяніе въ доб-

родѣтели явно подвигается впередъ. Почему, когда не чувствуешь брани или нападковъ со стороны низшей чувственной части своей, особенно въ то время, когда имѣешь предъ глазами возбудительные къ тому случаи, то можешь вѣрить, что добродѣтель твоя довольную уже воспріяла силу. Но то, если ты началъ совершать дѣла свои на пути добродѣтели съ большею готовностію и радостію духовною, чѣмъ прежде, можешь почитать признакомъ преуспѣянія въ добродѣтели, даже еще болѣе вѣрнымъ, чѣмъ усмиреніе плоти.

И св. Исаакъ совѣтуетъ, опредѣливъ цѣль, къ которой должно направлять всѣ дѣла жизни своей, держать въ мысли знаки и примѣты, распросивъ о нихъ у опытныхъ, правымъ ли путемъ идешь, или уклонился отъ него и идешь какою-нибудь стезею внѣ настоящей дороги. Знаки же и примѣты полагаетъ онъ слѣдующіе: „если видишь, что умъ твой не терпитъ насилія, а свободно дѣйствуетъ и течетъ въ добрыхъ помыслахъ, то это знакъ, что ты простираешься въ предняя; равнымъ образомъ, когда во время стоянія на молитвѣ, умъ твой не паритъ туда и сюда, и внезапно стихъ пресѣкается на языкѣ твоемъ, и на душу твою налегаютъ оковы молчанія безъ участія твоего произволенія,— также когда примѣчаешь, что при каждомъ, возникающемъ въ душѣ твоей добромъ помыслѣ и припоминаніи, и при каждомъ духовномъ созерцаніи, очи твои наполняются слезами и слезы безъ принужденія текутъ по ланитамъ твоимъ, или когда иной разъ видишь, что мысль твоя, сама собой, безъ твоего содѣйствія, погружается въ глубь сердца твоего и пребываетъ въ этомъ состояніи какой-нибудь часъ, при чемъ миръ царствуетъ въ помыслахъ твоихъ,—все это суть признаки, что ты добрѣ преуспѣваешь на пути воспринятой тобою духовной жизни“ (Слово 44-е).

При всемъ томъ однакожъ не слѣдуетъ питать полную увѣренность, что мы совершенно установились въ искомой добродѣтели, или окончательно побѣдили какую-либо страсть, хотя бы иной разъ долгое время не чувствовали приражений и движений ея; потому что тутъ можетъ скрываться злая кознь человѣконенавистнаго діавола и лукавство живущаго въ насъ грѣха, по которымъ нерѣдко представляется намъ въ себѣ добромъ и по сокровенной гордости нашей признается таковымъ то, что поистинѣ есть совершенно противоположнаго свойства. И кромѣ того, если помыслимъ о совершенствѣ, къ какому призываетъ насъ Богъ, то, хотя бы мы уже довольное время шли путемъ добродѣтели, скорѣе подумаемъ, что едвали и начало достодолжной жизни положено нами, нежели что мы уже установились въ ней. Почему св. отцы называютъ несовершенною, не чуждою недостатковъ жизнь и самыхъ совершенныхъ людей. „И совершенныхъ несовершенно совершенство," говоритъ Лѣствичникъ. И Павелъ святый совершенство полагаетъ въ томъ, чтобы непрестанно тещи и тещи въ предняя, не озираясь вспять и не думая, что уже достигли искомаго; почему и самого себя называетъ несовершеннымъ и еще не достигшимъ того, къ чему стремится: *не зане уже достигохъ,* говоритъ онъ,—*или уже совершихся: гоню же аще и постигну. Братіе, азъ себе не у помышляю достигша: едино же, задняя убо забывая, въ предняя же простираяся, со усердіемъ гоню къ почести вышняго званія Божія о Христѣ Іисусѣ.* И желая показать, что въ этомъ одномъ и состоитъ наше совершенство, присовокупляетъ: *елицы убо совершенни, сіе да мудрствуемъ* (Фил. 3, 12—15),—какъ бы такъ: то и совершенство, чтобъ не думать, что мы достигли совершенства; то и есть быть въ состояніи добро-

дѣтельномъ, чтобъ не стоять, а все тещи непрестанно къ добродѣтели.

Ктому же въ глубинѣ нашего сердца пребываютъ иной разъ такія тонкія и такія скрытныя страстности, что мы совсѣмъ и не знаемъ, что это страсти. Какъ же можно намъ допускать такую въ себѣ дерзость, чтобъ думать, будто мы совсѣмъ уже очистились отъ страстей? И если острозоркія оныя и пророческія очи Давида не могли этого узрѣть въ себѣ, какъ мы можемъ присвоять себѣ такое узрѣніе? Почему, какъ онъ всегда молилъ Бога: *отъ тайныхъ моихъ очисти мя* (Пс. 18, 13); такъ тѣмъ паче мы имѣемъ нужду умолять Его объ очищеніи нашихъ тайныхъ страстностей. Ибо мы только дѣйствія и вѣтви страстей чувствуемъ, силъ же ихъ и корней познать не можемъ безъ просвѣщенія отъ Св. Духа. Отъ того только тогда сознаемъ мы въ себѣ страсти, когда онѣ дѣйствуютъ; какъ же скоро онѣ притихнутъ, намъ думается, что мы достигли уже безстрастія.

Чѣмъ удостовѣриться можемъ, что страсти только притихли въ сердцѣ нашемъ, а не умерщвлены? Тѣмъ, что когда случится намъ, успокоившимся на ихъ счетъ, встрѣтить предметы, коими питаются скрывшіяся въ насъ страсти, особенно когда это бываетъ внезапно; то онѣ тотчасъ оживаютъ и даютъ чувствительно о себѣ знать своими, иной разъ не легкими движеніями, такъ что бывая ими смущены, дивимся сами, гдѣ онѣ укрывались и какъ вдругъ выросли. Св. Исаакъ Сиріанинъ объясняетъ это слѣдующимъ прекраснымъ сравненіемъ: какъ во время зимы хотя исчезаютъ съ лица земли травы и цвѣты, но корни ихъ остаются цѣлыми, укрываясь во глубинѣ ся, и какъ только почуютъ весенній дождь и теплоту, тотчасъ снова произрастаютъ и покрываютъ собой лице земли, такъ

бываетъ и со страстями... И еще: какъ земля проклятая естественно произращаетъ тернія и волчцы, такъ и естество человѣческое, повредившееся чрезъ паденіе и теперь во грѣхахъ зачинающееся и раздражающееся, нѣкоторымъ образомъ естественно пораждаетъ страсти, отъ коихъ грѣхи, и ему никогда нельзя довѣрять или на него положиться.

Итакъ ты, какъ новоначальный еще въ духовной брани, всеусердно упражняйся въ добродѣтели, какъ бы не положившій еще начала въ ней, помня притомъ, что лучше заботиться о томъ, чтобъ всегда простираться въ предняя въ добродѣтели, нежели о томъ, чтобъ высматривать и опредѣлять признаки совершенства въ ней.

Господь и Богъ нашъ, одинъ вѣдѣцъ сердецъ нашихъ, однихъ просвѣщаетъ и даетъ имъ видѣть свое преуспѣяніе въ добродѣтели, а другимъ не подаетъ такого просвѣщенія и вѣдѣнія. Ибо видитъ, что тогда какъ для тѣхъ это вѣдѣніе послужитъ къ смиренію, эти не удержатся отъ возгордѣнія,—и какъ Отецъ чадолюбивый, отъ этихъ послѣднихъ отстраняетъ опасность паденія въ особенно ненавистный Ему грѣхъ, а первымъ подаетъ поводъ къ усиленію особенно любезной Ему добродѣтели смиренія. Впрочемъ и тотъ, кому не дается познаніе своего преуспѣянія, если только не понерадитъ и не перестанетъ упражняться въ добродѣтели, въ свое время можетъ узнать объ этомъ, когда Богу угодно будетъ это открыть ему для его блага.

Глава сорокъ третья.

О томъ, что не слѣдуетъ слишкомъ сильно желать освобожденія отъ претерпѣваемыхъ скорбей, предаваясь всецѣло въ волю Божію.

— —

Когда находишься въ какой скорби, переносимой тобою съ благодареніемъ, внимай добрѣ, да не прельститъ тебя врагъ, или твое самолюбіе, возжелать избавиться отъ нея. Ибо отъ этого потерпишь ты двѣ потери: первая та, что хотя, воспріявъ такое желаніе и согласившись на него, ты не потеряешь тотчасъ добродѣтели терпѣнія, однакожъ значительно поколеблешь ее, отъ чего она мало-по-малу ослабѣвая, по причинѣ неисполненія желанія избавиться отъ падлежащей скорби, ввергнетъ тебя наконецъ въ состояніе нетерпѣливости; вторая та, что терпѣніе твое съ сего момента начнетъ быть подневольное: Богъ же доброхотна дателя любитъ и награждаетъ. Слѣдовательно съ сего времени, хоть терпѣть все же будешь, ибо одно желаніе избавиться отъ скорби не избавляетъ отъ нея,—но терпѣніе твое будетъ безнаградное. Богъ воздастъ тебѣ за терпѣніе скорби до того часа, до котораго ты терпѣлъ благодушно, не ища избавленія, со времени же воспріятія такого желанія Богъ уже ничего не воздастъ тебѣ за твое неохотное терпѣніе. Напротивъ если ты, отражая и подавляя находящее желаніе избавленія отъ скорби, всецѣло будешь предавать себя въ благую волю Божію, изъявляя готовность охотно потерпѣть и стократно большія скорби, чѣмъ настоящая, если угодно будетъ Господу наслать на тебя ихъ, то, хотя бы страданіе твое настоящее про-

должалось часъ какой, и даже менѣе того, Богъ приметъ его за самое долгое, и съ этимъ соразмѣритъ воздаяніе тебѣ.

Подобно сему и во всѣхъ другихъ случаяхъ не давай воли своимъ желаніямъ, а держи ихъ въ своей власти, направляя всѣ исключительно къ одной главной цѣли,—стоянію въ волѣ Божіей и шествованію по волѣ Божіей. Ибо тогда и желанія твои всѣ будутъ правы и благочестны, и ты при всякой непріятной случайности будешь пребывать въ покоѣ, упокоиваясь въ волѣ Божіей. Искренно вѣруя, что съ тобой ничто не можетъ случиться помимо воли Божіей, и ничего не желая кромѣ пребыванія въ дѣятельномъ исполненіи воли Божіей, ты, какъ само-собой очевидно, всегда будешь имѣть только то, чего желаешь, что бы когда ни случилось съ тобою.

Подъ тѣмъ, однакожъ, что я сказалъ,—что съ тобой ничего не случится, на что нѣтъ воли Божіей, не разумѣются твои собственные грѣхи и грѣхи другихъ людей, такъ какъ Богъ не желаетъ грѣховъ, а разумѣются скорби и нужды, Богомъ посылаемыя во вразумленіе и наученіе насъ, или въ наказаніе за грѣхи наши. Они благотворны для насъ и праведно именуются спасительнымъ крестомъ, который Онъ нерѣдко возлагаетъ на самыхъ близкихъ любимцевъ Своихъ и угодниковъ, и несеніе котораго во всѣхъ наипаче благоугодно Ему.

И то, что я сказалъ: не желай избавиться отъ скорбей, разумѣй, какъ должно, въ смыслѣ покорности волѣ Божіей. Мы не можемъ не желать быть свободными отъ скорбей; потому что въ наше естество Самъ Богъ вложилъ желаніе благобытія, почему благоволилъ и въ молитву, Имъ Самимъ начертанную для насъ, включить: *не введи насъ во искушеніе,* которую мы и повторяемъ каждодневно по нѣскольку разъ. Если те-

перь послѣ такой молитвы, слышимой конечно Богомъ, Онъ посылаетъ намъ скорбь, то явно, что на это особая воля Его, которой мы, какъ твари Его, сознающія свой долгъ во всемъ Ему покорствовать, и должны благодушно покориться, перенося посланное, какъ такое, что необходимо для спасенія именно моего и твоего. Да и самую молитву: *не введи насъ во искушеніе*, твори приразумѣвая: *не якоже азъ хощу, но якоже Ты*, подражая Господу Спасителю, т.-е. твори не потому, чтобы имѣлъ отвращеніе отъ искушеній и ни подъ какимъ видомъ не желалъ ихъ, но потому одному, что такъ молиться повелѣлъ Господь, содержа вмѣстѣ въ душѣ полную готовность благодушно принять все, что благоугодно будетъ Богу наслать на насъ, и не поблажая самолюбивому желанію непрерывнаго благобытія, которому невозможно быть на землѣ, такъ какъ оно есть удѣлъ будущей вѣчной жизни.

Глава сорокъ четвертая.

Предостереженіе отъ злыхъ совѣтовъ діавола въ добромъ.

Когда лукавый діаволъ увидитъ, что мы право, съ живымъ усердіемъ и въ добромъ порядкѣ, шествуемъ путемъ добродѣтелей, отъ которыхъ не успѣваетъ отвлечь насъ на свою сторону явными на зло прельщеніями; тогда преобразуется въ ангела свѣтла, и то мнимо благими помыслами, то изреченіями Божественнаго Писанія, то примѣрами Святыхъ возбуждаетъ неблаговременно и не по силамъ принимать непомѣрные подвиги къ духовному совершенству, чтобъ, когда мечтаемъ стоять на верху его, низринуть насъ въ бездну паденія. Такъ иного научаетъ онъ жестоко изнурять

тѣло свое постомъ, бичеваніемъ, спаніемъ на голой землѣ и другими подобными озлобленіями плоти для того, чтобы онъ или впалъ въ гордыню, возмечтавъ, что великія совершаетъ дѣла, или заболѣлъ отъ крайняго изнуренія и сдѣлался неспособнымъ и малыя исполнять дѣла благочестія, или утомившись подъ тяжестью подвиговъ, сталъ равнодушенъ ко всѣмъ духовнымъ дѣланіямъ и даже къ самому спасенію, и такимъ образомъ мало-по-малу охладѣвши къ добру, съ сильнѣйшимъ прежняго вожделѣніемъ набросился на плотскія сласти и мірскія утѣхи.

И сколько уже отъ этой козни вражеской погибло душъ, которыя поддавшись рвенію неразумной ревности и въ своихъ самоумерщвленіяхъ преступая за мѣру собственныхъ своихъ силъ, пропали въ своихъ измышленіяхъ подвижническихъ и сдѣлались посмѣшищемъ злыхъ демоновъ! Чего конечно не случилось бы съ ними, еслибъ они держались добраго разсужденія и совѣта и не забывали, что эти самоумертвительные подвиги, хотя похвальны и плодотворны тамъ, гдѣ имѣется для нихъ достаточная сила тѣлесная и смиреніе душевное, всегда однакожъ должны быть управляемы благоразуміемъ и употребляемы лишь какъ средство къ духовному преуспѣянію, а не возводимы въ достоинство цѣлей, и то умаляемы, то увеличиваемы, то измѣняемы, то совсѣмъ прекращаемы на время.

Тѣ, которые не могутъ такъ строго къ себѣ жить и такіе поднимать труды, какъ Святые, могутъ инымъ образомъ подражать жизни ихъ, именно: возбужденіемъ и водруженіемъ въ сердцѣ добрыхъ расположеній, навыкновеніемъ теплымъ молитвамъ, неуступчивымъ препобѣжденіемъ страстныхъ помысловъ и пожеланій и храненіемъ чистоты сердечной, любовію къ молчанію и уединенію, смиреніемъ и кротостію предъ всѣми,

дѣланіемъ добра тѣмъ, отъ коихъ пришлось потерпѣть что-нибудь, блюденіемъ себя отъ всего недобраго, хотя бы оно было незначительно. Такія добротности сердечныя болѣе благоугодны Богу, чѣмъ непомѣрные подвиги умерщвленія плоти, когда они не требуются нравственнымъ нашимъ состояніемъ.

Потомъ совѣтую тебѣ въ подъятіи такихъ тѣлесныхъ подвиговъ, когда въ нихъ належитъ нужда, дѣйствовать разсудительно. Не берись за высокія мѣры, а начинай съ низкихъ; ибо лучше понемногу восходить вверхъ, нежели взявшись вдругъ за высокое, быть потомъ въ необходимости спускаться внизъ, къ стыду своему. Но совѣтую тебѣ также избѣгать и другой крайности, въ которую впадаютъ иной разъ и такіе мужи, которые почитаются духовными. Они, будучи управляемы самоугодіемъ и саможалѣніемъ, слишкомъ большую обнаруживаютъ заботу о сохраненіи тѣлеснаго здоровья, и такими усердными о немъ бываютъ попечителями, что при встрѣчѣ самаго малаго труда и лишенія дрожатъ, боясь потерять здоровье; и ни о чемъ они столько не думаютъ, ни о чемъ съ такимъ удовольствіемъ не говорятъ, какъ о сохраненіи своей жизни. Между тѣмъ, однакожъ, изобрѣтая себѣ деликатныя яства, болѣе удовлетворяющія сластолюбивый вкусъ ихъ, чѣмъ здоровыя, они разслабляютъ и нерѣдко разстроиваютъ свое здоровье, лишая себя того, что считаютъ для себя великимъ благомъ, неумѣньемъ принять къ достиженію его должныхъ средствъ.

Хотя они къ такому образу дѣйствованія выставляютъ побужденіемъ желаніе наилучше работать Господу, въ самомъ же дѣлѣ это есть ничто иное, какъ покушеніе согласить двухъ непримиримыхъ враговъ,— духъ и плоть, не только безъ всякой пользы для нихъ обоихъ, но напротивъ съ явнымъ вредомъ какъ для

того, такъ и для другой: ибо этимъ у тѣла отнимается здоровье, а у духа спасительное настроеніе. Посему безопаснѣе и полезнѣе для тѣла и для души мѣрный образъ жизни, управляемый благоразуміемъ, при которомъ берутся во вниманіе и потребности душевныя и особое сложеніе тѣлесное съ состояніемъ здоровья: ибо не для всѣхъ одна мѣра въ семъ отношеніи, хотя для всѣхъ одинъ законъ—тѣло держать въ услуженіи духу. Припомни при этомъ и сказанное уже прежде, что въ стяжаніи не только добродѣтелей тѣлесныхъ, но и душевныхъ надлежитъ соблюдать постепенность, восходя въ нихъ мало-по-малу.

Глава сорокъ пятая.

Если судимъ строго ближнихъ, то это отъ высокаго о себѣ мнѣнія и отъ наущенія вражескаго. Какъ преодолѣть эту склонность.

Отъ самолюбія и самомнѣнія порождается въ насъ и другое нѣкое зло, тяжелый причиняющее намъ вредъ, именно строгій судъ и осужденіе ближняго, по которому мы потомъ ни во что ставимъ, презираемъ и унижаемъ его при случаѣ. Каковый злой навыкъ и порокъ, происходя отъ гордости, ею питается и возращается, и наоборотъ ее питаетъ и возращаетъ; ибо и гордыня наша послѣ всякаго дѣйствія осужденія подвигается впередъ, по причинѣ сопутствующаго сему дѣйствію самочувствія и самоуслажденія.

Давая себѣ высокую цѣну и высоко о себѣ думая, естественно свысока смотримъ мы на другихъ, осуждаемъ ихъ и презираемъ, такъ какъ намъ кажется, что мы далеки отъ тѣхъ недостатковъ, какихъ, какъ намъ думается, не чужды другіе. А тутъ еще и всезлобный

врагъ нашъ, видя въ насъ такое недоброе расположеніе, бодренно стоитъ близъ и, открывая очи наши, научаетъ зорко смотрѣть за тѣмъ, что дѣлаютъ и говорятъ другіе, дѣлать изъ сего заключенія, какія потому у нихъ мысли и чувства, и по этимъ предположеніямъ составлять о нихъ свое мнѣніе, чаще всего недоброе, съ возведеніемъ сей недоброты въ закоренѣлый нравъ. Не замѣчаютъ и не видятъ эти судьи, что самое начало осужденія—подозрѣніе худобы въ другихъ, печатлѣется въ мысли дѣйствіемъ врага, и имъ же оно потомъ раздувается въ увѣренность, что они и дѣйствительно таковы, хотя на дѣлѣ ничего такого нѣтъ.

По, брате мой, какъ врагъ бодренно слѣдитъ за тобою, высматривая, какъ бы посѣять въ тебѣ зло, смотри еще паче ты бодренно самъ надъ собою, чтобъ не попасть въ разставляемыя имъ тебѣ сѣти, и какъ только онъ представитъ тебѣ какой недостатокъ въ ближнемъ твоемъ, спѣши поскорѣе отклонить отъ себя помыслъ сей, не давая ему засѣсть въ тебѣ и разростись, и вытѣсни его изъ себя вонъ, чтобъ и слѣда его не оставалось, замѣнивъ его помышленіемъ о добрыхъ свойствахъ, какія знаешь въ ближнемъ семъ и какія вообще умѣстны въ людяхъ, прилагая къ сему, если еще чувствуешь позывъ произнесть осужденіе, ту истину, что тебѣ не дано на то власти, и что присвояя себѣ эту власть, ты самъ въ этотъ моментъ дѣлаешься достойнымъ суда и осужденія не предъ немощными людьми, но предъ всесильнымъ Судіею всѣхъ Богомъ.

Такой переворотъ помысла есть самое сильное средство не къ отгнанію только случайно находящихъ помысловъ осужденія, но и къ тому, чтобъ совсѣмъ отучить себя отъ сего порока. Второе же, то-же очень сильное къ тому средство, есть не выпускать изъ ума

памятованія о своей худости, своихъ нечистыхъ и злыхъ страстяхъ и дѣлахъ, и соотвѣтственно тому непрестанно держать чувство своего непотребства. Того и другаго, — страстей и дѣлъ страстныхъ, конечно, найдется въ тебѣ не мало. Если ты не бросилъ себя и не махнулъ рукой, говоря: будь что будетъ, то не можешь не заботиться объ уврачеваніи этихъ своихъ нравственныхъ немощей, губящихъ тебя. Но если ты дѣлаешь это искренно, то у тебя не должно доставать времени заниматься дѣлами другихъ и судебные составлять о нихъ приговоры; ибо тогда, если позволишь себѣ это, въ ушахъ твоихъ непрестанно будетъ звучать: *врачу, исцѣлися самъ; изми первѣе бревно изъ очесе твоего* (Матѳ. 7, 5).

Ктому-же, когда ты строго судишь о какомъ недобромъ поступкѣ ближняго, знай, что какой-нибудь корешокъ этой же самой недоброты есть и въ твоемъ сердцѣ, которое по своей страстности научаетъ тебя строить догадки о другихъ и осуждать ихъ. *Злый человѣкъ изъ злаго сокровища сердца своего износитъ злое* (Мѳ. 12, 35). Напротивъ око чистое и безстрастное безстрастно взираетъ и на дѣла другихъ, а не лукаво. *Чисто око еже не видѣти зла* (Аввак. 1, 13). Потому, когда придетъ тебѣ помыслъ осудить другаго за какую-либо погрѣшность, вознегодуй на самого себя, какъ на дѣлателя такихъ дѣлъ и въ томъ-же повиннаго; и скажи въ сердцѣ своемъ: „какъ я, окаянный, находясь въ томъ-же самомъ грѣхѣ и дѣлая еще болѣе тяжкія прегрѣшенія, дерзну поднять голову, чтобъ видѣть погрѣшности другихъ и осуждать ихъ?" Дѣйствуя такъ, ты будешь оружіе, которымъ злой помыслъ внушаетъ тебѣ поразить другаго, обращать на самого себя и вмѣсто уранeнія брата пластырь будешь налагать на раны собственныя.

И тогда, какъ грѣхъ брата будетъ не тайный, а явный, всѣмъ видный, ты старайся причину тому видѣть не въ томъ, что внушаетъ недобрая страсть осужденія, а въ томъ, на что можетъ указать братолюбное къ нему расположеніе, и скажи въ себѣ: такъ какъ братъ сей имѣетъ много сокровенныхъ добродѣтелей, то Богъ для сохраненія ихъ отъ поврежденія тщеславіемъ попустилъ ему впасть въ теперешній грѣхъ, или малое время побыть подъ этимъ невзрачнымъ покровомъ, чтобъ онъ и самому себѣ, предъ своими глазами, казался непотребнымъ, и будучи за то презираемъ другими, пожалъ плодъ смиренномудрія и еще болѣе благоугоднымъ сдѣлался Богу, такъ что въ настоящемъ случаѣ онъ получитъ больше пользы, чѣмъ сколько потерпѣлъ вреда. Пусть даже чей-нибудь грѣхъ будетъ не только явный, но и очень тяжкій и исходитъ изъ ожесточеннаго и нераскаяннаго сердца, ты и при этомъ не осуждай его, но возведи очи ума твоего къ непостижимымъ и дивнымъ судамъ Божіимъ, и увидишь, какъ многіе люди, бывшіе прежде пребеззаконными, потомъ каялись и достигали высокой степени святости, и какъ съ другой стороны, иные, стоявшіе на высокой степени совершенства, падали въ глубокую пропасть. Смотри, не подвергнуться бы и тебѣ такому бѣдствію за осужденіе.

Потому стой всегда со страхомъ и трепетомъ, боясь болѣе за себя самого, чѣмъ за другого кого. И будь увѣренъ, что всякое доброе слово о ближнемъ и радость о немъ суть въ тебѣ плодъ и дѣйствіе Святаго Духа, какъ напротивъ, всякое о немъ худое слово и презрительное его осужденіе происходятъ отъ твоего злонравія и діавольскаго тебѣ внушенія. Почему, когда соблазнишься какимъ-либо недобрымъ поступкомъ брата, не давай очамъ своимъ сна, пока не

изгонишь изъ сердца своего сего соблазна и совершенно не умиришься съ братомъ.

Глава сорокъ шестая.

О молитвѣ.

Хотя и на себя ненадѣяніе, и упованіе на Бога, и пребываніе въ подвигахъ крайне необходимы въ духовной нашей брани, какъ показано доселѣ; но необходимѣе всѣхъ ихъ молитва, сіе четвертое оружіе въ сей брани, какъ сказали мы въ началѣ (гл. 1—въ концѣ), потому что ею стяжеваются и полную силу воспріемлютъ и тѣ первыя три орудія, какъ и всякое другое благо. Молитва есть средство для привлеченія и длань для пріятія всѣхъ благодатей, столь обильно изливаемыхъ на насъ изъ неистощимаго источника безпредѣльной къ намъ любви и благости Божіей; въ брани же духовной ею ты влагаешь бранный мечъ свой въ десницу Божію, да побораетъ Онъ за тебя враговъ твоихъ и побѣждаетъ ихъ. Но чтобъ молитва въ дѣлѣ семъ проявляла въ тебѣ всю свою силу, надобно, чтобъ она оставалась въ тебѣ непрестанно, какъ естественное какое отправленіе твоего духа, и была ограждаема и воодушевляема слѣдующими расположеніями.

1) Надлежитъ тебѣ всегда имѣть живое стремленіе всякимъ дѣломъ служить единому Богу, и служить такъ, какъ сіе благоугодно Ему. Въ оживленіе же и поддержаніе такого стремленія убѣдись и неотступно держи въ мысли, что Господу и по предивнымъ Его свойствамъ—благости, величію, премудрости и другимъ безчисленнымъ и безмѣрнымъ совершенствамъ, должны быть всякою разумною тварію воздаваемы поклоненіе, честь и служеніе. Но когда приложишь къ

сему неотходное памятованіе, что Онъ Самъ неописанно благотворно послужилъ тебѣ воплощеннымъ Своимъ домостроительствомъ, искупилъ тебя и снялъ съ тебя великую клятву, уврачевалъ и исцѣлилъ язвы твои, ядомъ грѣха тебѣ причиненныя, не виномъ и елеемъ, и не пластырями какими, но безцѣнною кровію, истекшею изъ пресвятыхъ ребръ Его и пречистой плоти, истерзанныхъ бичами, терніемъ и гвоздьми, — то можешь ли удержаться, чтобъ каждое мгновеніе всеусердно не посвящать на служеніе Ему единому и словомъ, и дѣломъ, и мыслію? Ктому-же и того не долженъ ты забывать, сколь для насъ самихъ благотворно такое служеніе, такъ какъ оно дѣлаетъ насъ господами надъ самими собой, побѣдителями діавола и сынами Божіими.

2) Надлежитъ тебѣ имѣть живую и теплую вѣру, что Богъ по великой милости Своей и по множеству щедротъ Своихъ, Самъ желаетъ и готовъ подать тебѣ все, потребное для твоего Ему достодолжнаго служенія, и всякое благо потребное для тебя. Такая вѣра и такое упованіе будутъ въ тебѣ сосудомъ, который безпредѣльное милосердіе Божіе и наполнитъ сокровищами Своихъ благодатей. И чѣмъ обширнѣе и вмѣстительнѣе будетъ у тебя сосудъ сей, тѣмъ съ обильнѣйшими дарами будетъ всякій разъ возвращаться въ нѣдро твое молитва твоя. И какъ можно помыслить, чтобы Богъ, чуждый премѣненія Вседержитель, заповѣдавшій молиться Ему и обѣтовавшій подавать намъ просимыя блага, отказалъ содѣлать насъ причастниками ихъ, когда мы съ усердною и терпѣливою молитвою испрашиваемъ ихъ у Него, и не даровалъ намъ Духа Своего? Не Его ли слово есть: *кольми паче Отецъ, Иже съ небесе, дастъ Духа Святаго просящимъ у Него* (Лук. 11, 13)? И не Онъ ли обѣтовалъ: *и вся, елика*

аще воспросите въ молитвѣ, вѣрующе, пріимете (Мѳ. 21, 22)?

3) Надлежитъ тебѣ приступать къ молитвѣ съ такимъ настроеніемъ, чтобы тебѣ желалось одной божественной воли, а никакъ не своей собственной, какъ въ самомъ прошеніи, такъ и въ полученіи просимаго, именно,—чтобъ и движимъ былъ ты на молитву, потому что того хощетъ Богъ, и услышанъ быть желалъ, опять какъ Онъ того хощетъ. Однимъ словомъ, да будетъ у тебя въ умѣ и сердцѣ то, чтобъ всецѣло объединять свою волю съ волею Божіею, и ей во всемъ подчиняться и отнюдь не желать волю Божію преклонять на свою волю.

И это почему? Потому что воля твоя всегда срастворена съ самолюбіемъ, очень часто погрѣшаетъ и не знаетъ того, чего слѣдуетъ желать. Воля же Господня всегда блага, премудра, всеправедна, благотворна, и никогда погрѣшить не можетъ. Почему какъ она есть неотложный законъ для всего сущаго и бывающаго, такъ должна быть правиломъ для воли всѣхъ разумныхъ тварей и царицею желаній ихъ, которой онѣ должны покорно во всемъ послѣдовать.

Такимъ образомъ тебѣ надлежитъ всегда желать, просить и искать того одного, что благоугодно Богу. И если когда усомнишься, благоугодно ли Богу то или другое, ищи того и проси въ той мысли, что ты желаешь то сдѣлать или имѣть, если того желаетъ и Богъ. Того же, о чемъ навѣрно знаешь, что оно благоугодно Богу, какъ напримѣръ добродѣтели, ищи и проси для того, чтобъ наипаче благоугодить Богу и добрѣе послужить Ему единому, а не съ другою какою цѣлію, хотя бы и духовною.

4) Надлежитъ тебѣ приступать къ молитвѣ также украшеннымъ дѣлами, сообразными съ прошеніемъ

твоимъ, и послѣ молитвы трудиться наипаче надъ тѣмъ, чтобы сдѣлаться достойнымъ вмѣстилищемъ благодати и добродѣтели, тобою просимой. Трудъ молитвенный такимъ образомъ долженъ быть сопровождаемъ подвигомъ самопринужденія и напряженія себя на то, о чемъ просимъ, потому что здѣсь, въ порядкахъ духовной жизни, прошеніе и исканіе собственное слѣдуютъ одно за другимъ другъ-друго-пріимательно. Если же кто въ молитвѣ будетъ молиться Богу о какой либо добродѣтели, а самъ между тѣмъ предается нерадѣнію, никакихъ на стяжаніе сей добродѣтели опредѣленныхъ средствъ не пріемля, и никакихъ для того дѣлъ не дѣлая и подвиговъ не подъемля; то поистинѣ такой паче искушаетъ Бога, а не молится. Почему божественный Іаковъ и сказалъ, что *много можетъ молитва праведнаго споспѣшествуема* (Іак. 5, 16). Споспѣшествованіемъ здѣсь бываетъ и то, когда кто, прося праведнаго помолиться о чемъ для себя, и самъ о томъ молится, и то, когда кто молясь о чемъ Богу, и самъ всеусердно дѣлаетъ все, потребное для стяжанія просимаго, какъ разумѣетъ св. Максимъ.

5) Въ молитвѣ своей надлежитъ тебѣ совмѣщать тѣ четыре дѣйствія, о которыхъ пишетъ св. Василій Великій: сначала возславословь Бога, потомъ возблагодари Его за благодѣянія тебѣ явленныя, далѣе исповѣдуй Ему свои грѣхи и преступленія заповѣдей Его, и наконецъ испрашивай у Него потребнаго тебѣ, наипаче въ дѣлѣ спасенія твоего. Послѣдуя сему, можешь ты примѣрно такъ молиться:

„Господи, Боже мой! Хвалю и пѣснословлю неизреченную славу Твою и Твое безмѣрное величіе,—благодарю Тебя, что, по единой благости Твоей давъ мнѣ бытіе и сподобивъ меня быть причастникомъ спасительныхъ благъ воплощеннаго домостроительства Тво-

его, неоднократно избавлялъ Ты меня, невѣдомо даже для меня самого, отъ угрожавшихъ мнѣ бѣдъ и отъ руки невидимыхъ враговъ моихъ,—исповѣдуюсь Тебѣ, что неисчетное число разъ попиралъ я совѣсть свою и безстрашно нарушалъ святыя заповѣди Твои, являясь неблагодарнымъ къ столькимъ и толикимъ благодѣяніямъ Твоимъ. Но, Боже мой многомилостивый, да не побѣдитъ благости Твоей сія неблагодарность моя, презри грѣхи мои и непотребства, воззри же на слезы сокрушенія моего, и по множеству щедротъ Твоихъ помоги мнѣ и нынѣ, подай благопотребное для спасенія моего, и жизнь мою всю направи на благоугожденіе Тебѣ, да славится и мною недостойнымъ всесвятое имя Твое."

При семъ послѣднемъ словѣ можешь ты исчислять, поименно, всѣ настоящія твои потребности духовныя, душевныя и тѣлесныя, и если въ это время упражняешься въ какой особой добродѣтели, то помяни и ее и молись, да поможетъ тебѣ Богъ преуспѣть въ ней въ совершенствѣ: если бываешь возмущаемъ движеніями какой-либо страсти, молись о помощи не поддаться ей и прогнать ее; если же терпишь какую напраслину и обиду, или какой ни есть ущербъ и бѣду, не забывай благодарить за то Бога, потому что и это, бывая по волѣ Божіей, всегда благой, посѣщаетъ тебя во благо тебѣ.

6) Чтобъ молитва твоя возымѣла силу предъ Богомъ и привлекла къ тебѣ Его благоволеніе, окрыляй ее и благоукрашай несомнѣнною вѣрой не только въ безмѣрность Божіей щедродательности и въ непреложность обѣтованія Его услышивать насъ, взывающихъ къ Нему, еще прежде чѣмъ кончится молитва наша (Ис. 58, 9), но наипаче въ силу воплощеннаго о насъ домостроительства Господа нашего Іисуса Христа,

насъ ради подъявшаго крестную смерть, воскресшаго, вознесшагося на небеса и сѣдящаго одесную Отца, гдѣ выну и ходатайствуетъ о насъ; такъ какъ *аще Сына Своего Богъ не пощадѣ, но за насъ предалъ есть Его, како не и съ Нимъ вся намъ дарствуетъ* (Рим. 8, 32)?

Предлагай также во услышаніе тебя ходатайство Пресвятыя Богородицы и Приснодѣвы Маріи, день и ночь о насъ молящейся, и предстательство всѣхъ святыхъ,—архангеловъ и ангеловъ, апостоловъ и пророковъ, пастырей и учителей, мучениковъ и мученицъ, преподобныхъ отцевъ и матерей, и всякаго рода благоугожденіемъ благоугодившихъ Богу, ангела твоего хранителя и святаго, имя котораго ты носишь и которому посвящена церковь, въ коей ты крещенъ и всегда молишься. Предпосылая своей молитвѣ сіи ходатайства, ты смиреніе свое предпошлешь, котораго ничего нѣтъ благопріятнѣе Богу, ни на кого такъ милостиво не взирающему, какъ *на кроткаго и смиреннаго. Сердце сокрушенно и смиренно Богъ не уничижитъ.*

7) Надлежитъ тебѣ совершать свои молитвы всегда съ прилежаніемъ неутомимымъ, какъ заповѣдуетъ Апостолъ, говоря: *въ молитвѣ терпите, бодрствующе въ ней* (Кол. 4, 2). Ибо смиренное терпѣніе, неутомимость и неотступность въ моленіи побѣждаетъ непобѣдимаго Бога и на милость Его преклоняетъ. Если неотступность Евангельской вдовицы преклонила на свое прошеніе судію злаго и неправеднаго, по Евангельской притчѣ Господа, намѣренно съ тѣмъ изрекшаго ее, чтобъ научить насъ не скучать, но терпѣливо пребывать въ моленіи, какъ читаемъ въ Евангеліи: *глаголаше притчу..., како подобаетъ всегда молитися и не стужати си* (Лук. 18, 1),—если, говорю, судія неправедный склонился на прошеніе вдовицы, по при-

чинѣ неотступности ея, то какъ не склонится на моленія наши Богъ, Который есть сущая благость, если будемъ неотступно умолять Его? Почему, когда умоляешь о чемъ Бога и Онъ медлитъ услышать тебя, ты все продолжай молиться, держа въ сердцѣ твердое и живое упованіе на помощь Его. Ибо за Нимъ никогда не остается усердная молитва и на нее всегда готовы отъ Него излиться богатыя милости, превышающія самое чаяніе молящихся, если къ тому нѣтъ нравственныхъ препятствій съ ихъ стороны и если они не находятся въ такомъ состояніи, что для нихъ лучше, чтобъ неисполненнымъ осталось прошеніе ихъ,—въ каковомъ случаѣ Онъ, вмѣсто просимаго, посылаетъ иное какое благо, благопотребное для нихъ, вѣдомо ли для нихъ или невѣдомо. Въ семъ разумѣ справедливо имѣть убѣжденіе, что молитва никогда не бываетъ неуслышанною, а бываетъ только то, что посылаемое вслѣдствіе ея есть не то, о чемъ просятъ, не зная, что то неполезно для нихъ, и что оно невидимымъ оставляется потому, что увидѣть то не безвредно для получающихъ. Будь же всегда терпѣливъ къ молитвѣ, и увѣренъ будь, что молитва никогда не остается безплодною. Если не получаешь просимаго, вѣрь, что получаешь или получишь иное вмѣсто его благо; и если не видишь и не увидишь сего, не пытай, почему это, а лучше вмѣсто того обратись къ своему недостоинству и наполни душу твою помышленіями и чувствами смиренія. Если воспроизведешь и утвердишь въ себѣ такія чувства вслѣдствіе молитвы, то, пусть даже ты за нее совершенно ничего не получишь, не только видимо, но и невидимо, самыя сіи чувства пріими какъ плодъ молитвы, и для тебя спасительный и Богу благоугодный паче всего.

Слушай, что говоритъ св. Златоустъ: „Великое есть

благо молитва, если съ должнымъ благонастроеніемъ творится, и если мы научимъ себя, и когда получаемъ просимое и когда не получаемъ его, благодарить Бога. Ибо Онъ, и когда даетъ, и когда не даетъ, то и другое творитъ во благо намъ, такъ что и когда получишь просимое, ты очевидно получилъ его, и когда не получишь,—получилъ, потому что не получилъ навѣрно неполезнаго тебѣ, — не получить же неполезное есть сподобиться полезнаго. Итакъ получишь ли ты или не получишь просимаго, благодари Бога, вѣруя, что, еслибъ почасту не было для насъ благотворнѣе не получить того, чего просимъ, то Богъ всегда бы подавалъ намъ просимое“ (Сл. 1 εις τες Ανδριαν).

Итакъ всегда терпѣливо молись Богу и о всемъ благодари Его, вѣруя и исповѣдуя, что Онъ благъ къ тебѣ и благъ премудро, и есть твой любвеобильный Благодѣтель и въ даяніи и въ недаяніи по прошенію твоему, и по сей вѣрѣ непоколебимымъ пребывай въ смиренной покорности божественному Промышленію, радостно и благодарно встрѣчая все случающееся съ тобою, и пріятное и непріятное.

Глава сорокъ седьмая.

Что такое умная или внутренняя молитва и какихъ видовъ она бываетъ?

Умная или внутренняя молитва есть, когда молящійся, собравъ умъ внутрь сердца, оттуда не гласнымъ, но безмолвнымъ словомъ возсылаетъ къ Богу молитву свою, славословя Его и благодаря, сокрушенно исповѣдуя предъ Нимъ грѣхи свои и испрашивая у Него потребныхъ себѣ благъ духовныхъ и тѣлесныхъ. Не словомъ только надо молиться, но и умомъ,

и не умомъ только, но и сердцемъ, да ясно видитъ и понимаетъ умъ, что произносится словомъ, и сердце да чувствуетъ, что помышляетъ при семъ умъ. Все сіе въ совокупности и есть настоящая молитва, и если нѣтъ въ молитвѣ твоей чего-либо изъ сего, то она есть или несовершенная молитва; или совсѣмъ не молитва.

Ты вѣрно слыхалъ такія слова: словесная молитва, мысленная молитва, сердечная молитва; слышалъ притомъ, можетъ, и разсужденія о каждой изъ нихъ особо. Отъ чего происходитъ такое разложеніе молитвы на ея части? Отъ того, что по нашей оплошности бываетъ, что иной разъ языкъ произноситъ святыя слова молитвы, а умъ блуждаетъ не вѣсть гдѣ, или и умъ понимаетъ слова молитвы, а сердце не отзывается на нихъ чувствомъ. Въ первомъ случаѣ молитва бываетъ только словесная, и совсѣмъ не есть молитва, во второмъ—съ словесною соединяется и молитва мысленная, и это есть молитва несовершенная, неполная. Полная и настоящая молитва есть, когда съ словомъ молитвеннымъ и молитвенною мыслію сочетавается и молитвенное чувство.

Бываетъ, по благодати Божіей, и одна сердечная молитва, и это есть духовная молитва, Духомъ Святымъ въ сердцѣ движимая; молящійся сознаетъ ее, но не творитъ, а она сама въ немъ творится. Такая молитва есть достояніе совершенныхъ. Общедоступная же и отъ всѣхъ требуемая молитва есть, чтобъ съ словомъ молитвеннымъ всегда сочетаваемы были и мысль и чувство.

Бываетъ еще молитва, которую именуютъ предстояніемъ предъ Богомъ, когда молящійся, весь сосредоточившись внутрь сердца, мысленно созерцаетъ Бога присущимъ себѣ и въ себѣ съ соотвѣтственными тому

чувствами,—то страха Божія и благоговѣйнаго изумленія Его во всемъ величію, то вѣры и упованія, то любви и преданности въ волю Его, то сокрушенія и готовности на всякія жертвы. Такое состояніе приходитъ, когда углубится кто въ обычной молитвѣ словомъ, умомъ и сердцемъ. Кто долго и какъ должно молится, у того такія состоянія чаще и чаще будутъ повторяться, а наконецъ состояніе такое можетъ сдѣлаться постояннымъ, и тогда оно называется хожденіемъ предъ Богомъ и есть непрестанная молитва. Въ такомъ состояніи пребывалъ св. Давидъ, свидѣтельствующій о себѣ: *предзрѣхъ Господа предо мною выну, яко одесную мене есть, да не подвижуся* (Пс. 15, 8).

Итакъ, брате мой, желаешь ли, чтобъ молитва твоя была благоплодна—никогда не ограничивайся въ молитвѣ своей однимъ молитвословіемъ, но молись вмѣстѣ и умомъ и сердцемъ,—умомъ, разумѣя и сознавая все молитвословимое,—сердцемъ, все то чувствуя. Наипаче же молись сердцемъ. Молитва, изъ сердца исторгающаяся, какъ стрѣла молнійная, мгновенно проходитъ небеса и является предъ престоломъ всемилостиваго Бога. И Богъ ей наипаче внемлетъ и на нее преклоняется. Такою молитвою возмолился Моисей предъ Чермнымъ моремъ, и тотчасъ услышалъ гласъ Божій: *что вопіеши ко Мнѣ* (Исх. 14, 15)? и силу пріялъ отъ Бога избавить народъ свой отъ угрожавшей ему бѣды.

Глава сорокъ восьмая.

Какъ научиться молиться симъ образомъ?

Полагаю, что по прочтеніи сказаннаго у тебя родился вопросъ: какъ научиться такой молитвѣ? И вотъ

тебѣ отвѣтъ: учись такъ именно всегда молиться, т.-е. не словомъ только, но и умомъ, и сердцемъ,—и научишься. Какъ научился ты читать? Сталъ надъ симъ трудиться, и научился. Какъ научился писать? Сталъ писать, и научился. Такъ научишься и молиться, какъ показано, если станешь молиться именно такимъ образомъ.

Слова молитвенныя ты знаешь, конечно, — тебя съ мальства имъ учили. Они содержатся въ нашихъ молитвенникахъ и церковныхъ богослужебныхъ книгахъ. Они суть молитвенныя изліянія, изъ сердецъ святыхъ мужей и женъ исторгавшіяся, когда, Духомъ Божіимъ движимые, они изрекали предъ Богомъ желанія сердца своего. Въ нихъ заключенъ духъ молитвенный; симъ же духомъ преисполнишься и ты, если будешь прочитывать ихъ, какъ должно, какъ духъ какого-нибудь писателя сообщается тому, кто читаетъ его съ полнымъ вниманіемъ. Это всѣ испытываютъ; я думаю, и ты испытывалъ.

Словеса сіи молитвенныя собраны въ нашихъ молитвенникахъ; и не предстоитъ тебѣ трудиться надъ собираніемъ ихъ. Итакъ имѣй молитвенникъ и въ опредѣленныя времена для молитвы, обыкновенно утромъ и вечеромъ, читай положенныя тамъ молитвы, вникая въ каждое слово, помышляя такъ, какъ тамъ изображено, и тѣже въ сердцѣ воспроизвесть стараясь чувства, какія движутся въ читаемой молитвѣ. Вотъ и вся премудрость! Такъ обычно всѣ и дѣлаютъ.

Такъ обычно дѣлаютъ всѣ,—это правда, скажешь. Но отъ чего же не всѣ имѣютъ молитву достодолжную?—Отъ того, что дѣлать такъ дѣлаютъ, т.-е. берутъ молитвенникъ, становятся предъ иконами и читаютъ, но ума и сердца своего сюда не прилагаютъ: умъ бродитъ, не знать гдѣ, и сердце услаждается своимъ чѣмъ,

а не молитвеннымъ. А ты молясь и умъ свой заключай въ слова молитвы, и сердцемъ своимъ воспринимай изрекаемое ими,—и тотчасъ ощутишь плодъ отъ такого молитвословія.

Итакъ словеса молитвенныя имѣешь, что значитъ понимать ихъ и чувствовать, знаешь, и это въ твоей власти. Стало быть молитва и успѣхъ въ ней—въ твоихъ рукахъ. Трудись нелѣностно, и успѣешь. Предложу однакожъ нѣчто въ руководство къ удобнѣйшему успѣху.

1) Потрудись, не въ молитвенный часъ, а въ другое свободное время, обдумать и прочувствовать положенныя молитвы. Сдѣлавъ это, ты во время молитвословія не встрѣтишь никакого труда воспроизвесть въ себѣ все содержаніе читаемой молитвы; даже лишь только начнешь какую молитву, ея мысли и чувства предстанутъ сознанію твоему, и ты будешь произносить молитвенное слово, какъ-бы оно было твое собственное и исходило изъ твоего сердца, въ немъ пораждаясь, а не влагаемо будучи въ него.

2) Потрудись, обдумавъ и прочувствовавъ молитвы, заучить ихъ на память. Сдѣлавъ это, ты будешь молитвы носить въ себѣ. Пока онѣ въ молитвенникѣ, онѣ внѣ тебя; а когда заучишь ихъ, онѣ станутъ внутрь тебя; и ты, въ какихъ бы обстоятельствахъ ни находился, всегда будешь имѣть съ собой молитвенникъ свой. Ктому-же, заучивая молитвы, ты глубже напечатлѣешь въ себѣ мысли и чувства молитвенныя, нежели какъ просто только обсудивъ ихъ и обчувствовавъ. Отъ такого изученія въ тебѣ образуется молитвенный строй, если будешь не слова только заучивать, но и въ мысляхъ тѣхъ и чувствахъ быть, которыя содержатся въ молитвѣ. А это наилучшій путь къ успѣху въ навыкѣ достодолжной молитвы.

3) Когда настанетъ время для молитвословія, не вдругъ, какъ только оторвешься отъ обычныхъ дѣлъ, начинай молитвословить, а напередъ приготовься къ тому: „постой мало молча, дондеже утишатся чувства." какъ учитъ тебя молитвенникъ, и воспомяни, къ чему приступаешь, и что имѣешь совершить, кто ты, имѣющій молиться, и кто Тотъ, предъ Кѣмъ будешь изрекать молитвы твои, и что именно долженъ ты изречь и какъ. Такое приготовленіе дѣлаютъ необходимымъ— утромъ одебелѣніе души отъ погруженія въ сонъ, и нападеніе заботъ о предлежащихъ дѣлахъ дня, тотчасъ по пробужденіи, а вечеромъ—многообразныя впечатлѣнія дня и особенно случаи выдающіеся и поразительные, пріятные и непріятные. Постарайся все выпроводить изъ сознанія, чтобъ дѣло молитвы заняло потомъ все твое вниманіе и ей одной исключительно могъ ты посвятить предлежащее время. Случаи поразительные, если не успѣешь управиться съ ними, обращай въ предметъ молитвы или благодаренія, или испрашиванія помощи и избавленія, или преданія ихъ и себя и всего своего въ волю Божію.

4) Предъ самымъ началомъ молитвословія, поставь себя въ присутствіе Божіе до сознанія и чувства Его съ благоговѣйнымъ страхомъ, и возставь въ сердцѣ живую вѣру, что Богъ видитъ и слышитъ тебя, что Онъ не отвращается отъ молящихся, но благоволительно взираетъ на нихъ и на тебя въ часъ молитвы сей, и окрылись упованіемъ, что Онъ готовъ и исполнить, и дѣйствительно исполнитъ прошеніе твое, если оно душеполезно для тебя.

5) Настроясь такъ, изрекай молитвы свои, всеусильно углубляясь въ нихъ и всячески заботясь о томъ, чтобъ онѣ исходили изъ сердца, какъ твои собственныя, хотя онѣ заученныя. Не дозволяй вниманію сво-

ему отклоняться инуды, и мыслямъ твоимъ улетать на сторону. Какъ только сознаешь, что это случилось, возврати мысли свои впутрь и начинай опять молитвы съ того пункта, съ котораго вниманіе твое отклонилось на другое что. Замѣть, что вниманіе не разсѣявается, когда сердце бываетъ въ чувствахъ молитвенныхъ. О сихъ чувствахъ потому и пекись паче всего. Не дозволяй себѣ спѣшить въ молитвословіи, а все его благоговѣйно, какъ священное дѣло съ терпѣніемъ доводи до конца.

6) Если среди молитвословія въ такомъ настроеніи и порядкѣ, какой-нибудь предметъ молитвы особенно падетъ тебѣ на сердце, окуетъ твое вниманіе, какъ по обстоятельствамъ близкій къ тебѣ, и вызоветъ у тебя собственное молитвенное слово, не попускай сему случаю пройти мимолетно, но остановись на немъ и молись своимъ словомъ, пока удовлетворится породившееся молитвенное чувство или потреба.

7) Если потрудишься такъ совершить молитвословіе, то вынесешь изъ сего молитвенное настроеніе, которое позаботься сохранить сколько можно въ силѣ. Для сего не тотчасъ кидайся на обычныя дѣла и никогда не думай, что, совершивъ свое молитвенное правило, ты все кончилъ въ отношеніи къ Богу и что тебѣ можно теперь дать волю своимъ мыслямъ и чувствамъ. Нѣтъ; ты и во весь день долженъ стараться держать себя такъ, какъ былъ на молитвенномъ правилѣ. Чтобъ это поддержать, не забывай, что предъ Богомъ ходишь и Его десницей держимъ еси надъ бездной ничтожества, и содержа сіе въ мысли, всякое дѣло свое, и большое и малое, совершай, какъ Богъ того хощетъ, у Него испрашивая на то благословенія, и ко славѣ имени Его обращай все. Дѣйствуя такъ, ты до самаго вечерняго своего молитвословія дотянешь въ добромъ

молитвенномъ настроеніи. Совершивъ и вечернее правило такимъ же образомъ, ты ночь проспишь добрѣ. И вотъ у тебя сутки добраго молитвеннаго настроенія. Проводи такъ день за днемъ, и въ нѣсколько мѣсяцевъ, а можетъ быть и недѣль сдѣлаешься сильнымъ молитвенникомъ, и молитва, какъ неугасимая лампада, начнетъ непрестанно теплиться въ сердцѣ твоемъ.

8) Приложу и еще одно правильце — именно, непрерывность такого дѣланія молитвеннаго, отъ начатія его до преуспѣянія въ немъ... Если же нынѣ ты хорошо помолишься и подержишь себя въ молитвенномъ настроеніи, а завтра дашь себѣ волю и проведешь день распущенно, то, такъ дѣйствуя, никогда не успѣешь въ молитвѣ. Это будетъ тоже, что строить и разорять... И можно дойти до того, что молитва совсѣмъ заглохнетъ, и душа сдѣлается негожею для ней. Начавши, надо терпѣливо пребывать въ молитвѣ, не ослабѣвая и себѣ не поблажая льготами и вольностями.

Глава сорокъ девятая.

О молитвѣ своей, самимъ молящимся слагаемой.

Все, доселѣ говоренное, говорено о молитвѣ или молитвословіи молитвами готовыми, и хотя со вниманіемъ и чувствомъ творимыми, но все же чужими. Должно ли симъ ограничиться и навсегда? — На это отвѣтитъ сама молитва молящагося. Стань молиться, какъ слѣдуетъ, молитвами заученными, — молитва съ самаго начала начнетъ прививаться къ душѣ, и по мѣрѣ силы, съ какою привьется, станетъ позывать молящагося возносить и свою, отъ своего лица, по своимъ нуждамъ, слагающуюся въ сердцѣ молитву. И онъ при всякомъ молитвословіи будетъ возносить къ

Богу такія молитвы. Такимъ образомъ своя молитва въ трудѣ молитвенномъ имѣетъ неотказно принадлежащее ей мѣсто и часть.

Я уже поминалъ тебѣ въ предыдущей главѣ (п. 6), чтобы ты, когда во время молитвословія какія-либо слова изрекаемой молитвы падутъ на душу и займутъ ее, не оставлялъ сего безъ вниманія, но остановился на семъ и самъ отъ себя помолился о томъ, что заняло твою душу. И дѣлай такъ. Тоже самое бываетъ и при чтеніи слова Божія и отеческихъ душеполезныхъ книгъ, бываетъ и при размышленіи о божественныхъ вещахъ—о Божіемъ величіи и всесовершенствѣ, о дивныхъ дѣлахъ Божія творчества, вседержительства и промышленія, и о предивнѣйшемъ дѣлѣ воплощеннаго домостроительства во спасеніе наше,—бываетъ и при особенно впечатлительныхъ и поразительныхъ случаяхъ текущей жизни,—бываетъ, т.-е, что какой-нибудь предметъ особенно поражаетъ душу, оковываетъ ея вниманіе и позываетъ вознестись молитвенно къ Богу всевышнему. И въ этихъ всѣхъ случаяхъ не оставляй безъ вниманія зародившагося позыва, но исполни его требованіе, пресѣкши на время занятіе, при которомъ это случилось.

Эти внезапные порывы значатъ, что молитва начала водворяться въ сердцѣ и наполнять его. Ибо не съ первыхъ поръ, какъ посвятишь себя труду навыкновенія молитвѣ, появляется сіе, а спустя болѣе или менѣе продолжительное время. Въ этомъ—свидѣтельство успѣха въ молитвенномъ трудѣ; и чѣмъ чаще появляются такіе внутри позывы, тѣмъ полнѣе молитвеннымъ исполняется духомъ то сердце, въ которомъ они возникаютъ. Кончиться сіе должно бы тѣмъ, чтобъ всегда молиться только своею молитвой. Но этого не бываетъ, а всегда своя молитва привходитъ въ молитво-

словіе готовое. Ибо онѣ однородны и одной суть степени достоинства, и если замѣняются, то молитвою предстоянія Богу созерцательнаго безъ словъ.

Замѣть, что иногда въ такихъ случаяхъ пораждается только позывъ къ опредѣленной молитвѣ, а иногда съ позывомъ и сама молитва безъ труда со стороны молящагося слагается въ сердцѣ. Въ первомъ случаѣ тебѣ предлежитъ самому слагать подобающую молитву, а во второмъ—только внимать и не мѣшать исходящей изъ сердца молитвѣ. При семъ напомню тебѣ: да не соблазнитъ тебя желаніе безъ сказаннаго внутренняго позыва и нужденія слагать самому свои молитвы. Ты можешь очень умную сложить рѣчь къ Богу, но это не будетъ молитва, а сочетаніе словъ и мыслей безъ духа молитвеннаго. Не дѣлай такъ. Безъ тщеславія и самомнѣнія не обойдешься, а эти порожденія заглушаютъ молитву настоящую и подавляютъ ее.

Что касается до молитвы, которая сама собою слагается въ сердцѣ вмѣстѣ съ породившимся въ немъ нужденіемъ помолиться самому о предметѣ, тебя лично касающемся и для тебя именно благопотребномъ, то она иной разъ бываетъ собственно твоимъ порожденіемъ изъ тѣхъ молитвенныхъ элементовъ, которые собираются въ сердцѣ отъ усвоенія и заученія готовыхъ молитвъ, а иной разъ дѣйствіемъ благодати Божіей производится. Въ такихъ случаяхъ она бываетъ зачаткомъ или зародышемъ молитвы духовной, о коей поминалъ я тебѣ въ гл. 47. Когда станешь сподобляться сего, это будетъ значить, что ты подходишь къ предѣламъ доступнаго тебѣ совершенства. Возблагодари тогда Бога, путемъ же жизни начинай тещи еще съ большимъ страхомъ и трепетомъ. Чѣмъ дороже чье сокровище, тѣмъ сильнѣе разгораются завистливыя очи враговъ.

Глава пятьдесятая.

О краткихъ молитовкахъ, или краткихъ молитвенныхъ къ Богу воздыханіяхъ.

Не разъ уже говорилось, что настоящая молитва есть молитва внутренняя, не словомъ только, но и умомъ и сердцемъ совершаемая. Такая молитва овладѣваетъ всѣмъ вниманіемъ и держитъ его внутри у сердца; почему внутрь пребываніе есть неотъемлемая черта настоящей молитвы и главное ея условіе. Съ внутрь пребываніемъ въ дѣлѣ молитвы неотлучна мысль о Богѣ присущемъ, видящемъ и внемлющемъ молитвѣ, съ отраженіемъ всякаго другаго помышленія, что именуется трезвеніемъ или храненіемъ сердца. Вся потому забота трудящагося надъ преспѣяніемъ въ молитвѣ сюда должна быть преимущественно обращаема, и дѣйствительно обращается, т.-е. чтобъ всегда неотходно быть у сердца, трезвенно охраняя его отъ всякаго помышленія, кромѣ единаго Бога, и что бы ни предлежало дѣлать, дѣлать то, не отклоняясь вниманіемъ отъ Бога, съ сознаніемъ Его присутствія, какъ-бы предъ лицемъ Его. Это есть высшее дѣланіе въ молитвенномъ трудѣ. Путь къ нему и даже къ сознанію нужды и потребности его пролагаетъ молитвословіе, показаннымъ образомъ совершаемое. Оно первое научаетъ умъ сосредоточиваться у сердца и внимать исключительно Богу. Познавъ, сколь сіе сосредоточеніе благотворно, молитвенному труженику естественно желать, чтобы оно было неизмѣннымъ состояніемъ его духа: ибо тогда была бы въ немъ непрестанная молитва; возжелавшему же естественно взыскать удовлетво-

ренія сего желанія. И всѣ восчувствовавшіе такую потребность взыскивали и взыскиваютъ сего. Всѣ наставленія св. отцевъ о трезвеніи и храненіи сердца на это направлены, и порождены не инымъ чѣмъ, какъ успѣхами въ семъ трудѣ.

Если и ты чувствуешь такую потребность, то тебѣ присущъ вопросъ: какъ бы успѣть въ этомъ неисходномъ внутрь-пребываніи предъ лицемъ Бога, съ трезвеннымъ храненіемъ сердца? Молитвословіе путь къ сему пролагаетъ и начатки сего производитъ; но дѣла самаго не даетъ, или не доводитъ до потребной силы и совершенства. Молитвословіе многосложно. Оно содержитъ и вниманію представляетъ много предметовъ, которые, хотя всѣ святы, могутъ однакожъ напомнить собой другіе предметы, житейскіе и общественные, а чрезъ нихъ и мірскіе, неподобные, по обычнымъ законамъ сочетанія мыслей и воображеній. Такъ это и бываетъ. И молитвословіе самое усердное не проходитъ безъ того, чтобъ мысль не отклонялась инуды и не блуждала. Такъ какъ молитва чрезъ это возмущается и дѣлается нечистою, то нѣтъ молитвенника, который бы не досадовалъ на это и не желалъ избавиться отъ такой немочи. Вниманіе на это обращено было съ первыхъ дней подвижничества. Что же послѣ молитвословія придумано къ уврачеванію ея? Придумано молиться коротенькими молитвами, которыя бы, держа мысль предъ лицемъ Бога, не давали ей повода уклоняться инуды и дѣлали ее неисходно внутрь пребывающею. О семъ св. Кассіанъ свидѣтельствуетъ, удостовѣряя, что въ его время такое дѣланіе было повсемѣстно, по Египту *). Изъ наставленій другихъ отцевъ видимъ, что оно было въ употребле-

*) Собесѣд. 10, гл. 10.

ніи и на Синаѣ, и въ Палестинѣ, и въ Сиріи, и во всѣхъ другихъ мѣстахъ, во всемъ христіанскомъ мірѣ. Воззваніе: Господи помилуй! и другія краткія молитовки, коими переполнены всѣ чины нашего богослуженія и нашихъ молитвословій, что другое значатъ, какъ не это? Такъ вотъ тебѣ мой совѣтъ: избери себѣ краткую молитовку, или нѣсколько такихъ молитовокъ, и частымъ ихъ повтореніемъ дойди до того, чтобъ онѣ сами собой повторялись у тебя на языкѣ, и мысль твою держали на одномъ,—на помышленіи о Богѣ.

Какія избрать молитовки, это можно оставить на свободу каждаго. Читай Псалтирь. Тамъ въ каждомъ псалмѣ можешь встрѣтить воодушевительныя воззванія къ Богу. Изъ нихъ и избери, которыя ближе подходятъ къ твоему состоянію и больше тебѣ по душѣ; заучи и повторяй то одно, то другое, то третье; ими перемеживай свое молитвословіе, и они пусть будутъ у тебя на языкѣ во все время и при всѣхъ дѣлахъ отъ молитвословія до молитвословія. Можешь и свои молитовки составлять, ближе выражая ими свою нужду;—по образцу тѣхъ св. Златоуста 24 молитовокъ, которыя имѣешь ты въ молитвенникѣ.

Не набирай однакожъ ихъ слишкомъ много, чтобъ не обременить ими памяти и не заставить вниманіе разбѣгаться по нимъ, что будетъ совсѣмъ противно цѣли, для которой онѣ назначаются—держать вниманіе собраннымъ. 24 молитовки св. Златоуста—мѣрная мѣра; и поменьше можно. Не одну, а нѣсколько ихъ имѣть хорошо для разнообразія и оживленія духовнаго вкуса; въ употребленіи ихъ однакожъ не слѣдуетъ скоро переходить отъ одной къ другой, а взявъ одну, которая ближе подходитъ къ твоей духовной потребѣ, взывай ею къ Богу, пока не притупится вкусъ къ ней. Можешь и все молитвословіе свое, или часть

его замѣнить сими молитовками, положивъ повторять ихъ по нѣскольку разъ,—по 10, по 50 и по 100 разъ, съ малыми поклонами. Но всегда имѣй одно въ виду,—держать вниманіе къ Богу неотходнымъ.

Такое дѣланіе назовемъ краткими молитвенными къ Богу воздыханіями, во всякій моментъ дня и ночи, въ которые не спишь.

Глава пятьдесятъ первая.

О молитвѣ Іисусовой.

Были и есть такіе молитвенники, которые излюбляли одну краткую молитовку, и ее непрестанно повторяли. Св. Кассіанъ говоритъ, что въ Египтѣ въ его время обычною всѣмъ коротенькою молитвой былъ 2 стихъ 69 псалма: *Боже, вз помощь мою вонми; Господи, помощи ми потщися.* О св. Іоанникіѣ пишется въ житіи, что онъ все повторялъ такую молитовку: *Упованіе мое Отецъ, прибѣжище мое Сынъ, покровъ мой Духъ Святый.* Ее же Онъ прилагалъ и къ каждому стиху 30 псалмовъ, имъ заученныхъ и составлявшихъ его молитвенное правило. Другой нѣкто постоянною своею молитвой имѣлъ такія слова: *Азъ яко человѣкъ согрѣшихъ, Ты же, яко Богъ щедръ, помилуй мя.* Иные конечно иныя излюбляли для себя молитовки. Съ самаго древняго времени очень многими избираема была молитовка: *Господи Іисусе Христе Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго.* Видимъ указаніе на нее у св. Ефрема, св. Златоуста, св. Исаака Сиріанина, св. Исихія, св. Варсануфія и Іоанна, и св. Лѣствичника. Потомъ она, все болѣе и болѣе обобщаясь, уста всѣхъ исполнять стала и вошла даже въ уставъ церковный, гдѣ предлагается взамѣнъ всѣхъ молитвословій дома-

шнихъ и всѣхъ службъ церковныхъ. У насъ потому она изъ краткихъ молитвъ преимущественно и находится въ употребленіи. Ей потрудись навыкнуть и ты.

Молитва сія названа Іисусовою потому, что обращается къ Господу Іисусу, и есть по составу своему словесная, какъ и всякая другая краткая молитовка. Умною же она бываетъ и называться должна, когда возносится не однимъ словомъ, но и умомъ и сердцемъ, съ сознаніемъ ея содержанія и чувствованіемъ, и особенно когда чрезъ долгое со вниманіемъ употребленіе такъ сливается съ движеніями духа, что они одни и присущими видятся внутри, а словъ какъ бы нѣтъ.—Всякая короткая молитовка можетъ взойти на эту степень. Іисусовой же молитвѣ принадлежитъ преимущество потому, что она съ Господомъ Іисусомъ сочетаваетъ душу, а Господь Іисусъ есть единственная дверь къ богообщенію, къ снисканію котораго и стремится молитва. Ибо Онъ Самъ сказалъ: *никтоже пріидетъ ко Отцу токмо Мною* (Іоан. 14, 6). Почему стяжавшій ее усвояетъ себѣ всю силу воплощеннаго домостроительства: въ чемъ и есть наше спасеніе. Слыша сіе, ты не удивишься, почему ревнители о спасеніи не жалѣли труда, стараясь навыкнуть сей молитвѣ и усвоить себѣ силу ея. Возьми съ нихъ примѣръ себѣ и ты.

Навыкновеніе молитвѣ Іисусовой внѣшно состоитъ въ достиженіи того, чтобъ она сама собой непрестанно вращалась на языкѣ, внутренно же — въ сосредоточеніи вниманія ума въ сердцѣ и непрестанномъ въ немъ предстояніи предъ Господомъ, съ сопровождающею сіе сердечною теплотой въ разныхъ степеняхъ, и отрѣваніемъ всякихъ другихъ помышленій, и наипаче съ сокрушеннымъ и смиреннымъ припаданіемъ къ Господу Спасителю. Начало сему навыку полагает-

ся частымъ сколько можно повтореніемъ сей молитвы со вниманіемъ въ сердцѣ. Частое повтореніе, установляясь, собираетъ умъ во едино въ предстояніи Господу. Установленію такого строя внутри сопутствуетъ согрѣяніе сердца и отгнаніе помысловъ даже простыхъ, а не только страстныхъ. Когда въ сердцѣ начнетъ непрестанно теплиться огнь прилѣпленія къ Господу, тогда вмѣстѣ съ симъ водворится внутри мирное устроеніе сердца съ сокрушеннымъ и смиреннымъ, мысленнымъ, припаданіемъ къ Господу. Доселѣ доходитъ собственный нашъ трудъ съ помощію благодати Божіей. Что еще, высшее сего, можетъ совершаться въ дѣлѣ молитвы, то будетъ даромъ единой благодати. У св. отцевъ поминается о семъ для того только, чтобы кто, достигши показаннаго предѣла, не подумалъ, что ему нечего уже больше желать, и не возмечталъ, что стоитъ на самомъ верху совершенства молитвеннаго, или духовнаго.

Итакъ первое тебѣ дѣло предлежитъ—частое, сколько можно частое, повтореніе молитвы Іисусовой, пока навыкнешь непрестанно ее повторять. Дѣлай сіе такъ:

1) Опредѣли, въ молитвенномъ твоемъ правилѣ, часть и молитвѣ Іисусовой. Твори нѣсколько разъ сію молитву въ началѣ своего молитвословія, и нѣсколько разъ послѣ него. Если есть усердіе, и послѣ каждой молитвы, входящей въ такое молитвословіе, дѣлай тоже, подражая св. Іоанникію великому, который послѣ каждаго стиха читаемыхъ имъ на правилѣ своемъ псалмовъ повторялъ свою краткую молитовку: упованіе мое Отецъ, прибѣжище мое Сынъ, покровъ мой Духъ Святый.

2) Число, сколько разъ повторять, въ какомъ случаѣ, сію молитву, самъ себѣ опредѣли, или съ совѣта духовнаго отца твоего. Только сначала много не

назначай, а потомъ, по мѣрѣ услажденія сею молитвой, прибавляй понемногу. Если когда придетъ желаніе повторить положенное число, не отказывай себѣ въ этомъ, не поставляя себѣ сіе въ постоянное правило, а только въ этомъ случаѣ. И сколько бы ни потребовало сердце такихъ повтореній, не отказывай.

3) Не спѣши гнать одну молитву за другою, а съ мѣрною длительностію произноси ихъ, какъ обыкновенно говорятъ предъ большимъ лицемъ, когда просятъ его о чемъ. Однакожъ не объ однихъ словахъ заботься, а паче о томъ, чтобы умъ былъ въ сердцѣ и предстоялъ Господу, яко присущему, съ полнымъ сознаніемъ Его величія и благодати и правды.

4) Если имѣешь свободу, то, во время между однимъ и другимъ молитвословіемъ, положи себѣ остановиться, какъ обычно становишься на молитву, и возносить къ Господу нѣсколько разъ молитву сію. А если нѣтъ такой свободы, то внутренно вставляй сію молитву всюду между дѣлами твоими и даже рѣчами.

5) Творя сію молитву на правилѣ, или кромѣ его становясь для нея въ молитвенное положеніе, при каждомъ разѣ ея произношенія дѣлай поклонъ,—десять разъ поясной, а потомъ земной,—такъ пока кончишь. Ты конечно слыхалъ, или читалъ, что св. отцы въ своихъ правилахъ о молитвѣ полагаютъ множество поклоновъ. Одинъ изъ нихъ сказалъ: недостаточна молитва, когда кто не преутрудитъ на ней тѣла своего поклонами. Если ты положишь, по силѣ своей, подражать сему, то скорѣе увидишь плодъ отъ труда своего надъ навыкновеніемъ молитвѣ Іисусовой.

6) О дальнѣйшихъ наставленіяхъ, указаніяхъ и предостереженіяхъ касательно молитвы Іисусовой, читай въ Добротолюбіи Симеона Новаго Богослова, Григорія Синаита, Никифора монаха, Игнатія и Каллиста;—и

всѣхъ другихъ отцевъ уроки о внутренней молитвѣ могутъ быть прилагаемы и къ молитвѣ Іисусовой. Замѣть: въ урокахъ сказанныхъ отцевъ ты найдешь указанія, какъ сидѣть, какъ держать голову и дѣйствовать дыханіемъ. Эти пріемы, какъ сказали Каллистъ и Игнатій, не существенно необходимы, а суть только внѣшнія приспособленія, не для всѣхъ пригодныя. Для тебя довольно быть вниманіемъ въ сердцѣ предъ лицемъ Господа и возносить къ Нему сію краткую молитовку благоговѣйно и смиренно, съ поклонами, когда стоишь на правилѣ, и съ однимъ мысленнымъ припаданіемъ, когда дѣлаешь это между дѣлами.

7) Замѣть еще: быть вниманіемъ надо въ сердцѣ, или внутри персей, какъ говорятъ иные отцы, именно — немного выше лѣваго сосца, — и тамъ повторять молитву Іисусову. Когда отъ напряженія сердце начнетъ щемить, тогда поступи, какъ совѣтуетъ монахъ Никифоръ, именно—подымись съ того мѣста и стань со вниманіемъ и молитвеннымъ словомъ тамъ, гдѣ мы обыкновенно ведемъ бесѣду съ самими собой, подъ кадыкомъ наверху груди. Послѣ опять сойдешь надъ лѣвый сосецъ.—Не побрезгуй симъ замѣчаніемъ, какъ оно ни покажется тебѣ слишкомъ простымъ и мало духовнымъ.

8) У св. отцевъ встрѣтишь много предостереженій. Ко всѣмъ имъ поводы даны опытами неправильнаго дѣйствованія. Чтобъ избѣжать сихъ неправильностей, имѣй совѣтника—отца духовнаго, или собесѣдника — брата единомысленнаго, и повѣряй имъ все случающееся при такомъ трудѣ твоемъ. Самъ же всегда дѣйствуй въ наибольшей простотѣ, въ великомъ смиреніи и неприсвоеніи себѣ успѣха. Вѣдай, что настоящій успѣхъ происходитъ внутри, незамѣтно, не выдаваясь, какъ совершается ростъ тѣла. Потому, когда возгласится у тебя внутри: а, вотъ оно!—знай, что это воз-

гласъ вражій, представляющій тебѣ нѣчто кажущееся вмѣсто дѣйствительнаго. Тутъ начало самопрельщенія. Заглушай сей гласъ сразу; иначе онъ какъ труба будетъ гудѣть у тебя, питая самомнѣніе.

9). Не опредѣляй времени, потребнаго для успѣха въ молитвѣ сей. Положи только трудиться и трудиться. Пройдутъ мѣсяцы и годы, пока покажутся слабые начатки успѣха. Одинъ изъ аѳонскихъ отцевъ говорилъ о себѣ, что прошло два года труда, пока согрѣлось сердце; у другаго нѣкоего это пришло чрезъ восемь мѣсяцевъ. У всякаго это происходитъ по мѣрѣ силъ его и усердія къ сему дѣлу.

Глава пятьдесятъ вторая.

Способствованіе къ успѣху въ навыкновеніи молитвѣ.

Желая и ища успѣха въ молитвенномъ трудѣ, все уже къ тому и приспособляй, чтобъ не разорять одною рукой того, что созидаетъ другая.

1) Тѣло свое держи строго и въ пищѣ, и во снѣ, и въ отдыхѣ; ничего не давай ему потому только, что оно того хочетъ, какъ заповѣдалъ Апостолъ, говоря: *плоти угодія не творите въ похоти* (Рим. 13, 14). Не давай покоя плоти.

2) Внѣшнія свои сношенія сократи до самыхъ неизбѣжныхъ. Это на время обученія себя молитвѣ. Послѣ молитва, дѣйствуя въ тебѣ, укажетъ, что безъ ущерба для нея можетъ быть прибавлено. Особенно блюди чувства и между ними паче—очи, слухъ; свяжи и языкъ. Безъ соблюденія сего и шагу не сдѣлаешь впередъ въ дѣлѣ молитвенномъ. Какъ свѣчѣ горѣть на вѣтрѣ и дождѣ нельзя, такъ нельзя затеплиться молитвѣ при приливѣ впечатлѣній со внѣ.

3) Все свободное время, послѣ молитвы, употребляй на чтеніе и размышленіе. Для чтенія избирай наибо-

лѣе такія книги, въ коихъ пишется о молитвѣ и вообще о внутренней духовной жизни. Размышляй исключительно о Богѣ и вещахъ божественныхъ и наипаче о воплощенномъ домостроительствѣ нашего спасенія, и въ немъ паче о страданіяхъ и смерти Господа Спасителя. Дѣлая такъ, будешь имѣть себя погруженнымъ въ море божественнаго свѣта. Присовокупляй къ сему хожденіе въ церковь, какъ только будешь имѣть возможность. Одно присутствіе въ храмѣ осѣнитъ тебя молитвеннымъ облакомъ. Что же получишь, если всю службу простоишь въ истинно молитвенномъ настроеніи?!

4) Вѣдай, что въ молитвѣ успѣть нельзя безъ успѣванія вообще въ христіанской жизни. Неизбѣжно необходимо, чтобъ на душѣ не лежало ни одного грѣха, неочищеннаго покаяніемъ; и если во время труда молитвеннаго сдѣлаешь что, смущающее совѣсть, спѣши очиститься покаяніемъ, чтобы могъ ты дерзновенно воззрѣвать къ Господу. И постоянно держи въ сердцѣ смиренное сокрушеніе. Затѣмъ не пропускай ни одного представляющагося случая къ сдѣланію какого-либо добра, или къ проявленію какого-либо добраго расположенія, наипаче смиренія, послушанія и отреченія отъ своей воли. Но уже само-собою разумѣется, что ревность о спасеніи должна горѣть неугасимо и исполняя всю душу, во всемъ отъ малаго до великаго должна быть главною движущею силой, со страхомъ Божіимъ и упованіемъ непоколебимымъ.

5) Такъ настроясь, утруждай себя въ молитвенномъ дѣланіи, молясь то готовыми молитвами, то своими, то краткими воззваніями къ Господу, то молитвой Іисусовою, но не упуская при этомъ ничего и изъ того, что можетъ способствовать въ семъ трудѣ. И получишь искомое. Напомню тебѣ, что говоритъ Макарій Египетскій: увидитъ Богъ молитвенный трудъ

твой, и что ты искренно желаешь успѣха въ молитвѣ, и дастъ тебѣ молитву. Ибо вѣдай, что хотя и своими усиліями творимая и достигаемая молитва есть молитва, Богу пріятная, но настоящая молитва та, которая вселяется въ сердцѣ и дѣлается неотходною, есть даръ Божій, дѣло Божіей благодати. Почему молясь о всемъ, не забывай молиться и о молитвѣ.

6) Сообщу тебѣ, что слышалъ отъ одного боголюбца. „Я жилъ, говорилъ онъ,—не совсѣмъ исправно; но Богъ смиловался надо мною и послалъ мнѣ духъ покаянія. Это было во время говѣнія. Я всячески напрягался, чтобъ положить въ себя твердую рѣшимость исправиться, особенно передъ исповѣдью долго молился предъ образомъ Божіей Матери, прося и Ее вымолить мнѣ такую рѣшимость. Приступивъ потомъ къ исповѣди, я все откровенно пересказалъ. Духовный отецъ ничего мнѣ не сказалъ; но когда произнесъ надъ главой моею разрѣшительную молитву, въ сердце мое канулъ сладкій огонекъ. Ощущеніе это похоже на то, какъ проглотишь какой лакомый кусокъ. Уканувшій огонекъ сей тамъ и остался въ сердцѣ, и мнѣ чувствовалось, будто меня кто держитъ за сердце. Съ сего времени я все молился, и вниманіе свое держалъ тамъ, гдѣ было такое чувство, объ одномъ старался, чтобы оно не отошло. И Богъ помогалъ мнѣ. О молитвѣ Іисусовой я не слыхалъ; и когда услышалъ, то увидѣлъ, что бывшее во мнѣ было именно то, что ищется сею молитвой.“—Я привожу тебѣ сказаніе сіе, чтобъ ты изъ сего уразумѣлъ, что ищется молитвеннымъ трудомъ, и по какому признаку можно узнать, что оно получено.

7) Присовокуплю къ сему и слѣдующія слова св. Григорія Синаита (Доброт. ч. I, стр. 112 и д.).

„Благодать есть въ насъ со времени св. крещенія; но, по нашему невниманію, осуеченію и неисправно-

сти въ жизни, она подавляется, или какъ мнасъ въ землю зарывается. Когда кто полагаетъ жить исправно, возревновавъ о спасеніи; то весь трудъ его вслѣдствіе того плодомъ имѣетъ возстановленіе въ силѣ сего благодатнаго дара. Совершается сіе двоякимъ способомъ: во первыхъ даръ сей открывается многотруднымъ исполненіемъ заповѣдей, и поколику кто преуспѣваетъ въ исполненіи заповѣдей, потолику даръ сей проявляетъ свою свѣтлость и свой блескъ; вовторыхъ, приходитъ онъ въ явленіе и раскрывается непрестаннымъ молитвеннымъ призываніемъ Господа Іисуса. И первое средство могущественное, но второе могущественнѣе, такъ что и первое чрезъ него получаетъ свою силу. Посему, если искренно хотимъ раскрыть сокрытое въ насъ сѣмя благодатное, то поспѣшимъ поскорѣе навыкнуть сему послѣднему сердечному упражненію, и имѣть въ сердцѣ это одно дѣло молитвы, безвидно, невоображенно, пока оно согрѣетъ сердце наше и распалитъ его до неизреченной любви къ Господу."—Тутъ совмѣщается все, о чемъ я напоминалъ тебѣ выше въ 4-мъ пунктѣ.

Глава пятьдесятъ третья.

Дѣло молитвы въ невидимой брани.

Говоря о молитвѣ, я вниманіе твое преимущественно обращалъ на то, какъ возвесть молитву до свойственной ей степени. Могло тебѣ показаться страннымъ, что когда рѣчь у насъ о невидимой брани, и тебѣ желательно знать, какое пособіе подаетъ въ сей брани молитва, ты слышишь лишь о томъ, какъ молитву сдѣлать настоящею молитвой. Не дивись сему; потому что тутъ только молитва и становится побѣдоноснымъ орудіемъ въ невидимой брани, какъ сдѣлается

настоящею, т.-е. внѣдрится въ сердце и станетъ непрестанно въ немъ дѣйствовать. Съ сего момента она дѣлается непроницаемою, неопреодолимою и непереходимою оградою души, недопускающею къ ней ни стрѣлъ вражескихъ, ни страстныхъ нападковъ плоти, ни обольщеній со стороны міра прелестнаго. Самымъ присутствіемъ своимъ въ сердцѣ она пресѣкаетъ брань невидимую. Почему и внушалось тебѣ: поспѣши привить къ сердцу дѣйство молитвы, и попекись о томъ, чтобъ она была тамъ въ непрестанномъ движеніи. Ибо это тоже, что сказать: сдѣлай такъ, и безъ борьбы будешь являться побѣдителемъ.

Это такъ дѣйствительно и бываетъ. Но пока-то дойдетъ твоя молитва до такой силы, враги не дадутъ тебѣ покоя, и тебѣ и минуты не обойтись безъ брани, или опасеній ея. Помощна ли тутъ молитва? Всеконечно; и болѣе, нежели всякое другое орудіе духовной брани. Она всегда привлекаетъ Божію помощь, и сила Божія отражаетъ враговъ; только будь она усердна и предана въ волю Божію. Мѣсто ея въ самомъ началѣ противоборства нападеніямъ вражескимъ. Вотъ какъ идетъ все дѣло. Когда вниманіе, какъ стражъ неусыпный, даетъ знать о подступахъ вражескихъ и стрѣлы ихъ восчувствуются, т.-е. или помыслъ страстный, или движеніе страсти появятся внутри,—ревнующій о спасеніи духъ, сознавъ въ этомъ злобное дѣло вражеское, своихъ силъ напряженіемъ нещадно отражаетъ то отъ сердца, не давая туда проникнуть, и въ тоже время, въ одномъ почти съ симъ актѣ внутреннемъ возносится молитвою къ Господу, призывая Его на помощь. Помощь приходитъ, враги разсѣваются и брань стихаетъ.

Св. Іоаннъ Коловъ приточно изображаетъ это такъ, говоря о себѣ: „Я подобенъ человѣку, который сидитъ

подъ большимъ деревомъ, и видитъ, что къ нему приближается множество звѣрей и змѣй. Такъ какъ онъ не можетъ стоять противъ нихъ, то поспѣшно взлѣзаетъ на дерево и спасается. Такъ и я: сижу въ своей келліи и вижу злые помыслы, возстающіе на меня; и какъ у меня недостаетъ силъ противъ нихъ, то прибѣгаю къ Богу посредствомъ молитвы, и спасаюсь отъ врага" (Достоп. сказ. п. 11).

Св. Исихій пишетъ о семъ въ своемъ словѣ о трезвеніи и молитвѣ: „Надлежитъ тебѣ острымъ и напряженнымъ взоромъ ума смотрѣть внутри, чтобы узнавать входящихъ; узнавъ же, тотчасъ противорѣчіемъ сокрушать главу змія, съ воздыханіемъ возопивъ въ тоже время ко Христу Господу. И получишь тогда опытъ невидимаго Божескаго заступленія" (п. 22).

Еще: „Итакъ всякій разъ какъ случится умножиться въ насъ лукавымъ помысламъ, ввергнемъ въ среду ихъ призываніе Господа нашего Іисуса Христа; и тотчасъ увидимъ, что они начнутъ разсѣиваться какъ дымъ въ воздухѣ,—какъ научилъ насъ опытъ" (п. 98).

И еще: „Мысленную брань будемъ вести въ такомъ порядкѣ: первое дѣло—вниманіе; потомъ, когда замѣтимъ, что подошелъ вражій помыслъ, бросимъ на него изъ сердца съ гнѣвомъ слова клятвы; третье затѣмъ дѣло—помолиться противъ него, обращая сердце къ призыванію Господа Іисуса Христа, да развѣется этотъ демонскій призракъ тотчасъ, чтобъ иначе умъ не пошелъ въ слѣдъ этого мечтанія, какъ дитя, прельщаемое какимъ-либо искуснымъ фокусникомъ" (п. 105).

И еще: „Прекословіе обыкновенно преграждаетъ дальнѣйшій ходъ помысламъ, а призываніе имени Іисусъ-Христова изгоняетъ ихъ изъ сердца. Какъ только вообразится въ душѣ прилогъ представленіемъ чувственнаго какого-либо предмета, какъ то—оскорбив-

шаго насъ человѣка или женской красоты, или сребра и злата, или когда все подобное бываетъ въ нашей мысли; тотчасъ обличается, что привели въ такое мечтаніе сердце наше духи—злопамятства, блуда, сребролюбія и другіе. Если умъ нашъ опытенъ, обученъ и навыкъ блюсти себя отъ приражѳній вражескихъ, и видѣть ясно, какъ днемъ, обольстительныя мечтанія и прелести лукавыхъ; то тотчасъ отпоромъ, прекословіемъ и молитвой Іисусъ-Христовою легко угашаетъ разженныя стрѣлы діавола, не позволяя страстному мечтанію увлекать въ слѣдъ себя и наши помыслы, и помысламъ симъ согласоваться съ призракомъ прилога, или дружелюбно бесѣдовать съ нимъ и вдаваться въ многомысліе, или сосложиться съ нимъ, — за чѣмъ съ нѣкоторою необходимостію слѣдуютъ худыя дѣла, какъ ночь за днемъ.“

И много подобныхъ мѣстъ найдешь ты у св. Исихія. У него встрѣтишь полное очертаніе и всей невидимой брани, и я совѣтовалъ бы тебѣ почаще перечитывать его о трезвеніи и молитвѣ слово.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Глава первая.

О ПРЕСВЯТОМЪ ТАИНСТВѢ ЕВХАРИСТІИ.

До сихъ поръ я предлагалъ тебѣ любезный читатель о четырехъ орудіяхъ, потребныхъ тебѣ къ одолѣнію враговъ въ невидимой брани, какъ-то о ненадѣяніи на себя, о надеждѣ непоколебимой на Бога, о противостояніи грѣху и борьбѣ съ нимъ, и о молитвѣ. Теперь я хочу указать тебѣ еще на иное нѣкое могущественное въ семъ дѣлѣ орудіе, именно на пресвятое таинство Евхаристіи. Таинство сіе, какъ между таинствами есть самое высшее, такъ и въ числѣ орудій духовныхъ есть самое сильное и врагопоразительное. Четыре орудія, о которыхъ мы говорили, получаютъ силу свою отъ благодатныхъ силъ и даровъ, стяжанныхъ намъ кровію Христовою; таинство же сіе и есть самая кровь Христова и самое тѣло Христово, съ присущіемъ Самого Христа-Бога. Тѣми четырьмя орудіями боремся съ врагами мы силою Христовою; въ семъ же Христосъ Господь поражаетъ враговъ нашихъ нами, или вмѣстѣ съ нами. Ибо кто вкушаетъ тѣло Христово и піетъ кровь Его, тотъ со Христомъ пребываетъ и Христосъ съ нимъ, какъ Онъ Самъ сказалъ: *ядый Мою плоть и піяй Мою кровь во*

Мнѣ пребываетъ и Азъ въ немъ (Іоан. 6, 56). Посему, когда одерживаемъ мы побѣду надъ врагами, то это кровь Христова побѣждаетъ ихъ, какъ написано въ Апокалипсисѣ: *и тіи побѣдиша его* (діавола-клеветника) *кровію Агнчею* (Ап. 12, 11).

Сіе святѣйшее таинство, сіе всепобѣдительное орудіе, паче же Христосъ, сущій въ семъ таинствѣ, можетъ быть дѣйственно пріемлемо двоякимъ образомъ: *во первыхъ*, таинственно, въ таинствѣ тѣла и крови Христовыхъ, съ достодолжнымъ приготовленіемъ, т.-е. сокрушеніемъ, исповѣдью, очищеніемъ чрезъ епитимію и потребнымъ пощеніемъ; *во вторыхъ*, духовно и мысленно въ умѣ и сердцѣ. *Первое* можетъ имѣть мѣсто столь часто, сколько это возможно, по обстоятельствамъ внѣшнимъ, внутреннему состоянію, и по усмотрѣнію духовнаго отца; а *второе*—каждое мгновеніе: такъ что тебѣ можно всегда имѣть въ рукахъ сіе всемощное оружіе и ограждаться имъ отъ враговъ непрестанно. Внемли же сему, и святыхъ Христовыхъ Таинъ причащайся сколько можно чаще, какъ только имѣешь разрѣшеніе отъ духовнаго отца своего; мысленно же и духовно вкушать Христа Господа ревнуй непрерывно: къ чему руководство предложено тебѣ мною въ предыдущихъ главахъ о молитвѣ.

Глава вторая.

Какъ надлежитъ принимать святое таинство евхаристіи, или принимать Христа Господа таинственно,— въ таинствахъ.

Для достиженія цѣли, съ которою приступаемъ къ сему божественному таинству надлежитъ намъ имѣть нѣкія особыя расположенія, совершать особыя нѣкія дѣла, и употреблять особыя нѣкія мѣры—прежде при-

чащенія, во время причащенія и послѣ причащенія. Прежде причащенія надлежитъ чрезъ таинство покаянія и исповѣди очистить себя отъ всякой скверны грѣховъ, какъ смертныхъ, такъ и не смертныхъ, и исполнить, что на исповѣди наложитъ духовный отецъ, соединяя съ симъ твердую рѣшимость отъ всего сердца, всею душею, всею силою и всѣмъ помышленіемъ служить единому Господу Іисусу Христу и дѣлать одно, Ему благоугодное. Такъ какъ Онъ въ семъ таинствѣ даетъ намъ Тѣло Свое и Свою Кровь, съ душею и Божествомъ и всею силою воплощеннаго домостроительства; то, помышляя о томъ, какъ ничтожно даемое нами Ему сравнительно съ тѣмъ, что Онъ намъ даетъ, положимъ въ сердцѣ по крайней мѣрѣ все для насъ возможное всеусердно дѣлать во славу Его, и еслибъ намъ пришлось овладѣть самымъ высшимъ даромъ, какой когда-либо приносили Ему земныя и небесныя разумныя твари, изъявимъ готовность принести то безъ размышленія Его Божескому Величію.

Возжелавъ принять сіе таинство, чтобъ силою его побѣдить и поразить враговъ своихъ и Господнихъ, съ вечера еще, или даже раньше того, начинай помышлять, какъ сильно Спаситель нашъ, Сынъ Божій и Богъ желаетъ, чтобы ты съ пріятіемъ сего таинства далъ Ему мѣсто въ сердцѣ своемъ, дабы, соединясь съ тобою, помочь тебѣ изгнать оттуда всѣ страсти твои и побѣдить всѣхъ враговъ твоихъ.

Сіе желаніе Господа нашего столь велико и пламенно, что сего никакой тварный умъ не можетъ вмѣстить въ совершенствѣ. Ты, впрочемъ, чтобъ хоть сколько-нибудь подойти къ сему, потрудись поглубже напечатлѣть въ умѣ своемъ слѣдующія два помышленія: *первое,* какъ неизреченно радостно всеблагому Богу пребывать въ пріискреннемъ общеніи съ нами,

какъ удостовѣряетъ Сама священная Премудрость, говоря: *радость Моя съ сынами человѣческими* (Прит. 8, 31); и *второе*, какъ сильно ненавидитъ Богъ грѣхъ, и потому, что онъ препятствуетъ соединенію Его съ нами, столь для Него желательному, и потому, что онъ прямо противоположенъ Божескимъ Его совершенствамъ. Будучи по естеству безпредѣльно благимъ и чистымъ свѣтомъ и неизреченною красотою, не можетъ Онъ не гнушаться безмѣрно грѣхомъ, который не что иное есть, какъ крайнее зло, мракъ, растлѣніе, мерзость и срамота въ душахъ нашихъ. И сіе Божіе нетерпѣніе грѣха столь велико, что съ самаго начала его всѣ промыслительныя о насъ Божескія дѣянія и установленія Ветхаго и Новаго Завѣта направляемы были къ истребленію его и изглажденію слѣдовъ его, особенно же предивное страданіе Спасителя нашего Іисуса Христа, Сына Божія и Бога. Нѣкоторые богословы и учители говорятъ даже (припомни сказаніе св. Діонисія Ареопагита о видѣніи Титу), что еслибъ потребовалось, то Господь Іисусъ готовъ бы былъ подъять тьмы другихъ смертей для уничтоженія силы грѣха. Такъ преслѣдуетъ его Божеское негодованіе.

Уразумѣвъ изъ такихъ помышленій и созерцаній, сколь великое имѣетъ Богъ желаніе внити въ сердце твое, чтобы въ конецъ побѣдить тамъ твоихъ враговъ, кои суть и Его враги, ты не можешь не ощущать въ себѣ живаго вожделѣнія пріять Его, да совершитъ Онъ въ тебѣ такое дѣйствіе и самымъ дѣломъ. Воодушевившись же такимъ образомъ полнымъ мужествомъ и воспріявъ дерзновеніе отъ вѣрнаго надѣянія, что въ тебя можетъ пріити небесный Архистратигъ твой Іисусъ, вызывай почасту на брань ту страсть, которая тебя безпокоитъ и которую желаешь пре-

одолѣть, и поражай ее ненавистью, презрѣніемъ и отвращеніемъ, возстановляя въ то же время въ себѣ молитвенное желаніе противоположной ей добродѣтели съ готовностію и на соотвѣтственныя тому дѣла, такія именно и такія.

Вотъ что слѣдуетъ дѣлать тебѣ вечеромъ предъ причащеніемъ.

Утромъ же, немного прежде св. причастія, пройди однимъ взоромъ ума всѣ увлеченія, неправости и прегрѣшенія, содѣянныя тобой со времени предшествовавшаго причащенія доселѣ, помянувъ при томъ, съ какимъ безстрашіемъ и ослѣпленіемъ все сіе дѣлалось, какъ-будто не было у тебя Бога, Судіи и Воздаятеля, видѣвшаго то, и, чтобъ избавить тебя отъ таковыхъ дѣлъ, подъявшаго страшныя страсти и поносную смерть на крестѣ, которыя ты попиралъ, когда, склонясь на грѣхъ, срамныя похотѣнія свои ставилъ выше воли Бога, Спасителя твоего. Стыдомъ да покроется лице души твоей при сознаніи такой неблагодарности и такого безстрашія. Однакожъ не попусти себя потоплену быть отъ смущенія при семъ и всякое нечаяніе далеко отжени отъ себя. Се долготерпѣливый Господь, преклонясь на милость раскаяніемъ твоимъ и изъявленною тобой готовностію служить отселѣ Ему единому, паки грядетъ къ тебѣ и въ тебя, чтобъ безмѣрною бездною благости Своей потопить и поглотить бездну неблагодарности твоей и твоего безстрашія и маловѣрія. Приступи же къ Нему съ смиреннымъ чувствомъ недостоинства, но и съ полнымъ благонадежіемъ, любовію и преданностію, уготовляя Ему въ сердцѣ своемъ просторную скинію, да вселится Онъ весь въ тебя. Какъ и какимъ образомъ? Изгнаніемъ изъ сердца всякаго помышленія о чемъ-либо тварномъ, а не только пристрастія и сочувствія къ тому, и заключеніемъ двери его, да не внидетъ въ него ничто и никто кромѣ Господа.

По причащеніи же св. Таинъ, войди тотчасъ въ сокровенности сердца своего и поклонившись тамъ Господу съ благоговѣйнымъ смиреніемъ, простри къ Нему мысленно такую бесѣду: „Ты видишь, всеблагій мой Господи, какъ легко впадаю я въ грѣхи на пагубу себѣ, и какую силу имѣетъ надо мной борющая меня страсть, и сколько самъ я безсиленъ освободиться отъ нея. Помоги мнѣ и усиль безсильныя усилія мои, или паче Самъ воспріими оружія мои и ими вмѣсто меня порази въ конецъ сего неистоваго врага моего."

Послѣ сего, наконецъ, обратясь къ небесному Отцу Господа нашего Іисуса Христа и нашему, вмѣстѣ съ Нимъ въ тайнахъ сихъ благоволеніемъ Своимъ въ тебя нисшедшаго, и къ Духу Святому, благодатію Своею тебя возбудившему и приготовившему къ принятію тѣла и крови Господнихъ и по принятіи ихъ теперь обильно тебя осѣняющему, поклонись Богу сему единому, въ Троицѣ Святой славимому и намъ благодѣющему, и воздавъ благоговѣйное Ему благодареніе за великую къ тебѣ милость, въ сей моментъ явленную, какъ даръ нѣкій, предложи непреклонное рѣшеніе, готовность и порывы къ борьбѣ съ своимъ грѣхомъ, въ чаяніи преодолѣть его силою единаго Бога Триѵпостаснаго. Ибо вѣдай, что если не будешь употреблять всѣхъ своихъ усилій къ преодолѣнію своей страсти, помощи отъ Бога не получишь, и если усиливаясь всеусердно, на одни свои силы надѣешься, успѣха никакого имѣть не будешь. Усиливаться усиливайся всеусердно, но успѣха ожидай отъ одной помощи Божіей. Придетъ несомнѣнно помощь, и сдѣлавъ твои безсильныя усилія всесильными, подастъ тебѣ удобную побѣду надъ тѣмъ, съ чѣмъ борешься.

Глава третья.

Какъ углубленіемъ въ таинство Евхаристіи возгрѣвать въ себѣ любовь къ Богу.

Чтобъ углубленіемъ въ небесное таинство тѣла и крови Христовыхъ возгрѣть въ себѣ большую любовь къ Богу, обратись помысломъ къ созерцанію любви, какую явилъ самому тебѣ Богъ въ семъ таинствѣ. Ибо сей великій Богъ и Вседержитель не удовольствовался тѣмъ, что создалъ тебя по образу и подобію Своему, ни тѣмъ, что когда ты согрѣшивъ и Его оскорбивъ, низпалъ изъ чина своего, послалъ Сына Своего Единороднаго, пожить тридцать и три лѣта на землѣ, чтобы взыскать тебя, и подъявъ страшныя страсти и мучительную смерть крестную, искупить и исхитить тебя изъ рукъ діавола, которому ты поработилъ себя грѣхомъ, и опять возставить тебя въ свой чинъ,—но кромѣ того, благоволилъ учреждену быть еще и таинству тѣла и крови въ пищу тебѣ для существеннѣйшаго срастворенія съ естествомъ твоимъ всей силы воплощеннаго домостроительства. Сіе-то послѣднее изъявленіе презѣльной къ тебѣ любви Божіей сдѣлай для себя предметомъ постояннаго созерцанія и углубленія, чтобъ узрѣвая всестороннюю полноту ея и преизобиліе, питать тѣмъ и паче воспламенять и свое къ Богу всецѣлое устремленіе и любовь.

1) Помысли о томъ, когда сталъ любить тебя Богъ, и увидишь, что сему нѣтъ начала. Ибо сколько Самъ Онъ вѣченъ по Божескому естеству Своему, столько же вѣчна и любовь Его къ тебѣ, по коей Онъ прежде всѣхъ вѣковъ положилъ въ совѣтѣ Своемъ даровать тебѣ Сына Своего дивнымъ нѣкіимъ и непостижимымъ

образомъ. Узрѣвъ же сіе, восторженною возрадуйся радостію духовною и воззови: „Итакъ еще въ оной безднѣ вѣчности мое ничтожество было попечительно зримо и любимо Богомъ безпредѣльнымъ; еще тогда промышлялъ Онъ о благѣ моемъ и по благоволенію неизглаголанной любви Своей положилъ даровать мнѣ въ пищу Сына Своего Единороднаго. Могу ли я послѣ сего позволить себѣ хоть одинъ моментъ не быть прилѣпленнымъ къ Нему всею мыслію моею, всѣмъ желаніемъ моимъ и всѣмъ сердцемъ моимъ?“

2) Помысли также, что всякія взаимныя люблenія тварей между собой, какъ бы онѣ велики ни были, имѣютъ свою мѣру и свой предѣлъ, за который и не могутъ простертись. Одна любовь Божія къ намъ не имѣетъ предѣла. Почему, когда потребовалось особымъ нѣкіимъ образомъ удовлетворить ее, Онъ предалъ на сіе Сына Своего, равнаго Ему по величію и безпредѣльности, яко сущаго единаго и тогоже съ Нимъ естества. Итакъ любовь Его толика, коликъ даръ, и обратно, толикъ даръ Его, колика любовь. И то, и другое столь велико, что большей мѣры великости не можетъ и вообразить никакой тварный умъ. Возмѣрь же ты за сію безмѣрную любовь по крайней мѣрѣ всевозможною для тебя мѣрою любви.

3) Помысли еще, что Богъ подвигся на возлюбленіе насъ не какою-либо необходимостію, но по единой Своей естественной благости, возлюбилъ, независимо ни отъ чего, Самъ отъ Себя, сколько безмѣрно, столь же и непостижимо.

4) Что съ нашей стороны не могло быть предпослано сему возлюбленію никакое достохвальное дѣло, достойное воздаянія, чтобъ безпредѣльный Богъ за то презѣльностію любви воздалъ нашей всесторонней бѣдности,—что Онъ возлюбилъ насъ потому, что такъ вос-

хотѣлъ, по единому благоволенію Своему, и не только возлюбилъ, но и даровалъ Себя намъ, недостойнѣйшимъ тварямъ Своимъ.

5) Что любовь сія, если воззришь на чистоту ея, не смѣшана, какъ большею частію тварная любовь, съ чаяніемъ какого-либо добра отъ насъ впереди. Ибо Богъ не имѣетъ нужды въ какомъ-либо добрѣ со стороны, яко Самъ въ Себѣ вседовольный и всеблаженный. Почему если благоволилъ излить на насъ неизреченную благость и любовь, то излилъ не ради блага Себѣ отъ насъ, а для блага собственно нашего.

Помышляя о всемъ семъ, можешь ли ты не взывать въ себѣ: „о, какъ дивно сіе! Всевышній Богъ приложилъ сердце Свое ко мнѣ, малѣйшему творенію Своему! Что же хощешь Ты отъ меня, Царю славы? Чего чаешь отъ меня, который не что иное есть, какъ пыль и прахъ? Вижу добрѣ, Боже мой, при свѣтѣ безмѣрной любви Твоей, что у Тебя одно при семъ желаніе, наиболѣе показывающее свѣтлость Твоей ко мнѣ любви, именно, что Ты благоволишь даяти мнѣ всего Себя въ пищу и питіе не для другаго чего, какъ для того, чтобъ преложить всего меня въ Себя, не потому чтобъ имѣлъ Ты нужду во мнѣ, но потому что я крайнюю имѣю нужду въ Тебѣ; ибо такимъ образомъ Ты бываешь живущимъ во мнѣ, а я въ Тебѣ; и чрезъ любительное единеніе сіе дѣлаюсь я какъ Самъ Ты,—и скажу такъ почеловѣчески: чрезъ соединеніе моего земнаго сердца съ Твоимъ сердцемъ небеснымъ содѣвается во мнѣ единое нѣкое божественное сердце.“

Отъ такихъ помышленій не можешь ты не преисполниться изумленія и радости, видя себя такъ высоко цѣнимымъ отъ Бога и такъ много Ему любезнымъ, и уразумѣвая, что Онъ безмѣрною любовію Своею къ тебѣ ничего другаго не ищетъ и не желаетъ отъ тебя,

какъ привлечь любовь твою къ Себѣ и тебя Собою облаженствовать, отторгши тебя отъ всякаго пристрастія къ тварямъ и къ самому себѣ, чтобъ ты такимъ образомъ возмогъ всего себя принести Ему, Богу твоему, какъ всесожженіе, и чтобъ отнынѣ во все послѣдующее время жизни твоей единая любовь къ Нему и усердное желаніе благоугождать Ему обладали и умомъ твоимъ, и твоею волею, и памятію, и всѣми чувствами твоими. Всякое благодѣяніе любви Божіей къ тебѣ можетъ отразиться такимъ воздѣйствіемъ на душу твою, наипаче же естественно сему быть при разумномъ воззрѣніи на многоблагодатное таинство божественной Евхаристіи, на которое взирая умомъ, отверзи и сердце свое къ нему, и излей слѣдующія благоговѣйныя молитвы и любительныя воздыханія:

„О, Брашно пренебесное! Когда же настанетъ для меня часъ пожрется Тебѣ всецѣло, не другимъ какимъ огнемъ, а огнемъ любви Твоей? Когда, о, несозданная Любовь, о Хлѣбе жизни! когда стану я жить Тобою единымъ, для Тебя единаго и въ Тебѣ единомъ? Когда, о, Жизнь моя, жизнь красная, жизнь сладостная и вѣчная, Манна небесная—когда, отвратившись отъ всякаго другаго брашна земнаго, стану я вожделѣвать Тебя единаго и питаться Тобою единымъ? Когда будетъ сіе, о, сладость моя всенасытительная, о, благо мое верховное! О, Господи мой, превожделѣнный и всеблагодатный! исторгни сіе бѣдное сердце мое изъ узъ всякаго пристрастія и всякой наклонности недоброй, укрась его святыми добродѣтелями Твоими и исполни такимъ благонастроеніемъ, чтобъ мнѣ со всею искренностію все дѣлать только для того одного, чтобъ благоугодить Тебѣ! Тогда достигну я наконецъ того, что отверзши Тебѣ сердце мое, уже не недостойное Тебя, призову Тебя и любовію понужду Тебя внити въ него;

Ты же, Господи мой, вошедши внутрь, станешь, не встрѣчая сопротивленія, совершать тамъ всѣ воздѣйствія, какія обычно совершаешь въ душахъ преданныхъ Тебѣ.“

Въ такихъ любительныхъ помышленіяхъ и чувствахъ можешь ты проводить вечеръ и утро, приготовляясь къ св. причастію. Потомъ, когда совсѣмъ приблизится священный часъ причастія, со смиреніемъ и сердечною теплотой поживѣе вообрази, кто Тотъ, Кого имѣешь ты пріять въ себя, и кто ты, имѣющій пріять Его.

Тотъ есть Сынъ Божій, въ непостижимое облеченный величіе, предъ Коимъ трепещутъ небеса и всѣ силы,—есть Святый святыхъ, свѣтлѣйшій солнца, недомыслимая чистота, въ сравненіи съ коей нечиста всякая чистота тварная, Который изъ любви къ тебѣ пріявъ зракъ раба, восхотѣлъ быть прозрѣннымъ, поруганнымъ и распятымъ злобою міра беззаконнаго, пребывая въ тоже время Богомъ, въ десницѣ Коего жизнь и смерть всего міра. Кто же ты? Ты— ничто, по своему растлѣнію, лукавству и злобѣ сдѣлавшійся ничтожнѣе ничего, хуже всякой ничтожнѣйшей и нечистѣйшей твари, посмѣшище преисподнихъ демоновъ, который вмѣсто воздаянія благодаренія щедрому Богу за столькія и толикія благодѣянія, увлекаясь своими фантазіями и похотями, презрѣлъ столь великаго Благодѣтеля своего и Владыку, и попралъ безцѣнную кровь Его, за тебя пролитую, а Онъ при всемъ томъ, по непрестающей и неизмѣнной любви Своей къ тебѣ, призываетъ тебя къ божественной трапезѣ Своей, иной же разъ и понуждаетъ приступить къ ней страшными угрозами, напоминая тебѣ ко всѣмъ изреченное слово Свое: *аще не снѣсте плоти Сына Человѣческаго, ни піете крови Его, живота не имате въ себѣ* (Іоан. 6, 53),— и какъ не затворяетъ предъ тобою двери милосердія

Своего, такъ не отвращаетъ отъ тебя лица Своего, хотя ты, по грѣхамъ своимъ, и прокаженъ, и разслабленъ, и слѣпъ, и бѣденъ, и порабощенъ всякимъ страстямъ и непотребностямъ.

Вотъ только чего требуетъ Онъ отъ тебя: 1) чтобъ ты возболѣлъ сердцемъ своимъ объ оскорбленіи Его; 2) чтобы ты паче всего ненавидѣлъ грѣхъ, — всякій, и большой, и малый; 3) чтобъ ты всецѣло всего себя предалъ Ему и со всѣмъ расположеніемъ и любовію сердечною одно имѣлъ попеченіе—всегда и во всемъ, во всякомъ дѣлѣ быть въ волѣ Его и въ полной покорности Ему единому; 4) чтобъ ты имѣлъ крѣпкую въ Него вѣру и твердо уповалъ, что Онъ помилуетъ тебя, очиститъ тебя отъ всѣхъ грѣховъ твоихъ и охранитъ отъ всѣхъ враговъ твоихъ, видимыхъ и невидимыхъ.

Подкрѣпившись такою неизреченною любовію къ тебѣ Божіею, приступи ко святому причастію со страхомъ святымъ и любительнымъ, говоря: „недостоинъ я, Господи мой, пріяти Тебя; ибо столько и столько разъ прогнѣвлялъ Тебя грѣхами моими, а не оплакалъ еще всѣхъ такихъ нечестивыхъ дѣлъ моихъ. Недостоинъ я, Господи мой, пріяти Тебя; ибо не очистилъ еще себя отъ расположеній и пристрастій къ тому, что не благоугодно Тебѣ. Недостоинъ я, Господи мой, пріяти Тебя, ибо не предался еще со всею искренностію въ любовь къ Тебѣ, въ волю Твою и въ покорность Тебѣ. О Боже мой, всесильный и безмѣрно благій! Самъ Ты, по всещедрому человѣколюбію Своему, удостой меня пріяти Тебя, съ вѣрою притекающаго къ Тебѣ.“

Послѣ же того, какъ сподобишься св. причастія, заключись въ сокровенностяхъ сердца своего, и забывъ все тварное, простри къ Богу такую или подобную сей, бесѣду: „Всевышній Царю неба и земли! Кто

внити Тебя сотворилъ въ недостойное сердце мое, когда я и окаяненъ, и бѣденъ, и слѣпъ, и нагъ? Никто конечно, какъ безмѣрная любовь Твоя ко мнѣ. О, любовь несозданная! О, любовь сладчайшая! Чего же хощешь Ты отъ меня, въ конецъ обнищавшаго? Ничего, какъ проразумѣваю и вижу, кромѣ любви моей къ Тебѣ; ничего кромѣ того, чтобъ на жертвенникѣ сердца моего не горѣлъ никакой другой огонь, кромѣ огня любви моей къ Тебѣ, который бы попалялъ всякую другую любовь и всякое другое желаніе, кромѣ желанія всего меня принести Тебѣ въ жертву всесожженія и въ воню благоуханія. Ничего другаго никогда не желалъ Ты и не искалъ отъ меня, и теперь не ищешь и не желаешь.—Вонми же, Господи, нынѣ и обѣтамъ сердца моего! Со сочетаваю съ желаніемъ Твоимъ мое желаніе; и какъ Ты всего Себя далъ мнѣ, и я всего себя предаю Тебѣ, да буду весь въ Тебѣ. Вѣдаю, Господи, что сему нельзя быть, если не будетъ во мнѣ полнаго самоотверженія, если останется во мнѣ какой либо слѣдъ самолюбія, если будетъ укрываться во мнѣ сочувствіе и расположеніе къ какой-либо волѣ своей, или мыслямъ своимъ, или къ самоугодливымъ обычаямъ моимъ; почему хочу и порываюсь отнынѣ противиться себѣ во всемъ, что неугоднаго Тебѣ возжелаетъ душа моя, и нудить себя на все, что благоугодно Тебѣ, хотя бы все во мнѣ и во внѣ меня возставало противъ того. Самъ я не силенъ успѣть въ этомъ; но какъ отнынѣ Ты со мною, то дерзновенно уповаю, что Ты Самъ будешь совершать во мнѣ все достодолжное. Порываюсь и ищу, и да будетъ сердце мое едино съ Твоимъ сердцемъ; и уповаю, что сіе будетъ мнѣ благодатію Твоею. Порываюсь и ищу ничего не видѣть и не слышать, ни о чемъ не помышлять и ничему не сочувствовать, кромѣ того, къ чему поведетъ и на что

указывать будетъ воля Твоя, заповѣдями Твоими опредѣленная, и уповаю, что сіе будетъ мнѣ дѣйствомъ силы Твоей во мнѣ. Порываюсь и ищу не отходить вниманіемъ отъ сердца, въ коемъ Ты, и тамъ непрестанно взирая къ Тебѣ, согрѣваться лучами свѣта, отъ Тебя исходящаго; и уповаю, что сіе будетъ мнѣ прикосновеніями и объятіями длапей Твоихъ. Порываюсь и ищу, да отнынѣ Ты единъ будешь мнѣ свѣтъ, сила и радованіе; и уповаю, что сіе будетъ мнѣ спасительными Твоими воздѣйствіями на внутреннее мое. О семъ и молюсь и непрестанно молиться буду. О, премилосердый Господи! буди мнѣ сіе, буди.

Попекись затѣмъ день отъ дня все болѣе и болѣе преизбыточествовать вѣрою въ силу сего пресвятаго таинства Евхаристіи, и не переставай изумляться сему дивному таинству, помышляй, какъ Богъ подъ видомъ хлѣба и вина являетъ тебѣ Себя и существенно бываетъ въ тебѣ, чтобы содѣвать тебя наиболѣе святымъ, преподобнымъ и блаженнымъ. Ибо блаженны тѣ, которые не видятъ, но вѣруютъ, по слову Спасителя: *блажени не видѣвшіи и вѣровавше* (Іоан. 20, 29). И не желай, чтобы въ сей жизни Богъ являлъ Себя тебѣ подъ другимъ какимъ видомъ, кромѣ сего таинства. Старайся возгрѣвать въ себѣ теплое желаніе сего таинства, и каждодневно преуспѣвай и въ ревностной готовности творить одну волю Божію и въ духовной мудрости се дѣлать царицей и правительницей всѣхъ твоихъ дѣлъ и духовныхъ, и душевныхъ, и тѣлесныхъ. Всякій разъ, какъ причащаешься, причащаясь сей жертвы безкровной, и себя самого приноси въ жертву Богу, т.-е. изъявляй полную готовность, по любви къ Господу, за насъ пожершемуся, терпѣть всякую напасть, всякую скорбь и всякую напраслину, какія могутъ встрѣтиться въ теченіе жизни твоей.

Св. Василій Великій полнѣе изображаетъ долгъ, налагаемый св. причастіемъ на причащающихся, со словъ св. Павла, что причащающіеся тѣла и крови Господа смерть Господню возвѣщаютъ (1 Кор. 11, 26). Смерть же была подъята Господомъ за всѣхъ людей,— и за причащающихся, — чего ради? *Да живущіи не ктому себѣ живутъ, но умершему за нихъ и воскресшему* (2 Кор. 5, 15). Слѣдовательно причащающіеся съ вѣрою, любовію, и готовностію до положенія живота быть вѣрными заповѣдямъ Божіимъ и всякой, явно Имъ изъявленной волѣ, берутъ на себя долгъ уже не жить болѣе себѣ, ни міру и грѣху, но пріемлемому ими во св. причастіи Господу Богу, за нихъ умершему и воскресшему (въ словѣ: οτι δει τον αναγεννηθεντα δια τȣ βαπτισματος τρεφεσθαι και τα εξης).

Наконецъ, пріявъ въ св. причастіи Господа, за тебя пожершагося, и общникомъ бывъ силы сей жертвы, во имя ея вознеси къ небесному Отцу, послѣ благодаренія и славословія, молитвы и моленія о твоихъ нуждахъ, духовныхъ, душевныхъ и тѣлесныхъ, затѣмъ о св. Церкви Божіей, о домашнихъ твоихъ, о благодѣтеляхъ и о душахъ въ вѣрѣ почившихъ.

Будучи сочетана съ жертвой, коею Сынъ Божій исходатайствовалъ намъ отъ Бога Отца всякую милость, молитва сія и услышана будетъ и не оставлена будетъ безъ плода.

Глава четвертая.

О причащеніи духовномъ.

Причащаться Господа въ таинствѣ тѣла и крови можно только въ опредѣленныя времена, кто какъ можетъ и какъ усердствуетъ, не болѣе однакожъ одного раза

въ день. Внутренно же, въ духѣ, причащенія Ему можемъ сподобляться каждый часъ и каждое мгновеніе, т.-е. пребывать, по благодати Его, въ непрестанномъ общеніи съ Нимъ и, когда благоволитъ Онъ, сердцемъ ощущать сіе общеніе. Причастившись тѣла и крови Господа, Его Самого, по обѣтованію Его, пріемлемъ, и Онъ вселяется въ насъ со всѣми благодатями Своими, давая и сердцу, къ тому готовому, ощущать сіе. Истинные причастники всегда бываютъ вслѣдъ за причастіемъ въ осязательно благодатномъ состояніи. Сердце вкушаетъ тогда Господа духовно.

Но какъ мы и тѣломъ стѣснены и внѣшними дѣлами и отношеніями окружены, въ коихъ по долгу должны принимать участіе; то духовное вкушеніе Господа, по раздвоенію нашего вниманія и чувства, день отъ дня, ослабляется, заслоняется и скрывается. Скрывается ощущеніе вкушенія Господа; но общеніе съ Господомъ не пресѣкается, если, къ несчастію, не привзойдетъ какой грѣхъ, разстроивающій благодатное состояніе. Съ сладостію вкушенія Господа ничто сравниться не можетъ; почему ревнители, ощутивъ оскудѣніе ея, спѣшатъ возставить его въ силѣ, и когда возставятъ, чувствуютъ, что какъ-бы снова вкушаютъ Господа. Это и есть причащеніе Господа духовное.

Оно имѣетъ такимъ образомъ мѣсто между однимъ и другимъ причащеніемъ Его въ тайнахъ святыхъ. Но оно можетъ быть и непрерывно,—въ томъ, кто всегда блюдетъ сердце свое чистымъ и непрерывнымъ имѣетъ вниманіе свое и чувство къ Господу. При всемъ томъ однакожъ оно есть даръ благодати, даемой труженикамъ на пути Господнемъ, усерднымъ и къ себѣ безжалостнымъ.

Но и то, когда кто по временамъ вкушаетъ Господа въ духѣ, есть даръ благодати. Отъ насъ только

жажданіе сего дара и алканіе и усердное взысканіе. Есть впрочемъ дѣла, открывающія ему путь и споспѣшествующія принятію его, хотя онъ всегда приходитъ какъ бы невзначай. Дѣла сіи суть чистая съ дѣтскимъ воплемъ изъ сердца молитва, и особые акты самоотверженія въ ряду добродѣтелей. Когда нѣтъ на душѣ грѣха, когда не терпимы бываютъ мысли и чувства грѣховныя, т.-е. когда она чиста и къ Богу вопіетъ; то что можетъ воспрепятствовать Господу, присущему, дать душѣ Себя вкусить, а душѣ ощутить сіе вкушеніе? Такъ и бываетъ, если только Господь не видитъ, что для блага души нужно нѣсколько продлить алчбу Его и жажду неудовлетворенною. Между актами самоотверженія паче всего сильно въ семъ отношеніи смиренное послушаніе и поверженіе себя подъ ноги всѣхъ, обнаженіе себя отъ стяжаній, благодушное перенесеніе напраслинъ, все въ духѣ полнаго преданія себя въ волю Божію. Такія дѣянія наипаче уподобляютъ дѣйствующаго Господу, и Господь присущій даетъ Себя вкусить душѣ его. И всѣхъ заповѣдей Божіихъ усердное и чистое исполненіе имѣетъ плодомъ своимъ вселеніе Господа въ сердце, съ Отцемъ и Св. Духомъ (Іоан. 14, 23).

Духовное Господа причащеніе не должно смѣшивать съ мысленнымъ воспоминаніемъ о причащеніи Его въ таинствахъ тѣла и крови, хотя бы это сопровождалось сильными какими ощущеніями духовными и жаждущими порывами къ дѣйствительному причастію Его въ Тайнахъ Святыхъ. Не должно также смѣшивать и того, что дается присущимъ въ храмѣ при совершеніи таинства Евхаристіи. Они сподобляются освященія Божія и Божія благоволенія, какъ участвующіе въ принесеніи безкровной жертвы вѣрою, сокрушеніемъ и готовностію жертвовать собою во славу Божію, и по

мѣрѣ сихъ расположеній; но это не то, что причастіе, хотя оно тутъ же можетъ совершиться.

Глава пятая.

О благодареніи Бога.

Всякое благо, какое имѣемъ и всякое добро, какое дѣлаемъ, есть Божіе и отъ Бога. Почему на насъ лежитъ долгъ благодарить Его за все, за всякое благо, отъ всещедрой десницы Его получаемое, явное ли то, или неявное, за всякое доброе дѣяніе, за всякій добрый подвигъ и за всякую побѣду надъ врагами нашего спасенія, какъ намъ и заповѣдано: *о всемъ благодарите: сія бо есть воля Божія о Христѣ Іисусѣ въ васъ* (1 Сол. 5, 18). Позаботься же возгрѣвать въ себѣ чувства благодаренія къ Богу съ перваго момента по пробужденіи отъ сна, во весь день, и засыпай съ словами благодаренія на устахъ; потому что ты погруженъ въ Божіи благодѣянія, въ числѣ которыхъ есть и самый сонъ.

Богу не нужны твои благодаренія; но тебѣ неотложно нужны Божіи благодѣянія. Пріятелище же и хранилище сихъ благодѣяній въ тебѣ есть благодарное сердце. „Наилучшее средство сохранить благотворительность къ себѣ благодѣтеля, говоритъ св. Златоустъ, есть памятованіе о благодѣяніи и благодареніе непрестанное.“ И св. Исаакъ пишетъ: „благодарность пріемлющаго побуждаетъ дающаго давать дары большіе прежнихъ. Кто не благодаренъ за малое, тотъ и на большее обманется въ надеждѣ. Даръ не остается безъ усугубленія, развѣ только когда нѣтъ за него благодарности“ (сл. 2-е). Святый же Василій Великій прилагаетъ къ сему и нѣкое устрашеніе, благотворное

однакожъ, говоря: „поелику не благодаримъ за блага, подаваемыя Богомъ, то необходимымъ дѣлается отъятіе благъ для приведенія насъ въ чувство. Какъ глаза не видятъ слишкомъ близкаго, но требуютъ соразмѣрнаго нѣкотораго разстоянія, такъ и неблагодарныя души, обыкновенно, съ лишеніемъ благъ начинаютъ чувствовать прежнюю милость; и не знавъ никакой благодарности къ Давшему, пока пользовались дарами, по утратѣ ублажаютъ прошедшее“ (сл. о благодареніи стр. 74, том. 4).

Внявъ сказанному, всяко вопросишь, какъ же мнѣ возгрѣть въ себѣ чувство благодаренія Богу и всегда хранить его? Разсмотри всѣ благодѣянія Божіи къ роду человѣческому,—нашему роду,—и къ тебѣ самому, и чаще проходи ихъ мыслію своею и вращай въ памяти своей, и если есть у тебя сердце, то не возможешь не возносить къ Богу благодарныхъ пѣсней. Образцы сему найдешь въ молитвахъ, и въ писаніяхъ святыхъ. Вотъ какъ живописуетъ св. Василій Великій Божію къ намъ великодаровитость. „Мы изъ небытія приведены въ бытіе, сотворены по образу Создавшаго, имѣемъ и разумъ и слово, которые составляютъ совершенство нашей природы, и которыми познали мы Бога. Тщательно же изучая красоты творенія, по онымъ, какъ по нѣкоторымъ письменамъ, объясняемъ себѣ великій Божій о всемъ промыслъ и Божію премудрость. Мы можемъ различать доброе и худое; самою природой научены избирать полезное и отвращаться вреднаго. Будучи отчуждены отъ Бога грѣхомъ, снова воззваны мы къ общенію съ Богомъ, освобождены будучи кровію Единороднаго отъ безчестнаго рабства. А надежда воскресенія, и наслажденія ангельскими благами, царство на небесахъ, обѣтованныя блага, превосходящія силу разумѣнія и слова“ (тамъ же,

стр. 51)!—Прочитывай это изображеніе Божіихъ къ намъ благодѣяній, или другое какое избери, или самъ составь, включивъ сюда и лично тебѣ данныя Богомъ блага. И повторяй это чаще мыслію и словомъ, не только каждый день, но многократно на всякій день, и пребудешь въ чувствахъ благодаренія Богу.

Но чувство возбужденное не любитъ оставаться въ сокровенности, а ищетъ обнаруженія и изъявленія. Чѣмъ же прилично намъ изъявить предъ Богомъ свои чувства благодаренія Ему? Дѣлай то, что хощетъ отъ тебя Богъ, окружая тебя Своею щедродательностію. Чего же хощетъ Богъ? Окружая тебя Своими благами, Богъ хощетъ, чтобъ ты, видя ихъ, непрестанно воспоминалъ о Немъ,—и помни: хощетъ, чтобъ ты прилѣпился къ Нему всею любовію,—и прилѣпись; хощетъ, чтобъ ты ни въ чемъ не отступалъ отъ воли Его и всѣмъ благоугождать Ему старался,—и дѣлай такъ; хощетъ, чтобъ ты во всемъ на Него единаго полагался,—и положись; хощетъ, чтобъ ты, поминая, какъ многократно оскорблялъ Благодѣтеля своего злыми и срамными дѣлами своими, сокрушался о томъ, каялся въ томъ, оплакивалъ то, пока не умиротворишься съ своею совѣстью и не примешь удостовѣренія, что и Богъ простилъ тебѣ все,—и дѣлай такъ.

Видишь, какъ обширно поле благодаренія и какъ обильны способы исполненія сего долга? Познай изъ сего, какъ неизвинительно погрѣшаетъ, кто оказывается неисправнымъ въ семъ, и поревнуй не пятнать себя грѣхомъ симъ. Между людьми неблагодарность обзывается черною. Какое приберешь слово для обозванія неблагодарности къ Богу? Возгрѣвай же въ себѣ всегда чувства благодаренія Богу, особенно попекись о семъ въ храмѣ во время литургіи, на коей приносится Богу безкровная жертва, именуемая Евхари-

стіей, что значитъ благодареніе. Не забудь, что здѣсь ты ничѣмъ другимъ не можешь достойно изъявить благодареніе Богу, какъ полною готовностію все свое и себя самого принести въ жертву Богу во славу всесвятаго имени Его.

Глава шестая.

О преданности въ волю Божію.

Покаявшійся предаетъ себя Богу на служеніе; и тотчасъ начинаетъ служить Ему хожденіемъ въ заповѣдяхъ Его и въ волѣ Его. Начинается трудъ и работа въ потѣ лица. Заповѣди не тяжки, но много препятствій встрѣчаетъ исполненіе ихъ во внѣшнихъ обстоятельствахъ трудящагося и особенно во внутреннихъ его склонностяхъ и навыкахъ. Неутомимый труженикъ съ Божіею помощію наконецъ все препобѣждаетъ: мирно внутри и покойно теченіе дѣлъ внѣ, — разумѣется относительно.

Труженикъ самъ все дѣйствуетъ, хотя съ помощію Божіею. Но опытъ съ первыхъ дней даетъ ему разумѣть, что при всѣхъ его усиліяхъ, если дѣлается что доброе, то только то, на которое подается сила свыше. Чѣмъ дальше, тѣмъ удостовѣреніе въ этомъ укореняется глубже. Съ установленіемъ посильнаго мира внутри, оно выступаетъ впередъ и дѣлается господствующимъ, и наконецъ завершается совершенною преданностію въ волю Божію, или преданіемъ себя вседѣйствію Божію. Дѣйствованіе Божіе въ трудящихся о спасеніи начинается съ первыхъ минутъ обращенія къ Богу, и самое обращеніе оно же совершаетъ. Но оно возрастаетъ по мѣрѣ того, какъ трудящійся, отклоняясь отъ себя, къ Богу прилѣпляется, и убѣжда-

ясь въ своемъ безсиліи, утверждается въ упованіи на силу Божію. Когда наконецъ онъ всего себя предастъ Богу, Богъ бываетъ въ немъ дѣйствующимъ и въ указаніи должнаго, и въ исполненіи его. Это — верхъ христіанскаго совершенства, въ коемъ *Богъ есть дѣйствуяй, и еже хотѣти, и еже дѣяти* (Фил. 2, 13). Сѣмя ему полагается въ ненадѣяніи на себя и надеждѣ на Бога, какъ говорилось у насъ въ началѣ; а тутъ оно указывается въ полномъ созрѣніи.

Въ чемъ существо совершенной преданности въ волю Божію, узнается, когда она проявится въ силѣ своей. Она приходитъ сама-собой, и нѣтъ особыхъ правилъ на стяжаніе ея, чтобъ можно было сказать: дѣлай то и то, и получишь. Она растетъ незамѣтно подъ ненадѣяніемъ на себя и надеждою на Бога. Помянулъ же я объ ней здѣсь, потому что надо же было гдѣ-нибудь помянуть, а помянутіе въ концѣ предыдущей главы о принесеніи себя въ жертву Богу подало поводъ помянуть о ней теперь. Преданіе себя въ волю Божію всецѣлое и есть пожреніе себя Богу во всёсожженіе.

Свидѣтельствуется сіе состояніе умертвіемъ себѣ, — своимъ разумѣніямъ, своимъ хотѣніямъ и своимъ чувствамъ или вкусамъ, чтобъ жить Божіимъ разумомъ, въ Божіей волѣ и во вкушеніи Бога. Въ семъ дѣлѣ впереди насъ Господь Спаситель. Онъ всего Себя предалъ Богу и Отцу и въ Себѣ насъ, ибо мы *отъ плоти Его и отъ костей Его* (Еф. 5, 30). Поспѣшимъ же вслѣдъ Его, такъ какъ Онъ за насъ далъ слово Богу Отцу (Іоан. 17, 19), чая, что мы дѣйствительно будемъ таковы и такъ поступимъ.

Почему такое жертвоприношеніе совершается въ концѣ, а не въ началѣ? Потому что жертва Богу должна быть совершенна, безъ порока. Совершенство же въ

началѣ есть предметъ искомый, а не владѣемый. Когда наконецъ овладѣваютъ имъ, тогда и въ жертву принести себя умѣстно. На сію жертву въ началѣ только посвящаетъ себя человѣкъ, а въ концѣ приноситъ себя въ жертву. Раньше достигнутія совершенства и принести себя нельзя въ жертву всесожженія. Другія жертвы можно приносить, какъ-то жертву умилостивленія, жертву очищенія, жертву благодаренія, а не жертву всесожженія. Покуситься на сіе можно, и говорить можно о семъ, но это будетъ слово, а не дѣло. Дѣло это безъ словъ совершается.

Вѣдай, что коль скоро имѣешь еще прилѣпленіе къ чему-либо земному, коль скоро опираешься на что-либо въ тебѣ, или внѣ тебя, кромѣ Бога, коль скоро находишь вкусъ въ чемъ-либо тварномъ и услаждаешься тѣмъ,—то ты еще негожъ ко всесожженію. Потрудись отрѣшиться прежде отъ всего, сдѣлай, чтобъ въ тебѣ замерли всѣ жизни и осталась одна жизнь по Богу, или чтобъ не ты уже жилъ, а жилъ въ тебѣ Богъ и Христосъ Господь и Духъ Святый, и тогда пожри себя Богу, или тогда ты пожренъ будешь Богу. А до того имѣй жертвою Богу духъ сокрушенъ и сердце сокрушенно и смиренно, и довольствуйся тѣмъ до времени, а не навсегда. Ибо все же ты долженъ наконецъ дойти до того, чтобъ себя принесть Богу во всесожженіе тучно.

Глава седьмая.

О сердечной теплотѣ и объ охлажденіи и сухости сердца.

Духовная въ сердцѣ теплота есть плодъ чувства къ Богу и всему божественному. Зарожденіе ея современно обращенію къ Богу въ покаяніи. Во время покаян-

ныхъ трудовъ надъ очищеніемъ сердца она все болѣе и болѣе усиливается и изъ прерывающейся, или по временамъ посѣщающей сердце постепенно переходитъ въ непрерывную, пока станетъ наконецъ состояніемъ сердца.

Когда св. Іоаннъ Лѣствичникъ совѣтовалъ въ одномъ мѣстѣ: старайся всегда быть въ чувствѣ къ Богу и божественному, то разумѣлъ сію теплоту. Всякій предметъ, услаждающій сердце, и согрѣваетъ его; потому теплотъ сердечныхъ много. Духовная теплота рараждается отъ воздѣйствія на сердце духовныхъ предметовъ, что бываетъ въ порядкѣ духовной жизни. Отличительная черта ея есть отрѣшеніе отъ всего тварнаго и окованіе вниманія Богомъ и всѣмъ божественнымъ. По сей чертѣ она отстоитъ отъ теплотъ душевныхъ и тѣлесныхъ, какъ небо отъ земли.

Чувство духовной теплоты сосредоточенно и является простымъ и единичнымъ; но въ существѣ дѣла оно есть слитіе во едино многихъ духовныхъ движеній, какъ лучъ солнца есть слитіе семи радужныхъ лучей. Въ немъ есть благоговѣніе, сокрушеніе, умиленіе, припаданіе, поклоненіе, святая ревность, Боголюбіе. Какъ всѣ такія чувства духовныя не вдругъ установляются въ сердцѣ, такъ теплота духовная не вдругъ дѣлается достояніемъ нашего сердца.

Пока духовная въ сердцѣ теплота не сдѣлается постояннымъ его состояніемъ, дотолѣ она приходитъ и отходитъ. Приходитъ или сама-собой, какъ гость небесный, или бываетъ плодомъ духовныхъ упражненій, — чтенія, размышленія, молитвы, актовъ самоотверженія и добродѣянія. Отходитъ, когда вниманіе отклонится отъ предметовъ духовныхъ, а за нимъ и сердце вкуситъ и усладится чѣмъ недуховнымъ. Этимъ погашается духовная теплота, какъ водою огонь.

Хочешь хранить духовную сію въ сердцѣ теплоту? Будь вниманіемъ внутрь и молитвенно предстой Богу въ сердцѣ, не допускай блужданія помысловъ разсѣявающихъ, не впускай въ сердце сочувствій къ чему-либо душевному и плотскому, пресѣкай тотчасъ порожденія многозаботливости, храни живою воспринятую тобою ревность о богоугожденіи и о спасеніи души, въ дѣлахъ же внѣшнихъ блюди разумный строй, направляй ихъ всѣ къ главной твоей цѣли, и дѣлая одно, не обременяй мысли попеченіемъ о многомъ. Но, прибавлю, когда узнаешь сію теплоту, не можешь не усиливаться хранить ее; усиливаясь, станешь употреблять пригодныя къ тому средства; употребляя же ихъ, увидишь, какъ тебѣ удобнѣе соблюсти свою теплоту. Если разумно возьмешься за сіе дѣло, то теплота духовная сдѣлается для тебя вѣрною учительницею, какъ управляться съ своимъ внутреннимъ и какъ держать себя во внѣшнихъ дѣлахъ и во всемъ поведеніи своемъ,—чтобъ блюсти ее самую.

Сколь сладостно присутствіе духовной теплоты въ сердцѣ, столь же горько, томительно и страшливо, когда она отойдетъ. Отходитъ она, какъ замѣчено, когда вниманіе и сердце отклонятся отъ духовнаго и обратятся къ недуховному. Подъ этимъ разумѣется не грѣховное что,—ибо вкусившій духовной теплоты бываетъ уже на это неохочъ,—но вся душевно-тѣлесная область, суетная, земная, тварная. Какъ только уклонится къ сему вниманіе, духовная теплота тотчасъ понижается; когда же и сердце къ тому прильнетъ, она совсѣмъ отходитъ и оставляетъ холодность ко всему божественному и самому Богу, сопровождаясь и равнодушіемъ ко всѣмъ духовнымъ дѣланіямъ и занятіямъ, какія были держимы въ видахъ храненія сей теплоты. Кто опомнится тотчасъ и поспѣшитъ поставить себя

опять въ свой обычный теплопроизводительный строй, теплота возвращается, скоро ли то, или не такъ скоро. Но кто не обратитъ на то вниманія и по разсѣянности, увлеченію и самонадѣянности позволитъ себѣ сознательно помедлить въ этой охлаждающей атмосферѣ, и тѣмъ паче если и дѣломъ поскользнется удовлетворить свои, воскресающіе при семъ недуховные вкусы; у того и самая ревность о жизни духовной пошатнется, а то и совсѣмъ замретъ. Послѣднее есть преддверіе паденія въ прежніе обычные грѣхи, которые и не замедлятъ постигнуть безпечнаго. Но опомнившійся и отсюда удобно возвращается къ духовному строю своему.

Такъ всегда происходитъ охлажденіе; бываетъ же это по нашей винѣ, именно по ослабленію вниманія и бдительности надъ собой, — то по соблазнамъ окружающей труженика мірской среды, когда прелести міра одуряющимъ образомъ воздѣйствовавъ, похищаютъ человѣка изъ себя самого,—то по кознямъ врага, ухищряющагося выманивать человѣка изъ себя во внѣ, въ чемъ успѣваетъ онъ иногда, примѣшивая только къ естественнымъ движеніямъ образовъ фантазіи и свои, наипаче увлекательные, иногда воздѣйствуя какимъ-то образомъ и на тѣло. Но какая бы причина ни была, дѣйствіе охлажденія начинается выходомъ вниманія извнутри, и установляется въ своемъ дальнѣйшемъ теченіи прилѣпленіемъ сердца къ чему-либо, сначала пустому и суетному, потомъ страстному и грѣховному. И въ немъ всегда виноватъ самъ человѣкъ. Ибо ни міръ, ни діаволъ не насилуютъ свободы, а соблазняютъ только ее.

Бываетъ охлажденіе и отъ благодати. Духовная теплота въ истинномъ своемъ видѣ есть плодъ присутствія въ сердцѣ благодати. Когда присѣщаетъ благодать, на

сердцѣ тепло; а когда отходитъ,—холодно, Отходитъ благодать, и когда человѣкъ самъ выходитъ во внѣ къ недолжнымъ вещамъ. И тогда отхожденіе сіе и есть и называется наказательнымъ. Но иной разъ благодать сама отходитъ въ видахъ споспѣшествованія духовному преспѣянію рабовъ Божіихъ. И тогда отхожденіе сіе есть и называется обучительнымъ. Но слѣдствіе и въ этомъ случаѣ тоже — охлажденіе, чувство пустоты въ сердцѣ: ибо отшелъ гость и посѣтитель. Разность въ сихъ охлажденіяхъ та, что виновное охлажденіе разслабляетъ самую ревность о духовной жизни; охлажденіе вслѣдствіе обучительнаго отступленія благодати наиболѣе распаляетъ ее: что бываетъ и одною изъ цѣлей отступленія благодати обучительнаго.

Благодать Божія сама,—обучительно, отступаетъ по слѣдующимъ причинамъ: чтобы раздражить ревность, которая иной разъ ослабляется отъ длительности пребыванія въ покоѣ;—чтобъ повнимательнѣе осмотрѣлся человѣкъ и отстранилъ сочувствія и занятія, которыя не прямо принадлежатъ къ богоугодной жизни и не въ Богѣ конецъ свой имѣютъ; — чтобы возстановить въ большей силѣ сознаніе и чувство, что все доброе, бывающее въ насъ, есть плодъ благодати Божіей; — чтобъ на будущее время больше цѣнили Божіи даянія, ревностнѣе заботились о храненіи ихъ, и глубже смиренствовали; — чтобъ искреннѣе предавали себя въ руки промышленія Божія, съ совершеннѣйшимъ самоотверженіемъ и самоуничиженіемъ; чтобъ не прилѣплялись къ самымъ духовнымъ утѣшеніямъ, и не раздѣляли такимъ образомъ сердца своего на двое, когда Богъ хощетъ, чтобъ оно все Ему единому принадлежало; чтобъ и при дѣйствіи благодати Божіей, не опускали рукъ, но неусыпно работали на пути Божіемъ, напрягая всѣ силы свои, данныя намъ Богомъ именно для этого.

Такимъ образомъ, и когда охлажденіе происходитъ отъ обучительнаго отступленія благодати Божіей, причиною тому служишь ты самъ: ибо благодать Божія хотя отступаетъ сама, но отступаетъ смотря на тебя. Почему когда почувствуешь въ себѣ охлажденіе къ вещамъ и занятіямъ духовнымъ и ко всему божественному, войди въ себя и разсмотри, по какой причинѣ оно произошло, и если въ этомъ твоя вина, поспѣши ее устранить и изгладить, ревнуя не о возвращеніи духовныхъ утѣшеній, а паче объ уничтоженіи въ себѣ того, что окажется неподобающимъ и Богу неугоднымъ. Если же не увидишь ничего такого, покорись волѣ Божіей, сказавъ въ себѣ: такъ судилъ Богъ; буди воля Твоя, Господи, на мнѣ немощномъ и ничего не стоющемъ. И затѣмъ, терпи и жди, — отнюдь не позволяя себѣ сколько-нибудь отступать отъ обычнаго порядка своей духовной жизни и духовныхъ дѣланій и упражненій; побѣждай напавшее безвкусіе въ нихъ насильнымъ себя къ нимъ принужденіемъ, не внимая отвлекающимъ отъ такого труда помысламъ, будто такое занятіе безплодно; охотно испивай сію чашу горечи, говоря къ Господу: виждь смиреніе мое и трудъ, и не остави милости Твоей отъ меня, — и воодушевляй себя на то вѣрою, что чашу сію поднесла тебѣ любовь Божія, желающая тебѣ большаго совершенства духовнаго.

Не на Ѳаворъ только охотно иди во слѣдъ Господа, но и на Голгоѳу, т.-е. не тогда только, когда чувствуешь внутрь себя божественный свѣтъ и духовныя утѣшенія и радости, но и когда нападаютъ омраченія, скорби, туги и горечи, которыя приходится иной разъ вкушать душѣ отъ демонскихъ искушеній, внутреннихъ и внѣшнихъ. Пусть даже охлажденіе это будетъ сопровождаемо такимъ омраченіемъ и смущеніемъ, что ты не будешь знать, что тебѣ дѣлать и куда обратить-

ся, не бойся и при этомъ; но стой твердо въ своемъ чинѣ, держись на крестѣ семъ благопокорно, далеко отрѣвая отъ себя всякое земное утѣшеніе, которое вздумаетъ предлагать міръ, или плоть, по наущеніямъ врага. Старайся также скрывать сію немощь свою отъ всякаго лица, и не говори о ней никому кромѣ духовнаго отца своего, не жалуясь однакожъ на посланную тебѣ тяготу, а скорѣе ищи наученія, какъ на будущее время избѣгать ее, а эту благодушно перенесть, пока Богу угодно будетъ держать тебя въ ней.

Молитвы же твои, причащеніе и другія духовныя упражненія продолжая совершать, какъ обычно, совершай не для полученія сладостей духовныхъ, не для того, чтобъ быть сняту съ настоящаго креста, но для того, чтобъ дарована была тебѣ сила благодушно пребывать на немъ во славу распеншагося за насъ Христа Господа и всегда жить и дѣйствовать такъ, какъ сіе Ему благоугодно. Если иной разъ и не можешь ты въ этомъ состояніи молиться и въ благихъ пребывать помышленіяхъ, какъ обычно бывало, по причинѣ великаго омраченія и смущенія ума, дѣлай все сіе какъ можешь, только безъ лѣности и поблажки себѣ; и то, чего не можешь ты явить въ совершенствѣ дѣломъ, будетъ принято явленнымъ въ совершенствѣ по желанію твоему, исканію и усилію. Пребудь въ семъ желаніи, исканіи и усиліи, и увидишь дивные плоды того, — воодушевленіе и силу, кои преисполнятъ душу твою.

Предложу тебѣ образчикъ того, какъ прилично тебѣ взывать къ Богу во время такого омраченія ума твоего. Взывай: *вскую прискорбна еси, душе моя, и вскую смущаеши мя? Уповай на Бога, яко исповѣмся Ему:* (Ты) *спасеніе лица моего, и Богъ мой* (Пс. 42, 5). *Вскую Господи отступилъ* Ты *далече* отъ меня и *презираешь* меня,

сущаго *въ скорбѣхъ* (Пс. 9, 22)? *Не остави мене, Господи Боже мой, не отступи отъ мене* (Пс. 37, 22). Припомни молитву, какою, по вдохновенію Божію, молилась Сарра, возлюбленная жена Товіи во время скорби своей, и ее употреби, живымъ взывая гласомъ: „вѣрно вѣдаетъ всякій, работающій Тебѣ, Господи, что жизнь сія, если будетъ подъ испытаніемъ, увѣнчается, и если въ скорби будетъ, избавленіе пріиметъ, и въ самомъ истлѣніи не прейдетъ по милости Твоей. Ты не радуешься о погибели нашей; но послѣ бури и волнъ подаешь отишіе, и послѣ плача и слезъ изливаешь радость. Буди имя Твое благословенно во вѣки, Боже Израилевъ!"

Приводи на память и Христа Господа, Который въ саду Геѳсиманскомъ и на крестѣ, по причинѣ безмѣрныхъ страданій, чувствовалъ Себя оставленнымъ отъ Отца Своего небеснаго, и чувствуя себя, въ настоящемъ твоемъ положеніи, сущимъ на крестѣ, взывай отъ сердца Его словами: *Твоя да будетъ, Господи, воля! Да будетъ, не якоже азъ хочу, но якоже Ты* (Мѳ. 26, 39)! Дѣйствуя такъ, сдѣлаешь, что терпѣніе твое и твоя молитва будутъ возноситься горѣ предъ лице Бога, какъ пламя жертвы сердца твоего. И ты засвидѣтельствуешь симъ, что тебя преисполняетъ живая готовность воли, съ крѣпкою какъ смерть любовію слѣдовать за Христомъ Господомъ съ крестомъ на раменахъ, по каждой стезѣ, по какой бы Онъ ни призывалъ тебя къ Себѣ. Се истинная жизнь по Богу! Желать и искать Бога, ради Бога, и имѣть Его и вкушать такъ и въ такой мѣрѣ, какъ и въ какой Онъ того хощетъ. Еслибъ люди вступали на путь жизни по Богу съ такимъ настроеніемъ, и твердостію его измѣряли свои успѣхи въ семъ теченіи, а не приливами духовныхъ сладостей и утѣшеній, то они не были бы такъ удобно прельщае-

мы ни сами по себѣ, ни по казнямъ врага и не томились бы безполезно, а иной разъ до роптанія, встрѣчая сухости и охлажденія, а напротивъ съ благодарностію принимали ихъ и перетерпѣвали, въ увѣренности, что поелику такъ хощетъ Богъ, то это случилось во благо имъ, и не обращая на нихъ вниманія, съ большею ревностію и съ болѣе самоотверженнымъ себя насилованіемъ продолжали тещи путемъ богоугодной жизни, по всѣмъ заведеннымъ порядкамъ ея.

Случается иной разъ, что тогда какъ душа томится въ такомъ охлажденіи, такомъ безвкусіи ко всему духовному, врагъ нападаетъ сильнѣе, воздвигая дурные помыслы, срамныя движенія и прельстительныя сновидѣнія. Цѣль у него та, чтобъ вдавшись въ нечаяніе отъ чувства оставленія Божія, человѣкъ опустилъ руки и склонился на что либо страстное, ибо послѣ сего ему уже легко увлечь его опять въ водоворотъ грѣховной жизни. Зная сіе, стой твердо. Пусть бушуютъ волны грѣховныя окрестъ сердца; но пока есть у тебя нехотѣніе грѣха и желаніе пребыть вѣрнымъ Богу, корабликъ твой цѣлъ. Благодать Божія отняла у тебя свои утѣшенія, но она близъ есть и назираетъ и не оставитъ тебя безъ помощи, пока произволеніе твое стоитъ на сторонѣ добра. Стой же твердо, воодушевляясь увѣренностію, что буря эта скоро пройдетъ, а вмѣстѣ съ нею прекратится и сухость твоя. Вѣрь, что сіе попущено тебѣ на добро тебѣ: ибо перетерпѣвъ это время искушенія, выйдешь изъ него съ большимъ узнаніемъ своей немощи, съ большимъ смиреніемъ и большею увѣренностію во всегда готовой тебѣ помощи Божіей. О подобныхъ бурныхъ нападеніяхъ вражескихъ, я уже имѣлъ случай говорить тебѣ. Просмотри сказанное тамъ.

Глава осьмая.

О хранении и испытании совѣсти.

Всякимъ храненіемъ храни, брате, совѣсть свою чистою и въ мысляхъ, и въ словахъ, и въ дѣлахъ, да будетъ она всегда безукоризненна и никогда да не осуждаетъ и не грызетъ тебя ни за что. Если будешь такъ дѣлать, она большую пріобрѣтетъ у тебя силу и во внутреннемъ твоемъ и во внѣшнемъ дѣйствованіи и, ставъ госпожею надъ всѣмъ, станетъ добрѣ править твоею жизнію. Чистая совѣсть и жизнь твою сдѣлаетъ безукоризненною: ибо тогда она будетъ чутка и сильна на добро и противъ зла. Она законъ, Богомъ начертанный въ сердцахъ людей, въ освѣщеніе путей ихъ и въ руководство во всемъ достодолжномъ, какъ учитъ Апостолъ Павелъ, называя ее *дѣломъ законнымъ*, *написаннымъ въ сердцахъ* (Рим. 2, 15); основываясь на чемъ, св. Нилъ такой даетъ каждому урокъ: „во всѣхъ дѣлахъ своихъ, какъ свѣтильникомъ, пользуйся руководствомъ совѣсти."

Въ четырехъ отношеніяхъ должно тебѣ блюсти совѣсть свою безукоризненною: въ отношеніи къ Богу, къ себѣ самому, къ ближнимъ и ко всѣмъ вещамъ, кои въ рукахъ у тебя.

Все это тебѣ вѣдомо; напомню однакожъ тебѣ главнѣйшее.—*Въ отношеніи къ Богу*—пребывай въ памяти Божіей и ходи въ присутствіи Божіемъ; сознавай себя носимымъ и хранимымъ силою Божіею, и ведомымъ къ тому концу, для котораго Онъ воззвалъ тебя къ бытію; и себя и все свое посвящай на служеніе Богу и во славу имени Его; въ Немъ живи, на Него уповай и Ему предай участь свою, и временную и вѣчную.

Въ отношеніи къ себѣ самому, — будь справедливъ къ себѣ и каждой части своего естества отдавай должное: *духъ* твой, ищущій Бога, небеснаго и вѣчнаго, да властвуетъ надъ душею и тѣломъ, которыхъ назначеніе устроять временную жизнь; *душа,* подчиняясь внушеніямъ духа, вою ума да подклоняетъ богооткровенной истинѣ и ею да освѣщаетъ всю область своего вѣдѣнія, — волю да держитъ въ порядкахъ заповѣдей Божіихъ, не давая ей, въ противность имъ, уклоняться къ своимъ похотѣніямъ,—сердце да учитъ находить вкусъ только въ вещахъ божественныхъ и въ томъ, что носитъ отпечатки и служитъ выраженіемъ божественнаго, — и въ семъ духѣ да ведетъ свои дѣла и порядки житейскіе и общественные; *тѣлу* давай нужное и соблюдая въ семъ строгую мѣрность, имѣй закономъ—никогда ни въ чемъ *не творить плоти угодія въ похоти* (Рим. 13, 14). Храня сіе, будешь добрымъ правителемъ себя самого, и истиннымъ себѣ благодѣтелемъ.

Въ отношеніи къ ближнимъ,—чти всѣхъ, какъ образы Божіи, всѣмъ благожелай и благодѣтельствуй по силѣ, предъ всѣми смиряйся и всѣмъ угождай въ предѣлахъ добра, радуйся съ радующимися и соскорби скорбящимъ, никого не осуждай и не уничижай, даже въ мысли и чувствѣ, отъ ищущихъ у тебя совѣта и вразумленія не скрывай истины, когда знаешь, самъ же въ учители никому не навязывайся, паче же всего блюди миръ и согласіе со всѣми, съ готовностію на всякія для того съ своей стороны жертвы, и всевозможно избѣгай соблазнить кого.

Въ отношеніи къ вещамъ, — почтительно относись ко всѣмъ, какъ твореніямъ Божіимъ; какія Богъ даетъ тебѣ во владѣніе, храни и употребляй во славу Божію,—будь всякою мѣрой ихъ доволенъ и благодари

за нихъ Бога,—ни къ чему не пристращайся и на все смотри, какъ на способы и орудія внѣшнія, чтобъ свободно распоряжаться ими и не имѣть въ нихъ связы и препонъ въ добрыхъ начинаніяхъ своихъ,—не допускай въ себѣ почиванія на нихъ, какъ на хрупкихъ опорахъ, не хвались своими, не завидуй чужимъ, не скупись и не будь расточителемъ не на доброе.

Все сіе исполнять каждодневно всякому приходится въ томъ или другомъ видѣ, чуть не на каждомъ шагу. Если такъ *добрѣ* будешь жить, *добру* будешь *имѣть и совѣсть*, подражая св. Павлу (Евр. 13, 18).

Добрѣ хотящіе жити, ревнители о спасеніи всѣ такъ и дѣйствуютъ, всячески стараясь ни въ чемъ изъ того не погрѣшить и ничѣмъ не запятнать своей совѣсти. При всемъ томъ, однакожъ, то мысли и чувства, то слова, а то и дѣла неправыя проскользаютъ, иной разъ незамѣтно, а то и замѣтно, и запыляютъ чистый ликъ совѣсти, такъ что къ концу дня, рѣдкій не бываетъ похожъ на путника, шедшаго по пыльной дорогѣ, у котораго всюду набивается пыль, и въ глаза, и въ носъ, и въ ротъ, и въ волоса, и все лицо покрываетъ. По сей причинѣ и положено всякому, ревнующему о спасеніи, вечеромъ испытывать свою совѣсть и уяснивъ себѣ всѣ неправости, допущенныя днемъ въ мысляхъ, словахъ и дѣлахъ, очистить ихъ покаяніемъ, т.-е. дѣлать тоже, что дѣлаетъ запылившійся путникъ: путникъ умывается водой, а ревнующій о спасеніи очищаетъ себя покаяніемъ, сокрушеніемъ и слезами.

Испытаніе должно изслѣдовать все, доброе и недоброе, правое и неправое, по всѣмъ вышеозначеннымъ сторонамъ. Что увидишь правымъ по существу дѣла, посмотри, право ли оно по побужденію и намѣренію, право ли по образу совершенія, и право ли ты взгля-

нулъ на то по совершеніи,—не сдѣлалъ ли ты то для показности, или изъ человѣкоугодія, или по самоугодію,—къ мѣсту ли то, ко времени ли, къ лицу ли,—и послѣ того не потрубилъ ли ты передъ собой, и не помечталъ ли о себѣ, не воздавъ славы Богу. Правое дѣло право воистину, когда оно дѣлается изъ покорности волѣ Божіей и во славу Божію, съ полнымъ самоотверженіемъ и самозабвеніемъ.

Что увидишь неправымъ, разсмотри, какъ случилось, что ты сдѣлалъ то, когда держишь постоянно желаніе дѣлать одно правое, какіе были къ тому поводы и причины внутренніе и внѣшніе, какъ бы тебѣ слѣдовало править собой въ данномъ случаѣ, чтобъ не погрѣшить, и почему ты этого не сдѣлалъ; затѣмъ, осудивъ себя, а никого и ничего другаго, разумно опредѣли, какъ слѣдуетъ тебѣ держать себя, чтобы впередъ не погрѣшить въ такихъ же или подобныхъ обстоятельствахъ, и предпиши то себѣ въ законъ съ рѣшимостію и исполнять его безъ уклоненія и поблажки себѣ, или человѣкоугодію, пользуясь такимъ образомъ для удобренія нивы сердца своего и нечистотами.

Кончивъ испытаніе, за все исправное возблагодари Бога, никакой не присвояя себѣ въ томъ части; ибо воистину *Онъ есть дѣйствуяй въ насъ и еже хотѣти, и еже дѣяти* (Фил. 2, 13), и безъ Него не можемъ мы творить ничего добраго (Іоан. 15, 5). Возблагодаривъ же Бога, забудь то, подражая св. Павлу, чтобъ по его же примѣру съ большимъ усердіемъ *простираться въ предняя* (Фил. 3, 13). Во всемъ же неисправномъ покайся и сокрушись предъ Господомъ, окаявая себя, что на твоей трапезѣ предложенія никогда не приносишь Ему совершенно чистыхъ хлѣбовъ, а все съ мякиной и соромъ, и твердое полагая намѣреніе строго слѣдить за собой въ слѣдующій день, чтобъ ничего не прорыва-

лось недолжнаго, не только въ дѣлахъ и словахъ, но и въ мысляхъ и чувствахъ.

Внимающіе себѣ все сіе, т.-е. и испытаніе и только что указанное заключительное его дѣйствіе,—совершаютъ среди самаго теченія дѣлъ дня; такъ что вечеромъ испытаніе совѣсти бываетъ у нихъ только повтореніемъ дневнаго, его исправленіемъ и пополненіемъ. И нельзя не согласиться, что такой образъ дѣйствованія лучше и естественнѣе. Отъ совѣсти не укроешь, что допущено недобраго; замѣтивъ же то, она тотчасъ и безпокоиться начинаетъ. Не естественнѣе ли тотчасъ же и успокоить ее самоосужденіемъ, сокрушеніемъ и опредѣленіемъ впередъ быть исправнымъ, чѣмъ оставлять это до вечера?

Приложу тебѣ еще одно-другое указаніе на этотъ предметъ.

Сколько можно строже разбирай дѣла свои, и углубляйся въ производство ихъ, и потомъ судъ произноси надъ собою нещадный. Чѣмъ глубже будешь вникать во все бывающее въ тебѣ и отъ тебя, и неправое устранять, а въ правомъ утверждаться, тѣмъ скорѣе очистится совѣсть твоя: подобно какъ чѣмъ глубже роются ископывая колодезь, тѣмъ чище бываетъ въ немъ вода.

Совѣсть, узнавъ правое и неправое, не престанетъ уже требовать дѣйствованія сообразно съ первымъ, и преслѣдовать судомъ и угрызеніемъ за допущеніе втораго. Но пока она дойдетъ до полнаго вѣдѣнія о томъ и другомъ, или пока стяжетъ *чувствія обучена въ разсужденіи добра же и зла* (Евр. 5, 14). и станетъ такимъ образомъ въ себѣ самой имѣть очи видѣти,—она состоитъ въ нѣкоторой зависимости съ сей стороны отъ другихъ душевныхъ силъ, и особенно разсужденія. Разсужденіе же, пока сердце не очистится отъ

страстей, нерѣдко бываетъ подкупаемо послѣдними, и обставляетъ дѣла многими извиненіями, которыя, отуманивая око совѣсти, вводятъ ее въ заблужденіе, и она признаетъ иной разъ черное бѣлымъ. Почему, пока ты состоишь еще въ борьбѣ со страстьми, ставь, при испытаніи себя, дѣла свои предъ зерцаломъ слова Божія и имъ руководствуйся при опредѣленіи ихъ качества и достоинства, и при этомъ не стыдись и не лѣнись учащать къ духовному отцу своему.

Начинай и оканчивай обсужденіе дѣлъ своихъ усердною молитвой, да дастъ тебѣ Господь очи увидѣть сокровенности сердца своего: ибо *глубоко сердце человѣку паче всѣхъ, и кто познаетъ его* (Іер. 17, 9)? Никто какъ *Богъ*, Который *болій есть сердца нашего и вѣсть вся* (1 Іоан. 3, 20), *Единъ вѣсть сердца всѣхъ сыновъ человѣческихъ* (3 Цар. 8, 39). Есть глубоко въ сердцѣ кроющіяся неправыя чувства, которыя иной разъ мелькомъ проскользая въ дѣла, а иной разъ и не бывъ замѣчены, обдаютъ ихъ вонею грѣховною. Вотъ и молись съ пророкомъ Давидомъ: *отъ тайныхъ моихъ очисти мя* (Пс. 18, 13).

Глава девятая.

О приготовленіи къ брани съ врагами въ часъ смертный.

Хотя вся жизнь наша на землѣ есть непрестанная брань и намъ предлежитъ вести ее до самаго конца; но главнѣйшая и рѣшительнѣйшая брань ожидаетъ насъ въ часъ смерти. И кто падаетъ въ сей моментъ, тому уже не встать. И не дивись сему. Ибо если врагъ дерзалъ приступать къ безгрѣшному Господу въ концѣ земныхъ дней Его, какъ сказалъ Самъ Господь: *грядетъ міра сего князь, и во Мнѣ не иматъ ни-*

чесоже (Іоан. 14, 30); то что можетъ удержать его отъ нападенія на насъ грѣшныхъ въ концѣ нашей жизни? И св. Василій Великій говоритъ въ толкованіи 7-го Псалма на слова: *да не когда похититъ, яко левъ душу мою, не сущу избавляющу, ниже спасающу* (—3), что самые неутомимые борцы, всю жизнь неопустительно боровшіеся съ демонами и избѣгшіе ихъ сѣтей и устоявшіе противъ нападеній ихъ, въ концѣ жизни подвергаются князему вѣка сего осмотру, не окажется ли въ нихъ чего-либо грѣшнаго; и тѣ, у которыхъ найдутся раны, или пятна и отпечатки грѣха, удерживаются ими въ своей власти, а тѣ, у которыхъ не найдется ничего такого, минуютъ его свободно и упокоеваются со Христомъ,

Если такъ есть дѣло, то нельзя не поимѣть сего въ виду и напередъ готовиться встрѣтить часъ тотъ, чтобъ благоуспѣшно прейти его. Приготовленіемъ къ тому должна служить вся жизнь. Ты окажешься добрѣ приготовленнымъ къ тому часу, если въ продолженіе всей данной тебѣ временной жизни, будешь мужественно бороться со врагами своего спасенія. Пріобрѣтши во время жизни добрый навыкъ добрѣ побѣждать враговъ, ты и въ часъ смерти легко стяжешь вѣнецъ побѣды.

Также чаще помышляй со вниманіемъ о смерти, приводя на мысль все, имѣющее тогда случиться. Если будешь такъ поступать, то часъ тотъ не неожиданно застанетъ тебя; почему не устрашитъ тебя, или не сильно устрашитъ, и душа твоя, не разслабляемая страхомъ, окажется болѣе крѣпкою и сильною къ подъятію брани и преодолѣнію врага. Мірскіе люди бѣгаютъ помышленія и воспоминанія о смерти, чтобъ не пресѣкать своихъ чувственныхъ утѣхъ и наслажденій, которыя не совмѣстимы съ памятію смертною. Отъ

этого у нихъ все болѣе и болѣе растетъ и крѣпнетъ привязанность къ благамъ міра, не встрѣчая ничего поперечащаго ей. За то, когда придетъ время разлучиться съ жизнію и со всѣми любимыми вещами и утѣхами, они непомѣрно мятутся, мучатся и ужасаются.

Чтобы такое помышленіе о смерти принесло весь свой плодъ, надлежитъ тебѣ при семъ, поставляя себя мысленно въ состояніе умирающаго, въ тѣснотахъ и томленіяхъ предсмертныхъ, представлять живо и могущія напасть на тебя тогда искушенія вражескія, съ воспроизведеніемъ вмѣстѣ и тѣхъ мыслей и чувствъ, какія сильны отразить ихъ. Какія именно возможны тогда вражескія нападенія и какъ отразить ихъ, я изложу тебя вслѣдъ за симъ, чтобъ ты, пока живъ, навыкъ мысленнему въ нихъ упражненію, а когда придетъ часъ смерти, употребилъ ихъ и дѣломъ. Ибо ту брань и тотъ бой, который имѣетъ быть только однажды, надо умѣть и навыкнуть хорошо принять и поднять тому, кому неизбѣжно встрѣтить ихъ, чтобъ не сдѣлать ошибки, и не потерпѣть потери, какихъ уже поправить нельзя.

Глава десятая.

О четырехъ, бывающихъ въ часъ смерти, искушеніяхъ вражескихъ. Первое искушеніе противъ вѣры и о способѣ преодолѣнія его.

Четыре главныхъ и опаснѣйшихъ искушеній, каковымъ въ часъ смерти обыкновенно подвергаютъ насъ враги наши—демоны: 1) колебанія вѣры, 2) отчаяніе, 3) тщеславіе, 4) разные образы, въ какіе облекаются демоны и какіе представляютъ отходящимъ.

Что касается до перваго, то когда злокозненный врагъ начнетъ всѣвать въ тебя помыслы невѣрія или,

явясь видимо, заговорить противъ вѣры, ты, не входя съ нимъ въ споръ, самъ въ себѣ возставь вѣру въ то, на что онъ нападаетъ, и скажи ему со святымъ негодованіемъ: „отойди прочь съ глазъ моихъ, сатана, отецъ лжи. Я и слушать тебя не хочу; отъ всей души всегда вѣровалъ и вѣрую во все, во что вѣруетъ мать моя, святая Церковь. И этого для меня довлѣетъ.“— И отнюдь не допускай помысловъ невѣрія, и стой твердо, по слову Писанія: *аще духъ владѣющаго найдетъ на тя, мѣста твоего не остави* (Еккл. 10, 4). Сознай живѣе и держись сего сознанія, что тутъ одна кознь діавола, покушающагося смутить тебя въ послѣдній твой часъ. Если не сможешь твердо стоять умомъ, стой бодренно желаніемъ и чувствомъ, не позволяй имъ преклониться къ внушаемому, хотя бы оно прикрываемо было изреченіями Писанія, приводимыми душегубцемъ-врагомъ: ибо что бы изъ Писанія ни напоминалъ онъ тебѣ, все то на пагубу тебѣ направляется посредствомъ криваго толкованія и извращенія истины словесъ Божіихъ.

Если змій сей злокозненный спроситъ тебя: а чему учитъ Церковь? не отвѣчай, и вниманія не обращай на слова его, презирая его; но вѣдая, что онъ есть одна ложь и лукавство, и что началъ говорить съ тобой, чтобъ поймать тебя на словахъ, погрузись въ созерцаніе вѣры въ вѣрующемъ сердцѣ своемъ. Впрочемъ если чувствуешь себя крѣпкимъ въ вѣрѣ и сильнымъ въ помыслѣ, и желаешь посрамить врага, отвѣть ему, что святая Церковь вѣруетъ тому, что единая есть истина. Если онъ опять спроситъ, какая же это истина? скажи ему: та, въ которую онъ вѣруетъ, именно, что Христосъ Господь крестомъ поразилъ тебя во главу и сокрушилъ власть твою. И затѣмъ прилѣпись взоромъ ума своего къ созерцанію распеншагося за

насъ Господа, и помолись Ему: „Боже мой, Творче и Избавителю! ускори на помощь мнѣ, и не дай мнѣ поколебаться, даже малѣйше, въ истинѣ св. вѣры Твоей, — но благоволи, чтобъ я, какъ родился по благости Твоей въ истинѣ сей, такъ въ ней же пребывая кончилъ и жизнь мою смертную во славу имени Твоего."

Глава одиннадцатая.

Второе искушение въ часъ смерти—отчаяніемъ.

Второе искушеніе въ часъ смерти, которымъ врагъ покушается поразить насъ въ конецъ, есть страхъ при воспоминаніи множества грѣховъ нашихъ. Страха сего миновать нельзя; но онъ умѣряется вѣрою въ искупленіе грѣховъ нашихъ крестною смертію Христа Спасителя. Врагъ же, помрачая сію вѣру, страхъ за грѣхи раздуваетъ до того, что онъ подавляетъ всякую надежду спасенія и поражаетъ безнадежіемъ и отчаяніемъ. Почему, брате мой, напередъ готовься къ отраженію сего нападенія, и отселѣ еще замышляй, приближаясь къ вратамъ смерти, крѣпче держать побѣдное наше знаменіе — крестъ Христовъ, т.-е. водруженною въ сердцѣ имѣть крѣпкую вѣру въ искупительную силу крестной смерти Господа. Когда же, самымъ дѣломъ вступая въ сіи врата, ощутишь нападки нечаянія, прежде всего поспѣши сознать, что они суть дѣйствія вражескія, а не естественныя порожденія воспоминанія своихъ грѣховъ. Такому воспоминанію свойственно порождать смиреніе, сокрушеніе и скорбь сердечную объ оскорбленіи Бога праведнаго, но и всемилостиваго; почему оно, хотя поражаетъ страхомъ, но такимъ, который не погашаетъ

надежды на милость Божію, и будучи сею растворяемъ, даетъ мѣсто дерзновенному упованію спасенія, отражая всякое чувство отверженности. Вѣдая сіе, ты не можешь не признать, что коль скоро воспоминаніе грѣховъ подавляетъ тебя и ввергаетъ въ отчаяніе, погашая всякую надежду спасенія и поражая страхомъ отверженности, то все это есть наважденіе діавольское. Сознавъ же это, тебѣ уже не трудно будетъ паче упованія возуповать: что и разгонитъ всякое нечаяніе.

Упованіе паче упованія погружаетъ въ созерцаніе милосердія Божія, въ бездну коего восчувствовавшій его и повергаетъ презѣльное множество грѣховъ своихъ, утверждаясь на крѣпкомъ убѣжденіи, что Богъ спасенія нашего хощетъ и ищетъ, а не пагубы. Крѣпиться же сіе убѣжденіе можетъ и всегда, а наипаче тогда, только на безпредѣльной силѣ крестной смерти Господа Спасителя. Почему, какъ всегда надлежитъ намъ укрываться подъ сѣнь креста, такъ тѣмъ паче тогда. И вотъ какою молитвой прилично тебѣ, вступая во врата смерти, возмолиться къ Господу Богу твоему: „Господи! множество имѣю я причинъ опасаться, чтобъ Ты не осудилъ меня и не отвергъ за грѣхи мои по правдѣ Твоей; но еще большее имѣю дерзновеніе надѣяться на помилованіе по безпредѣльному милосердію Твоему, во Христѣ Іисусѣ, Искупителѣ нашемъ и Спасителѣ. Почему умоляю безмѣрную Твою благость, пощади меня бѣдную тварь, осуждаемую грѣхами своими, но омываемую безцѣнною кровію Сына Твоего и Бога нашего, да воспрославлю Тебя во вѣки. Всего себя предаю въ руки Твои; сотвори со мной по милости Твоей. Ты — единый Владыка жизни моей."

Глава двѣнадцатая.

Третье искушеніе въ часъ смерти—тщеславіемъ.

Третье искушеніе въ часъ смерти бываетъ искушеніе тщеславіемъ и самоцѣненіемъ, внушающими уповать на себя самого и дѣла свои. Почему, какъ всегда, такъ наипаче въ часъ смерти, отнюдь не допускай вниманію своему останавливаться на себѣ и своемъ, и вдаваться въ довольство собой и дѣлами своими, хотя бы ты преуспѣвалъ въ добродѣтеляхъ паче всѣхъ святыхъ. Но довольство твое все да будетъ въ Богѣ и уповай всецѣло на одно милосердіе Его и страданія Господа Спасителя, да спасешься, всячески уничижая себя предъ очами своими до послѣдняго издыханія своего. И если случится, что тебѣ придетъ на умъ какое-либо твое доброе дѣло, помышляй, что это Богъ совершилъ его въ тебѣ и тобой, а не ты, и что оно отъ Него единаго произошло.

Прибѣгай подъ кровъ милосердія Божія; однакожъ не позволяй себѣ чаять его, какъ какого воздаянія тебѣ за многія и великія брани, выдержанныя тобой, и побѣды одержанныя въ нихъ. Стой всегда въ спасительномъ страхѣ, исповѣдуя искренно, что всѣ твои рвенія, усилія и подвиги были бы тщетны и безплодны, еслибъ Богъ не взялъ ихъ подъ крылѣ благоволенія Своего, не посодѣйствовалъ имъ, и не дѣйствовалъ въ нихъ. На сіе милостивое благоволеніе Божіе и теперь возложи все упованіе свое.

Если послѣдуешь этимъ совѣтамъ моимъ, то, будь увѣренъ, враги твои въ часъ смерти никакого не будутъ имѣть успѣха въ нападеніяхъ своихъ на тебя. И откроется тебѣ свободный путь, коимъ съ радостію

прейдешь ты изъ юдоли земной въ небесный Іерусалимъ, вожделѣнное отечество твое.

Глава тринадцатая.

Четвертое искушеніе въ часъ смерти — призраками.

Еслибъ врагъ нашъ, злой, лукавый и упорный, никогда не утомляющійся искушать насъ, восхотѣлъ въ часъ смерти тебя и соблазнить какими-либо призраками, видѣніями и преображеніями въ ангела свѣтла, ты стой твердо въ сознаніи своей скудости и своего во всемъ ничтожества. И скажи ему съ сердцемъ мужественнымъ и небоязненнымъ: „возвратись, окаянный, во тьму свою. Какъ недостойному, мнѣ не подобаютъ видѣнія и откровенія. Одно мнѣ нужно—безмѣрное благоутробіе Господа моего Іисуса Христа, молитвы и заступленія Владычицы нашея Богородицы и Приснодѣвы Маріи и всѣхъ святыхъ.“ Хотя бы, по нѣкоторымъ явнымъ признакамъ, подумалось тебѣ, что видишь истинныя видѣнія, Богомъ тебѣ данныя; и въ такомъ случаѣ не спѣши вѣрить имъ, а скорѣе погрузись въ сознаніе своего недостоинства и ничтожества. Не бойся,что оскорбишь тѣмъ Бога; потому что Ему никогда не бываютъ непріятны наши смиренныя чувства. Если такія видѣнія нужны для тебя, то Богъ знаетъ, какъ сдѣлать, чтобъ ты не закрывалъ отъ нихъ очей своихъ, обезвинивъ твою косность въ вѣрованіи, что они отъ Бога. Подающій благодать смиреннымъ не отниметъ ея за дѣйствія, какія они творятъ по смиренію.

Таковы наиболѣе употребительныя оружія, какими врагъ нападаетъ на насъ въ послѣдній часъ смертный. Но онъ употребляетъ на это и всякую другую страсть, какою кто изъ умирающихъ обладаемъ былъ въ жиз-

ни и на какую наиболѣе былъ падокъ, и старается возбудить ее, чтобъ онъ отошелъ въ страстномъ настроеніи, имѣющемъ рѣшить и участь его. Посему-то прежде приближенія часа брани оной великой, надлежитъ намъ, возлюбленные, вооружиться противъ сильнѣйшихъ страстей своихъ и мужественно вступивъ въ брань съ ними, преодолѣть ихъ и очиститься отъ нихъ, чтобъ облегчить себѣ побѣду и тогда, въ часъ твой послѣдній, который можетъ найти въ каждое мгновеніе. Всякому въ семъ отношеніи говоритъ Господь: *воюй ихъ, дондеже скончаеши ихъ* (1 Цар. 15, 18).

Глава четырнадцатая.

О духовномъ мирѣ сердца.

Сердце твое, возлюбленный, создано Богомъ для того одного, чтобъ оно любило Его единаго и служило Ему обителію. Почему Онъ взываетъ къ тебѣ, чтобы ты предалъ Ему свое сердце, говоря: *сыне, даждь Ми сердце* (Прит. 23, 26). Но какъ Богъ есть миръ, превосходящій всякій умъ, то всячески необходимо, чтобъ сердце, хотящее пріять Его въ себя, было мирно и свободно отъ всякаго смятенія; ибо только *въ мирѣ мѣсто Его*, какъ поетъ св. Давидъ (Пс. 75, 3). Попекись же паче всего установить и утвердить сердце свое въ мирномъ устроеніи; такъ чтобы всѣ твои добродѣтели, всѣ дѣланія и подвиги были направлены къ стяжанію сего мира, наипаче же твои доблестныя дѣла борьбы съ врагами твоего спасенія, какъ сказалъ великій безмолвникъ Арсеній: „все твое попеченіе обрати на то, чтобъ внутреннее твое устроеніе было по Богу, и побѣдишь внѣшнія страсти.“

Миръ сердца возмущаютъ страсти; не допускай страстей до сердца, и оно всегда будетъ мирно. Борецъ въ невидимой брани стоитъ во всеоружіи у вратъ сердца и отражаетъ покушающихся войти въ него и возмутить его. И пока мирно сердце, побѣда надъ нападающими не затруднительна. Миръ сердца—и цѣль брани духовной, и самое мощное средство для одержанія побѣды въ ней. Почему, когда страстное смятеніе прокрадется въ сердце, не бросайся на страсть, чтобъ побороть ее, а сойди поскорѣе въ сердце, и напрягись умирить его. Какъ только умирится сердце, и борьбѣ конецъ.

Жизнь человѣка не что иное есть, какъ непрерывная брань и непрестанное искушеніе, какъ сказалъ Іовъ: *не искушеніе ли житіе человѣку на земли* (7, 1)? Искушеніе вызываетъ борьбу,—и вотъ брань. По причинѣ сей-то брани должно тебѣ всегда бодрствовать, и всякимъ храненіемъ блюсти сердце свое и надзирать надъ нимъ, чтобъ оно было мирно и упокоенно. Когда подымется въ душѣ твоей какое-либо смутительное движеніе, возстань съ ревностію на подавленіе его и умиротвореніе сердца, чтобъ не уклониться тебѣ съ правой стези, подъ дѣйствіемъ сего смятенія. Ибо сердце человѣческое похоже на гирю часовую и на руль корабельный. Облегчи или утяжели гирю, тотчасъ измѣнится движеніе всѣхъ колесъ часовыхъ и стрѣлки часовъ перестанутъ быть вѣрными указателями времени. Подвинь направо или налѣво руль, тотчасъ измѣнится движеніе корабля, и онъ сойдетъ съ того направленія, котораго держался прежде. Такъ, когда сердце приходитъ въ смятеніе, все внутреннее наше приходитъ въ безпорядочное движеніе и самый умъ теряетъ правость умствованія своего. Вотъ почему необходимо поскорѣе умирять сердце, какъ только оно

смутится чѣмъ-либо, внутреннимъ или внѣшнимъ, во время ли молитвы, или во всякое другое время.

И вѣдай, что тогда только будешь ты умѣть хорошо молиться, когда научишься добрѣ дѣйствовать въ подвигѣ сохраненія внутренняго мира своего. Сюда и направляй свое вниманіе, обдумывая, какъ достигнуть, чтобы всякое дѣло твое дѣлалось въ мирѣ сердца, съ удовольствіемъ и радостію. Кратко скажу, что непрестаннымъ подвигомъ всей жизни твоей должно быть храненіе мира сердца твоего, не допуская его приходить въ какое-либо безпорядочное смятеніе, и всѣ дѣла свои дѣлая подъ сѣнію сего мира, тихонравно, какъ написано: *чадо, въ кротости* (тихости), *дѣла твоя препровождай* (Сир. 3, 17), да сподобишься обѣщаемаго тихонравнымъ блаженства: *блажени кротцыи, яко тіи наслѣдятъ землю* (Мѳ. 5, 5).

Глава пятнадцатая.

О способахъ къ храненію мира внутренняго.

Для сохраненія внутренняго мира 1) прежде всего держи въ порядкѣ свои внѣшнія чувства и бѣгай вольности во внѣшнемъ своемъ поведеніи, — именно, не смотри, не говори, не махай руками, не шагай и ничего другаго не дѣлай какъ-нибудь смятенно, но всегда благочинно и тихо. Привыкши держать себя съ благочинною тихостію во внѣшнихъ своихъ движеніяхъ и дѣлахъ, легко и безъ труда достигнешь того, чтобъ мирствовать въ себѣ самомъ, въ своемъ сердцѣ; ибо, по свидѣтельству отцевъ, внутренній человѣкъ настроеніе свое пріемлетъ отъ внѣшняго.

2) Расположись любить всѣхъ людей и со всѣми жить въ согласіи, какъ заповѣдуетъ св. Павелъ: *аще*

возможно, еже отъ васъ, со всѣми человѣки миръ имѣйте (Рим. 12, 18).

3) Храни совѣсть свою незапятнанною, чтобы она ни въ чемъ не обличала тебя, и ни за что не грызла, но была мирна и въ отношеніи къ Богу, и въ отношеніи къ тебѣ самому, и въ отношеніи къ ближнимъ, и въ отношеніи ко всѣмъ внѣшнимъ вещамъ. Такое храненіе совѣсти и раждаетъ, и углубляетъ, и множитъ миръ внутренній, какъ увѣряетъ св. Давидъ: *миръ многъ любящимъ законъ Твой, и нѣсть имъ соблазна* (Пс. 118, 165).

4) Навыкай безъ смущенія сносить всякія непріятности и оскорбленія. То правда, что прежде чѣмъ пріобрѣтешь такой навыкъ, много придется тебѣ помучиться и пострадать сердцемъ, по неопытности въ управленіи себя въ такихъ случаяхъ; за то, когда пріобрѣтешь его, душа твоя начнетъ почерпать великое утѣшеніе изъ самыхъ встрѣчающихся непріятностей. При рѣшимости, день ото дня все лучше и лучше будешь ты управляться съ собой, и скоро дойдешь до того, что будешь умѣть въ мирѣ хранить духъ свой, при всѣхъ бурностяхъ совнѣ и внутри.

Если случится иной разъ, что ты не сможешь управиться съ сердцемъ своимъ и, отгнавъ тугу и скорбь, водворить миръ въ немъ, прибѣгни къ молитвѣ и поприлежи ей, подражая Господу Спасителю, Который въ саду Геѳсиманскомъ три раза помолился, чтобъ дать тебѣ примѣръ, что во всякой скорби и тугѣ сердечной прибѣжищемъ должно имѣть тебѣ молитву, и что, какъ бы ты ни былъ опечаленъ и омалодушенъ, не слѣдуетъ тебѣ отступать отъ нея, пока не дойдешь до того, что воля твоя совершенно согласится съ волею Божіею, и сердце твое умиротворившись тѣмъ, исполнится мужественнаго дерзновенія, съ радостію

встрѣтить, принять и перенести то, чего предъ симъ страшилось и желало избѣгнуть, какъ и Господь ужасался, тужилъ и прискорбенъ былъ, по молитвѣ же, умиротворившись, спокойно сказалъ: *востаните, идемъ: се приближися предаяй Мя* (Мѳ. 26, 46).

Глава шестнадцатая.

Мало-по-малу установляется миръ въ сердцѣ.

Имѣй постоянную заботу о томъ, чтобъ не допускать сердца своего до смущенія и тревогъ, но всячески напрягайся держать его въ мирномъ и покойномъ настроеніи. И Богъ, видя, какъ ты о семъ трудишься и подвизаешься, благодатію Своею устроитъ въ душѣ твоей градъ мира, и сердце твое сдѣлается тогда домомъ утѣшенія, какъ это иносказательно разумѣется въ слѣдующемъ изреченіи псаломскомъ: *Iерусалимъ, зиждемый яко градъ* (121, 3). Того только желаетъ отъ тебя Богъ, чтобъ ты всякій разъ, какъ случится тебѣ встревожиться чѣмъ, тотчасъ возстановлялъ въ себѣ миръ, и мирствовалъ такимъ образомъ во всѣхъ дѣлахъ своихъ и занятіяхъ. Вѣдай, что имѣешь для сего потребу въ терпѣніи. Ибо какъ не въ одинъ день устрояется городъ, такъ не думай въ одинъ день стяжать и внутренній миръ. Ибо и это не что иное есть, какъ устроеніе дома для Бога мира и скиніи для Всевышняго, да будешь храмомъ для Него. Вѣдай также, что Самъ Богъ есть и устроитель въ тебѣ сего дома, и безъ Него тщетенъ будетъ всякій о семъ трудъ твой, какъ написано: *аще не Господь созиждетъ домъ, всуе трудишася зиждущіи* (Пс. 126, 1). Вѣдай и еще, что главное основаніе сего сердечнаго мира есть смиреніе, и то, чтобъ избѣгать дѣлъ, занятій и начинаній тре-

вожныхъ и хлопотливыхъ. Что касается до перваго, то кому не извѣстно, что смиреніе, миръ сердечный и кротость такъ тѣсно соединены между собой, что гдѣ есть одно, тамъ есть и другое; кто тихъ сердцемъ и кротокъ, тотъ и смиренъ, и наоборотъ, кто смиренъ сердцемъ, тотъ кротокъ и миренъ. Почему и Господь поставилъ ихъ въ неразрывномъ союзѣ, когда сказалъ: *научитеся отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ* (Мѳ. 11, 29). Относительно же втораго видимъ прообразъ въ древней исторіи, именно въ томъ, что Богъ хотѣлъ, чтобы домъ для Него построилъ не Давидъ, которому всю почти жизнь пришлось вести брани и быть въ тревогахъ, а сынъ его Соломонъ, который, по имени своему, былъ царемъ мирнымъ и ни съ кѣмъ не велъ браней.

Глава семнадцатая.

Для мира сердца надо убѣгать почестей и любить смиреніе и нищету.

Итакъ, брате мой, если любишь миръ сердца, потщись внити въ него дверію смиренія; другаго входа въ него кромѣ смиренія нѣтъ. Для стяжанія же смиренія, понудь себя и напрягись принять въ любительныя объятія свои всякія неудовольствія и прискорбности, какъ сестръ родныхъ, и всячески убѣгать славы и почестей, желая паче быть отъ всякаго уничижаемымъ и незнаемымъ и ни отъ кого не получать попеченія и утѣшенія, кромѣ единаго Бога. Утверди въ сердцѣ своемъ, убѣдясь въ благотворности его, такой помыслъ, что Богъ есть единое благо твое и единое убѣжище, а всѣ другія вещи суть для тебя тернія, которыя, если вложишь ихъ въ сердце свое, причи-

нятъ тебѣ вредъ смертоносный. Если же случится тебѣ потерпѣть отъ кого посрамленіе, не печалься о томъ, но перенеси то съ радостію, держа увѣренность, что тогда Богъ съ тобой. И не желай другой чести и не ищи ничего другаго, какъ страдать за любовь къ Богу и за то, что служитъ къ наибольшей для Него славѣ.

Понудь себя и понасиль радоваться, когда кто скажетъ тебѣ оскорбительное слово, или осудитъ тебя, или презрѣніе тебѣ покажетъ. Потому что подъ такимъ поношеніемъ и безчестіемъ сокрыто великое сокровище, и если ты благоохотно примешь ихъ, то скоро очень окажешься богатымъ духовно, о чемъ знать не будетъ даже и тотъ, кто сдѣлаетъ тебѣ такое благодѣяніе, т. е. тотъ, кто нанесетъ тебѣ безчестіе. Не ищи никогда, чтобъ тебя любилъ кто въ этой жизни и почиталъ тебя, чтобъ тебѣ свободнѣе было спострадать Христу распятому, ни отъ кого и ни отъ чего не встрѣчая въ томъ препятствія. Берегись себя самого, какъ злѣйшаго какого врага своего, и не слѣдуй волѣ своей, ни уму своему, ни своему вкусу и чувству, если не хочешь потеряться. Потому держи всегда наготовѣ оружія противъ себя самого, и когда хотѣніе твое склонится на что-нибудь, хотя бы святое, положи его одно, обнаженное отъ всего сторонняго, предъ Богомъ твоимъ съ глубочайшимъ смиреніемъ, умоляя Его, да будетъ въ этомъ Его, а не твоя воля; и сдѣлай это, съ искренно-сердечнымъ преданіемъ себя въ волю Божію, безъ всякой примѣси самолюбія, зная, что самъ въ себѣ ты ничего не имѣешь и самъ-по-себѣ ничего сдѣлать не можешь въ дѣлѣ твоего спасенія.

Блюди себя отъ помысловъ, которые представляются святыми и разжигаютъ неразумную по нимъ ревность, о которыхъ иносказательно говоритъ Господь:

внемлите отъ лживыхъ пророкъ, иже приходятъ къ вамъ во одеждахъ овчихъ, внутрь же суть волцы хищницы. Отъ плодъ ихъ познаете ихъ (Мѳ. 7, 15). Плодъ же есть томленіе и крушеніе духа. Вѣдай, что все, что удаляетъ тебя отъ смиренія и отъ внутренняго мира и спокойствія, подъ какимъ бы то краснымъ видомъ ни представлялось, все это —лживые пророки, которые, прикрываясь овчею одеждой, т.-е. лицемѣрною ревностію облагодѣтельствовать ближняго безразборно, суть воистину волки хищные, похищающіе у тебя смиреніе, миръ и спокойствіе, столь необходимыя для всякаго, кто желаетъ прочно успѣвать въ духовной жизни. И чѣмъ болѣе какое дѣло по видимости представляется окрашеннымъ святостію, тѣмъ строжайшему должно оно быть подвергнуто тобой изслѣдованію, безъ задора однакожъ и тревожности. Если случится иной разъ впасть при этомъ въ ошибку, не поддавайся малодушію, но смирись предъ Богомъ и, сознавъ немощь свою, возьми изъ сего урокъ на будущее время. Ибо, можетъ быть, Богъ попустилъ это, чтобъ смирить въ тебѣ какую-либо черту гордыни, сокрытой въ тебѣ и тебѣ самому невѣдомой.

Когда почувствуешь, что душа твоя уязвляется какимъ-либо остномъ ядовитаго тернія, т.-е. страстію, или помысломъ страстнымъ, не мятись отъ этого, но усугубь вниманіе и напрягись не допустить ихъ до сердца, ставъ противъ нихъ лицемъ съ сопротивленіемъ имъ и сердце держа за собой недосязаемымъ для нихъ и чистымъ предъ Богомъ, Котораго такимъ образомъ ты всегда будешь имѣть сущимъ внутрь тебя, въ глубинѣ твоего сердца, ради чистоты настроенія его. Въ то же время осѣняй свое внутреннее убѣжденіемъ, что все бывающее съ тобой и въ тебѣ бываетъ для испытанія тебя и обученія, чтобъ ты научился наконецъ

вѣрно распознавать, что спасительно для тебя, и слѣдуя тому, сподобился получить вѣнецъ правды, уготованный тебѣ благостію Божіею.

Глава осьмнадцатая.

Необходимо душѣ пребывать уединенною въ себѣ, чтобъ Богъ осѣнилъ ее миромъ Своимъ.

Такъ какъ Богъ боговъ и Господь господъ для того благоволилъ создать душу твою, да будетъ она обиталищемъ и храмомъ собственно для Него самого, то тебѣ надлежитъ имѣть ее въ большомъ почетѣ и не допускать ее унижаться склоненіемъ на что-нибудь низшее ея. Все желаніе твое и чаяніе да будетъ всегда обращено къ сему невидимому посѣщенію Божію. Но вѣдай, что Богъ не посѣтитъ души твоей, если не найдетъ ее уединенною въ себѣ самой. Богъ хощетъ, чтобъ она была уединенна въ себѣ, т.-е. была безъ всякихъ помысловъ, сколько можетъ, безъ всякихъ пожеланій, наипаче же безъ собственной своей воли. Въ послѣднемъ отношеніи не слѣдуетъ тебѣ самому-по-себѣ, безъ разсужденія, принимать какіе-либо строгіе подвиги и лишенія произвольныя, или искать поводовъ какъ-нибудь пострадать по любви къ Богу, слѣдуя одному внушенію собственной воли. На это должно тебѣ имѣть совѣтъ духовнаго отца твоего, который руководитъ тебя какъ намѣстникъ Божій. Его и во всемъ слушай, и Богъ, посредствомъ его дѣйствительно направитъ волю твою на то, что самъ хощетъ и находитъ благотворнымъ для тебя. Никогда ничего не дѣлай по одной волѣ своей, но да дѣлаетъ въ тебѣ самъ Богъ одно то, чего желаетъ отъ тебя. Хотѣніе твое да стоитъ всегда свободно отъ тебя са-

мого. т.-е. самъ собой не хоти ты ничего и если похощешь чего, да будетъ хотѣніе твое таково, чтобъ, будетъ ли то, чего хощешь, или нѣтъ, или даже будетъ противоположное тому, нисколько не скорбѣть о томъ, но быть покойну духомъ, какъ бы ты ничего и совсѣмъ не хотѣлъ.

Такое настроеніе и есть истинная свобода сердца и уединенность, когда т.-е. оно не бываетъ вяжемо ни умомъ, ни волею, въ отношеніи къ чему-либо. Если такимъ образомъ представишь ты Богу душу свою столь упраздненною, свободною и единичною въ себѣ, то увидишь, какія дивныя дѣйствія возблаговолитъ Онъ, произвести въ ней; главное же Онъ осѣнитъ тебя божественнымъ миромъ, который есть даръ, имѣющій содѣлаться въ тебѣ вмѣстилищемъ всѣхъ другихъ даровъ, какъ говоритъ великій Григорій Солунскій (въ словѣ къ монах. Ксеніи, Греч. Доброт. стр. 944). О, дивная объединенность, сокровенная сокровищница Всевышняго, въ которой одной благоволитъ Онъ слушать обращаемыя къ Нему бесѣды твои, и Самъ бесѣдовать къ сердцу души твоей! О, пустынь и уединилище, въ коемъ созиждился рай! Ибо въ немъ одномъ даетъ Богъ доступъ видѣть Его и бесѣдовать къ Нему. *Мимошедъ увижду видѣніе великое сіе* (купину), говоритъ Моисей въ чувственной, умными однакожъ созерцаніями богатой, пустыни Синайской (Исх. 3, 3). Но если и ты желаешь сподобиться того же, необувенными вступи ногами на мѣсто сіе, ибо земля сія свята. Обнажи прежде ноги твои, т.-е. расположеніе души твоей, и да будутъ онѣ обнажены и свободны отъ всякой земной вещи. Не бери ни сумы, ни жезла въ путь сей, какъ заповѣдывалъ Господь ученикамъ Своимъ (Лук. 10, 4). Тебѣ не слѣдуетъ уже желать ничего отъ міра сего, и никого не при-

вѣтствуй на семъ пути, какъ повелѣвалъ отроку своему Елисей и Господь заповѣдывалъ ученикамъ Своимъ, — весь свой помыслъ, все расположенiе и всю любовь обращая къ единому Богу, а не къ тварямъ какимъ *Остави мертвымъ погребать своихъ мертвецовъ* (Мѳ. 8, 22); ты же теки одинъ землею живыхъ, и смерть да не имѣетъ въ тебѣ части.

Глава девятнадцатая.

О благоразумiи въ дѣлахъ любви къ ближнимъ для мира душевнаго.

Господь сказалъ въ Евангелiи, что Онъ пришелъ воврещи огнь любви на землю сердца нашего, и что Ему очень желательно, чтобъ огнь сей скорѣе возгорѣлся (Лук. 12, 49). Любовь къ Богу не имѣетъ мѣры, какъ любимый Богъ—предѣла и ограниченiя. Но любовь къ ближнимъ должна имѣть свой предѣлъ и ограниченiе. Если ты не будешь держать ее въ подобающихъ ограниченiяхъ, то она можетъ удалить тебя отъ любви къ Богу, причинить тебѣ большой вредъ, ввергнуть тебя въ пагубу. Воистину долженъ ты любить ближняго, но такъ, чтобъ чрезъ то не причинить вреда душѣ своей. Дѣлай всѣ дѣла свои просто и свято, не имѣя въ виду ничего другаго, кромѣ одного благоугожденiя Богу; и это охранитъ тебя въ дѣлахъ любви къ ближнимъ отъ всякихъ невѣрныхъ шаговъ.

Въ дѣлахъ сихъ самое важное есть способствованiе спасенiю ближнихъ. Но тутъ нерѣдко вторгается ревность не по разуму, которая ничего не приноситъ кромѣ вреда и ближнимъ и себѣ. Показывай примѣръ искренней вѣры и богоугодной жизни, и будешь подобно Апостоламъ благоуханiемъ Христовымъ, всѣхъ

привлекающимъ къ послѣдованію Ему. Но не докучай всѣмъ словомъ своимъ безъ разбора: этимъ только миръ разстроишь и съ другими и самъ въ себѣ. Имѣй ревность горячую и желаніе сильное, чтобы всѣ познали истину въ такомъ совершенствѣ, какъ ты ее содержишь, до опьяненія виномъ симъ, которое Богъ обѣтовалъ и всѣмъ нынѣ подаетъ безъ цѣны (Исаіи 55, 1), — такую жажду спасенія ближняго имѣй всегда; но надлежитъ, чтобъ она исходила отъ любви къ Богу, а не отъ неразумной ревности. Богъ Самъ насадитъ такую любовь къ братіямъ въ душѣ твоей по отрѣшеніи ея отъ всего, и въ свое время пріидетъ собрать плодъ отъ сего. Самъ ты по себѣ не сѣй ничего, но предноси Богу землю сердца твоего, чистую отъ всякихъ терній и волчцовъ, и Онъ посѣетъ на ней сѣмя, какъ и какое хощетъ. Сіе то сѣмя и принесетъ плодъ въ свое время.

Помни всегда, что Богъ хощетъ видѣть душу твою отрѣшенною отъ всего, чтобъ соединить ее съ Собой. Оставь Его дѣйствовать въ тебѣ, и не препятствуй Ему вмѣшательствомъ твоей воли. Сиди безъ всякаго о себѣ замысла, кромѣ одного—всегда благоугождать Богу покорностію Его волѣ. Се уже ишелъ домовладыка, и ищетъ дѣлателей въ виноградникъ Свой, по Евангельской притчѣ. Отложи всякое попеченіе и всякій помыслъ, обнажись отъ всякой о себѣ заботы и отъ всякаго пристрастія къ чему-либо временному, и Богъ одѣнетъ тебя Собою Самимъ и подастъ тебѣ то, о чемъ ты и подумать не можешь. Забудь, сколько можешь, совсѣмъ о себѣ, и да живетъ въ душѣ твоей одна любовь къ Богу.

При этомъ надлежитъ тебѣ осмотрительно умѣрять горячность ревности о другихъ, да сохранитъ тебя Господь въ мирѣ и покоѣ душевномъ. Смотри, не по-

терпѣла бы душа твоя ущерба въ своемъ главномъ благѣ, въ мирѣ сердца, отъ неразумныхъ заботъ о пользѣ другихъ. То, откуда можешь ты почерпать обогащеніе симъ благомъ, есть полная покорность души твоей Богу, съ отрѣшеніемъ отъ всего. И это дѣлай не по чаянію воздаянія тебѣ: и совсѣмъ не держи никогда въ мысли, что ты дѣлаешь что, достойное того. Богъ есть дѣйствуяй во всемъ, и отъ тебя не желаетъ Онъ ничего, кромѣ того, чтобъ ты смирялся предъ Нимъ, и Ему предавалъ душу свою свободною отъ всего земнаго, держа во глубинѣ сердца одно желаніе, да исполняется на тебѣ во всемъ и чрезъ все воля Божія.

Глава двадцатая.

Душѣ, обнажась отъ своей воли, надлежитъ предавать себя Богу.

Уповай, брате, на Бога, Который призываетъ всѣхъ, говоря: *пріидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и Азъ упокою вы* (Мѳ. 11, 28), и иди вслѣдъ сего призывнаго гласа, чая вмѣстѣ съ тѣмъ пришествія Святаго Духа. Съ закрытыми очами повергнись въ море божественнаго промышленія и благоволенія, да носятъ тебя, какъ бездушную вещь, сильныя волны воли Божіей, безъ всякаго тому сопротивленія воли твоей, чтобъ такимъ образомъ скорѣе принесену тебѣ быть въ пристань спасенія и совершенства христіанскаго. Дѣлая же сіе многократно въ день, всячески старайся, сколько можно болѣе, уединяться, какъ внутренно, такъ и внѣшно, чтобъ всѣми силами души предаться такимъ дѣланіямъ, которыя особенно сильны воздвигать крѣпкую любовь къ Богу, каковы: молитва, не-

престанное призываніе сладчайшаго имени Господа Спасителя, проливаемыя изъ любви къ Нему слезы, теплое и обрадывающее предъ Нимъ благоговѣинство. и другія духовныя дѣланія. Дѣланія же сіи да совершаются у тебя безъ принужденія и насилованія сердца, чтобъ не изнемочь тебѣ отъ неразумнаго утомленія себя нудительными упражненіями, не ожестѣть отъ того и не сдѣлаться неспособнымъ къ припятію воздѣйствій благодати. Запасись на это дѣло совѣтами опытныхъ, и совершая его, ищи навыкнуть тому. чтобъ пребывать всегда въ созерцаніи святости Божіей и неисчетныхъ Его благодѣяній, и со смиреніемъ принимай сладчайшія капли, какія уканутъ въ душу твою отъ Его неизреченной благости.

О такихъ впрочемъ проявленіяхъ Божія къ тебѣ благоволенія не докучай Богу; но смиренно стой во внутреннемъ своемъ уединилищѣ, ожидая, да исполнится на тебѣ воля Божія. И когда Богъ подастъ тебѣ ихъ безъ собственнаго твоего себя преутружденія, тогда испытаешь, какъ онѣ сладостны и доброплодны. Ключь, коимъ отверзаются таинственныя сокровищницы духовныхъ даровъ вѣдѣнія и божественной любви, есть смиреніе, самоотверженіе и преданіе себя Богу во всякое время и во всякомъ дѣлѣ. Этимъ же ключемъ заключается и дверь невѣдѣнія и холодности духовной.

Люби, сколько можешь, молча стоять съ Маріею у ногъ Христа Господа, и внимай тому, что будетъ говорить Онъ душѣ твоей. Смотри, чтобъ враги твои. изъ которыхъ самый большой ты самъ, не помѣшали сему святому твоему въ молчаніи предстоянію Господу. Когда ищешь умомъ своимъ обрѣсти Бога, да почіешь въ Немъ, не назначай Ему мѣстъ и предѣловъ своею немощною и узкою фантазіей. Ибо Онъ без-

предѣленъ и есть вездѣ и во всемъ, лучше же—все есть въ Немъ. Ты найдешь Его внутрь себя, въ душѣ своей, всякій разъ какъ истинно взыщешь Его. Богу самому желательно быть съ нами, сынами человѣческими, чтобы содѣлывать насъ достойными Себя, хотя не имѣетъ въ насъ никакой нужды.

Когда читаешь Божественныя Писанія, не то имѣй въ виду, чтобъ только прочитывать листъ за листомъ, но съ размышленіемъ вникай въ каждое слово, и когда какія слова заставятъ тебя углубиться въ себя, или произведутъ движеніе сокрушенія, или радостію духовною и любовію исполнятъ сердце твое, остановись на нихъ. Это Богъ приближается къ тебѣ; смиренно пріими Его отверзтымъ сердцемъ, такъ какъ Онъ Самъ хощетъ, да пріобщишься Его. Если ради сего придется тебѣ оставить неисполненнымъ, что положено было для сего духовнаго упражненія (т.-е. чтенія), не безпокойся о семъ. Ибо цѣль всѣхъ духовныхъ упражненій, какъ и сего, есть сподобиться вкушенія Бога, и когда оно дано, нечего останавливаться на средствахъ къ нему. Равнымъ образомъ и когда размышляешь о какомъ божественномъ предметѣ, особенно о какой-либо части страданій Христа Господа, на томъ, отъ чего придешь въ умиленіе, остановись и подольше займи тѣмъ вниманіе свое, чтобъ продлилось и чувство то святое.

Одно изъ большихъ препятствій къ сохраненію внутренняго мира есть, брате мой, связаніе себя, какъ непреложнымъ закономъ, опредѣленіемъ прочитывать въ день столько-то каѳизмъ изъ Псалтири, столько-то главъ изъ Евангелій и Посланій Апостольскихъ. Положившіе себѣ это за правило обыкновенно спѣшатъ все прочитать, не заботясь о томъ, приходитъ ли сердце въ умиленіе отъ прочитываемаго, и въ умѣ пораждa-

ются ли какія либо духовныя мысли и созерцанія; и когда не придется имъ всего прочитать, тревожно смущаются и мятутся, не о томъ, что лишились духовныхъ отъ чтенія плодовъ на созиданіе внутренняго своего человѣка, а что не все прочитано. Послушай, что говоритъ о семъ св. Исаакъ (въ сл. 30, стр. 199): „если хочешь насладиться стихословіемъ и постигнуть смыслъ произномыхъ тобой словесъ Духа, отложи въ сторону количество и мѣру стиховъ, да углубляется же умъ твой въ изученіе словесъ Духа, пока душа твоя удивленіемъ къ домостроительству не возбудится къ высокимъ ихъ разумѣніямъ и чрезъ это не подвигнется къ славословію, или душеполезной печали. Въ рабскомъ дѣланіи нѣтъ мира уму; а смущеніе обыкновенно отнимаетъ вкусъ у смысла и понятливости, и расхищаетъ мысли подобно пьявицѣ, высасывающей жизнь изъ тѣлъ съ кровію ихъ членовъ“ (см. еще его же сл. 52).

Если истинно желаешь добродѣтельно прейти теченіе настоящей жизни, не имѣй другой при семъ цѣли, кромѣ того, чтобъ обрѣтать Бога, гдѣ Онъ поблаговолитъ явить Себя тебѣ; и когда будешь сподобляемъ сего, пресѣкай всякое другое дѣло, и не подвигайся въ немъ впередъ,—забудь все другое, и упокоевайся въ единомъ Богѣ твоемъ; когда же благоугодно будетъ величеству Его взяться отъ тебя, и престать являть близость Свою къ тебѣ въ настоящемъ случаѣ, тогда опять можешь обращаться къ обычнымъ твоимъ духовнымъ упражненіямъ и продолжать ихъ, имѣя въ виду все ту же цѣль, т.-е. обрѣсти чрезъ нихъ Возлюбленнаго твоего, чтобъ обрѣтши Его, снова поступить также, какъ сказалъ я выше, т.-е. пресѣчь дѣланное дѣланіе, чтобъ упокоеваться въ Немъ единомъ. Замѣть сказанное тебѣ добрѣ, ибо много есть духовныхъ лицъ,

которыя лишаютъ себя спасительнаго плода мира отъ духовныхъ своихъ дѣланій тѣмъ, что длятъ ихъ, полагая, что потерпятъ ущербъ, если не доведутъ ихъ до конца, въ увѣренности, ложной конечно, что въ этомъ и состоитъ совершенство духовное. Слѣдуя такимъ образомъ волѣ своей, они много трудятъ и мучатъ себя, но не получаютъ покоя истиннаго и мира внутренняго, въ коемъ воистину обрѣтается и упокоевается Богъ.

Глава двадцать первая.

Не ищи утѣхъ и наслажденій, а единаго Бога.

Избирай всегда тягостное и прискорбное и не люби утѣхъ и удовольствій, отъ которыхъ не бываетъ никакой пользы для души; люби быть въ подчиненіи и зависимости отъ воли другихъ. Каждое дѣло да будетъ для тебя шагомъ въ приближеніи къ Богу, и ни одно дѣло да не будетъ тебѣ препоной на семъ пути. Вотъ что должно тебя радовать.—Одинъ Богъ да будетъ для тебя сладчайшимъ утѣшеніемъ, все же другое горечью. Всякую тяготу свою возноси къ Богу. Люби Его и Ему предай все свое сердце, безъ всякаго размышленія и страха. И Онъ найдетъ способъ разрѣшить всѣ твои недоумѣнія и возставитъ тебя, если ты палъ. Однимъ словомъ, если возлюбишь ты Бога, то получишь отъ Него всякое благо. Всего себя принеси въ жертву Богу, въ мирѣ и спокойствіи духа.

А чтобы успѣшнѣе тебѣ шествовать симъ путемъ безъ утомленія и смятенія, влагай волю свою въ волю Божію; чѣмъ полнѣе вложишь ты ее такъ, ничего себѣ не оставляя, тѣмъ болѣе получишь силы и утѣшенія. Воля твоя да будетъ такъ настроена, чтобъ же-

лать только того, что желаетъ Богъ, и не желать ничего изъ того, чего не желаетъ Богъ. Всегда и при всякомъ дѣлѣ возобновляй намѣреніе и рѣшимость души твоей быть во всемъ угоднымъ Богу. Не строй замысловъ на будущее время; ибо не знаешь, что *породитъ находящій день* (Прит. 27, 1); но держи себя ничѣмъ не связаннымъ и свободнымъ. Однакожъ этимъ не воспрещается всякому пещись съ разумнымъ попеченіемъ и стараніемъ о томъ, что потребно по его состоянію и званію: ибо такое попеченіе сообразно съ волею Божіей и не препятствуетъ внутреннему миру въ преданности Богу, и всякому преуспѣянію въ духѣ. Во всякомъ дѣлѣ держи рѣшимость сдѣлать по нему все что можешь, что подобаетъ и что обязательно для тебя, ко всему же другому при семъ будь равнодушенъ, и смиренно покаряйся тому, что послѣдуетъ изъ того для тебя совнѣ.

То, что всегда возможно для тебя дѣлать, есть приносить въ жертву Богу волю свою; и ничего больше этого не желай ты. Имѣя вслѣдствіе сего всегда свободу и ничѣмъ ни съ какой стороны не будучи связанъ, будешь ты всегда радоваться и мирствовать въ себѣ. Въ этой свободѣ духа состоитъ то великое благо, о которомъ слышишь ты въ писаніяхъ святыхъ. Она не иное что есть, какъ крѣпкое пребываніе внутренняго человѣка въ себѣ самомъ, по коему онъ не исходитъ внѣ желаніемъ взыскать что-либо внѣ его. И все время, какъ будешь ты держать себя такъ свободнымъ, будешь вмѣстѣ съ тѣмъ вкушать ту божественную и неизъяснимую радость, которая неразлучна съ царствіемъ Божіимъ, водворяющимся внутрь насъ, какъ сказалъ Господь: *се царствіе Божіе внутрь васъ есть* (Лук. 17, 21).

Глава двадцать вторая.

Не малодушествуй, когда отходитъ или пресѣкается внутренній миръ.

Часто случается испытывать идущимъ путемъ Божіимъ, какъ отходятъ и пресѣкаются въ нихъ святый миръ, сладкое уединеніе внутреннее и любезная свобода, а иной разъ отъ движеній сердца поднимается внутри такая пыль, что отъ ней не видно бываетъ пути, по которому слѣдуетъ идти. Когда и тебѣ случится испытать что подобное, вѣдай, что сіе попускаетъ тебѣ Богъ во благо тебѣ. Это-то и есть та брань, за которую святые Божіи увѣнчались свѣтлыми вѣнцами. Стой-же мужественно, воспоминая сіе въ срѣтившемъ тебя испытаніи. И при этомъ, какъ и во время всякаго другаго смущенія, воззрѣвши ко Господу, говори Ему отъ сердца: „Господи Боже мой! Призри на раба Твоего, и да будетъ на мнѣ воля Твоя. Вѣдаю и исповѣдую, что истина словесъ Твоихъ тверда и обѣтованія Твои не ложны. И на нихъ уповаю, стою я, не колеблясь на пути Твоемъ.“ Блаженна душа, которая предаетъ себя такимъ образомъ Господу всякій разъ, какъ испытываетъ смущеніе и тяготу! И если, несмотря на то, брань упорно стоитъ, и ты не можешь такъ скоро, какъ бы хотѣлось, согласовать и срастворить волю свою съ волей Божіею, не скорби и не малодушествуй, но продолжай предавать себя Богу и преклонись благодушно предъ опредѣленіями Его,—и симъ побѣдишь. Смотри, какую брань держалъ Христосъ Господь въ саду Гефсиманскомъ, когда человѣчество Его, сначала ужасаясь чаши, взывало: *Отче, аще возможно, да мимо идетъ Мене чаша*

сія; а потомъ возвратясь въ себя и вложивъ душу свою въ руки Божіи, полною и свободною волей, въ глубочайшемъ смиреніи изрекло: *обаче не якоже Азъ хощу, но якоже Ты* (Мѳ. 26, 39).

Когда находишься въ затрудненіи, не дѣлай никакого шага, не воздѣвъ прежде очей своихъ къ распятому на крестѣ Христу Господу. Тамъ увидишь ты большими буквами написаннымъ, какъ и тебѣ слѣдуетъ держать себя во встрѣченной тобою прискорбности. Спиши то оттуда на себя самого не буквами, а дѣйствіями своими, именно,—когда почувствуешь припадки самолюбиваго саможалѣнія, не внимай имъ и въ малодушіи не сходи со креста, но прибѣгни къ молитвѣ и терпи со смиреніемъ, стараясь побѣдить свою волю и восхотѣть твердымъ хотѣніемъ, да будетъ на тебѣ воля Божія. Если съ такимъ плодомъ отойдешь ты отъ молитвы, радуйся и торжествуй. Если же не достигнешь этого, то душа твоя останется постною, не вкусивъ свойственной ей пищи. Подвизайся, чтобъ ничто, даже на малѣйшее время, не вселялось въ душу твою, кромѣ единаго Бога. Ни о чемъ не печалься и ничѣмъ не огорчайся. Не обращай очей своихъ на лукавства другихъ и на худые ихъ примѣры; но будь какъ малое дитя, которое по незлобію своему не замѣчаетъ ихъ и минуетъ ихъ безвредно.

Глава двадцать третья.

Многи козни врага на разореніе внутренняго мира: блюдись.

Врагъ нашъ діаволъ радуется, когда смущается душа и сердце бываетъ въ тревогѣ. Почему всячески

ухищряется онъ возмущать души наши. Первымъ дѣломъ его въ сихъ покушеніяхъ бываетъ возбужденіе самолюбія, чтобъ по причинѣ его отступила благодать созидающая и хранящая внутренній миръ. Для сего внушаетъ мнѣніе, будто все, что есть и кажется намъ добрымъ въ насъ, стяжано собственнымъ нашимъ тщаніемъ и трудомъ, и отогнавъ смиреніе и простоту, располагаетъ придавать себѣ большую цѣну и вѣсъ и чувствовать себя чѣмъ-то важнымъ, покрывая забвеніемъ дѣйствіе благодати Божіей, безъ коей никто не можетъ даже имени Господа назвать, какъ свидѣтельствуетъ св. Павелъ, говоря: *никтоже можетъ рещи Господа Іисуса, точію Духомъ Святымъ* (1 Кор. 12, 3). Сія благодать всѣмъ вѣрующимъ подается и присутствіе ея служитъ признакомъ того, что кто нибудь есть истинно вѣрующій. Пріявъ же ее, вѣрующій не дѣлаетъ уже и не можетъ дѣлать ничего истинно добраго безъ ея помощи; и она всегда съ нимъ есть по обѣтованію Господа, и врагъ ничего не можетъ сдѣлать съ нимъ, пока она есть въ немъ и осѣняетъ его. Ее-то отдалить и силится всячески врагъ, и первое, что дѣлаетъ для сего, есть, какъ сказано, внушеніе самоцѣненія, или чувства, что мы не ничто, а нѣчто, и притомъ немаловажное. За тѣмъ принявшему такія внушенія врагъ подлагаетъ новое мнѣніе, состоящее въ увѣренности, что онъ лучше другихъ, ревностнѣе и богаче дѣлами. Успѣвши всадить такое мнѣніе, врагъ далѣе проводитъ его къ осужденію другихъ и презрѣнію, за коими неотступно слѣдуетъ гордыня. Все сіе можетъ произойти въ сердцѣ въ одно мгновеніе; всяко однакожъ благодать тотчасъ сокращаетъ свое дѣйствіе, вслѣдствіе чего появляется невниманіе къ себѣ, ослабленіе ревности, возникновеніе помысловъ сначала пустыхъ, а потомъ страстныхъ, далѣе движе-

ніе самыхъ страстей, съ чѣмъ неразрывна буря въ сердцѣ.—Миръ внутренній потерянъ. Это однократное состояніе и если опомнится пострадавшій сіе, то приходитъ въ себя, сокрушается, кается и молитвой возстановляетъ обычный ему внутренній строй. Врагъ прогнанъ; но онъ не отчаявается, а снова и снова приступаетъ съ тѣми же внушеніями, и съ тою же цѣлію—разстроить внутренній миръ.

Вѣдая сіе, брате мой, противопоставь покушеніямъ врага бодренное блюденіе себя, по слову Господа: *бдите и молитеся, да не внидете въ напасть* (Мѳ. 26, 41). Внимай себѣ со всѣмъ тщаніемъ, чтобы врагъ не подкрался и не обокралъ тебя, лишивъ великаго сего сокровища, т.-е. мира внутренняго и тишины душевной. Врагъ покушается разстроить душевный миръ, потому что знаетъ, что когда душа въ смятеніи, то ему подручнѣе направить ее на что-либо худое; а ты блюди свой миръ, вѣдая, что когда душа мирна, врагу нѣтъ къ ней доступа; и она тогда готова бываетъ на всякое добро и совершаетъ его охотно и безъ труда, легко преодолѣвая всякія къ тому препятствія. Чтобъ тебѣ удобнѣе въ этомъ успѣть, старайся предугадывать подступы врага. Подступъ врага—помыслъ самонадѣянный. Положи же себѣ въ законъ — всякій помыслъ, умаляющій въ тебѣ убѣжденіе, что все доброе отъ Бога, что безъ помощи благодати Его ты ни въ чемъ не можешь успѣть, и что тебѣ потому на Него единаго должно возлагать все упованіе, всякій такой помыслъ почитать явно вражескимъ, и какъ таковый, съ гнѣвомъ отвергать и преслѣдовать, пока исчезнетъ. Дѣло Духа Святаго въ насъ есть — души наши при всякомъ случаѣ возводить къ единенію съ Богомъ, возгрѣвая въ нихъ сладчайшую къ Нему любовь и

благая увѣренность въ Немъ и крѣпкое на Него упованіе; противное же сему есть дѣло врага.

Онъ всѣ способы и средства, какіе только можетъ изобрѣсть, употребляетъ на то, чтобъ разстроивать душу: наводитъ излишнія страхованія на сердце, увеличиваетъ разнемоганіе души, не даетъ душѣ сохранить должныя расположенія и усладиться, какъ слѣдуетъ, ни на исповѣди, ни при святомъ причастіи, ни въ молитвѣ, но дѣлаетъ то, что она все сіе проходитъ безъ смиреннаго дерзновенія и любви, страшливо и со смущеніемъ, — дѣлаетъ, что душа оскудѣніе религіозныхъ чувствъ и лишеніе внутренней сладости, какія нерѣдко случаются во время молитвы и другихъ духовныхъ упражненій, принимаетъ съ безнадежною скорбію,—внушая ей, что такое оскудѣніе не для блага ея Богомъ попущено, но что, значитъ, всѣ ея дѣла и труды ни къ чему не ведутъ, и что потому лучше бросить все это,—и чрезъ это—доводитъ ее наконецъ до столь великаго смущенія и безнадежія, что она и въ самомъ дѣлѣ думать начинаетъ, будто все, что ни дѣлаетъ, безполезно и безплодно, и что Богъ забылъ ее совершенно и оставилъ.

Но тутъ явная ложь. Пусть испытываетъ душа сухость и оскудѣніе религіозныхъ чувствъ и сладости духовной; но она, несмотря на то, можетъ дѣлать всякаго рода добрыя дѣла, слѣдуя простой вѣрѣ и вооружась святымъ терпѣніемъ и постоянствомъ. Впрочемъ, чтобъ тебѣ лучше это понять и чтобъ не послужило тебѣ во вредъ, если Богу благоугодно будетъ. для твоего блага, попустить въ тебѣ или послать тебѣ такое оскудѣніе духовнаго чувства и сладости, я изложу въ слѣдующей главѣ, какія блага происходятъ отъ смиреннаго терпѣнія, какое показываетъ кто во время сухости и охлажденія сердца, — да научишься

не терять душевнаго мира и не быть поглощаему скорбію, когда придется тебѣ пострадать это ли, или другое какое смутительное приражені помысловъ и страстныхъ движеній.

Глава двадцать четвертая.

Не должно смущаться оскудѣніемъ духовныхъ чувствъ и другими внутренними искушеніями.

Хотя въ седьмой главѣ я уже говорилъ о сухости и охлажденіи сердца и объ огорченіи, какое испытываетъ отъ того душа, но и теперь еще скажу нѣчто, что тамъ не досказано, — именно, что много пользы доставляютъ душѣ такое огорченіе и эта сухость сердца, или оскудѣніе духовной радости и сладости, когда принимаемъ ихъ и переносимъ со смиреніемъ и терпѣніемъ. И еслибъ человѣкъ зналъ напередъ эту пользу, то всеконечно не тяготился бы и не огорчился, когда случилось бы ему испытать такое состояніе. Ибо тогда онъ не считалъ бы этого горькаго оскудѣнія внутреннихъ духовныхъ утѣшеній знакомъ неблаговоленія Божія, а видѣлъ бы въ семъ дѣло особенной къ себѣ любви Его, и потому принялъ то съ радостію, какъ великую милость Божію.

Уже то одно не чуждо утѣшенія, что такія состоянія испытываютъ преимущественно такія лица, которыя съ особенною ревностію предаются на служеніе Богу и съ особеннымъ вниманіемъ стараются избѣгать всего, что можетъ оскорбить Его,—и испытываютъ не въ началѣ своего къ Богу обращенія, а уже послѣ того, какъ довольно поработаютъ Ему, когда довольно очистятъ сердце свое священною молитвою и сокру-

шеніемъ, когда восчувствуютъ нѣкую духовную сладость, теплоту и радость, и когда вслѣдствіе того положатъ всецѣло посвятить себя Богу, и уже начнутъ это дѣло. И не видимъ, чтобы грѣшники и тѣ, которые преданы суетамъ житейскимъ и мірскимъ, испытывали что подобное и подвергались такимъ искушеніямъ. Изъ сего ясно видно, что эта горечь есть честная и драгоцѣнная трапеза, къ которой Богъ приглашаетъ любимцевъ Своихъ на угощеніе, и хотя она во время вкушенія не такъ пріятна, однако многую приноситъ намъ пользу, несмотря на то, что это не видится, когда вкушаемъ ее. Ибо душа, находясь въ состояніи такой сухости, вкушая эту горечь и страдая отъ такихъ искушеній и помысловъ, о которыхъ одно воспоминаніе приводитъ въ трепетъ, отравляетъ сердце и совсѣмъ почти убиваетъ внутренняго человѣка — находясь, говорю, въ такомъ состояніи, душа научается не довѣрять себѣ и не полагаться на свое благонастроеніе, и пріобрѣтаетъ истинное смиреніе, котораго такъ желаетъ отъ насъ Богъ; къ тому же воодушевляется взыскать теплѣйшей къ Богу любви, тщательнѣйшаго вниманія къ своимъ помысламъ и сильнѣйшаго мужества къ перенесенію такихъ искушеній безъ вреда, и выходитъ изъ борьбы сей съ *чувствами обученными къ вѣрнѣйшему различенію добра же и зла,* какъ сказалъ св. Павелъ (Евр. 5, 14); хотя, повторю опять, она, не видя сихъ сокровенныхъ благихъ плодовъ, смущается и бѣжитъ сказанной горечи, такъ какъ не желаетъ и малое время пребыть безъ вкушенія духовныхъ утѣшеній, и безъ нихъ всякое другое упражненіе духовное почитаетъ временемъ напрасно потеряннымъ и трудомъ безплоднымъ.

Глава двадцать пятая.

Искушенія всякія во благо намъ посылаются.

Чтобъ понятнѣе было тебѣ, какъ всякія вообще искушенія посылаются Богомъ на пользу намъ, прими во вниманіе, что скажу. Человѣкъ, по влеченію растлѣннаго естества своего, гордъ, славолюбивъ, любитъ показность, крѣпко стоитъ за свои мысли и рѣшенія, и желаетъ всегда быть высоко цѣнимъ всѣми, гораздо выше нежели онъ есть на самомъ дѣлѣ. Такое самоцѣненіе и самомнѣніе крайне пагубно въ дѣлѣ духовнаго преспѣянія, такъ что одной тѣни его достаточно, чтобъ не дать человѣку достигнуть истиннаго совершенства. Почему человѣколюбивый Отецъ нашъ небесный, премудро промышляя о всѣхъ насъ, особенно же о тѣхъ, кои искренно предали себя на служеніе Ему, искушеніями, какимъ попускаетъ найти на насъ, поставляетъ насъ въ такое настроеніе, въ коемъ легко можемъ избѣжать страшной опасности отъ этого самоцѣненія, и почти вынужденно дойти до истиннаго смиреннаго себя познанія: такъ сдѣлалъ Онъ со святымъ Апостоломъ Петромъ, попустивъ ему трижды отвергнуться Его, чтобъ онъ позналъ немощь свою и пересталъ надѣяться на себя самого, и со св. Павломъ, на котораго послѣ того, какъ восхитилъ его до третьяго неба и открылъ ему божественныя свои неизреченныя таинства, наложилъ нѣкое докучливо-тягостное искушеніе, чтобъ онъ, нося въ себѣ такое указаніе на свое безсиліе и ничтожество, преуспѣвалъ въ смиреніи и хвалился только немощами своими, и чтобы это величіе откровеній, какихъ сподобился онъ отъ Бога, не ввело его въ превозношеніе, какъ самъ

онъ о себѣ свидѣтельствуетъ: *чтобъ я не превозносился чрезвычайностію откровеній, дано мнѣ жало въ плоть, ангелъ сатаны, удручать меня, чтобъ я не превозносился* (2 Кор. 12, 7).

Итакъ Богъ, движимый состраданіемъ къ этой несчастной безаконной склонности нашей (высоко всегда о себѣ думать), попускаетъ, чтобъ на насъ разными путями находили искушенія, нерѣдко очень тяжелыя, чтобы мы, познавая немощь свою, смирялись. Въ этомъ Господь являетъ вмѣстѣ благость Свою и премудрость: ибо тѣмъ, что наиболѣе кажется вредоноснымъ, наибольшую доставляетъ намъ пользу, потому что смиряетъ, смиреніе же паче всего потребно и благотворно для души нашей. Если такимъ образомъ всѣ искушенія даются для наученія смиренію, то слѣдуетъ, что и рабъ Божій, чувствующій въ сердцѣ своемъ сказанныя горькія состоянія,—сухость, безвкусіе духовное, оскудѣніе духовныхъ утѣшеній,—испытываетъ сіе, чтобъ научился смиряться, подумавъ, что такъ бываетъ съ нимъ по грѣхамъ его, что невозможно, чтобъ кто-нибудь имѣлъ столь скудную всѣмъ душу, какъ онъ, и чтобъ кто-нибудь работалъ Богу съ такою холодностію, какъ его душа, и что такія состоянія находятъ только на тѣхъ, которыхъ оставляетъ Богъ, а слѣдовательно и онъ оставленъ, и оставленъ заслуженно. Отъ такихъ смиренныхъ помысловъ пораждается вотъ какое благо,—что тотъ, кто прежде думалъ о себѣ, что онъ есть нѣчто, и нѣчто очень важное, теперь, по испытаніи горькаго врачевства, посланнаго ему свыше, начинаетъ думать, что онъ наигрѣшнѣйшій человѣкъ въ мірѣ, недостойный даже и имени христіанина. И, поистинѣ, никогда онъ не пришелъ бы къ такому уничиженному о себѣ мнѣнію и въ такое глубокое смиреніе, еслибъ не понудили его къ

тому эти особенныя искушенія, эта великая скорбь и горечь сердца, которыя потому суть великая милость, Богомъ оказываемая въ сей жизни душѣ, смиренномудренно Ему себя предающей, чтобъ Онъ, какъ Ему благоугодно, исцѣлилъ ее такими врачевствами, какія одинъ Онъ совершенно вѣдаетъ и находитъ необходимымъ для ея оздравленія и приведенія въ доброе состояніе.

Кромѣ этого плода, приносимаго душѣ сказанными искушеніями чрезъ оскудѣніе духовныхъ утѣшеній, бываютъ отъ сего и другіе многіе плоды. Сокрушенный такими внутренними тяготами, нуждно нудится прибѣгать усердно къ Богу за взысканіемъ скорой помощи отъ Него, старательно дѣлаетъ все, почитаемое пригоднымъ къ уврачеванію душевной скорби и прогнанію горечи сердца, и чтобъ избавиться на будущее время отъ такого душевнаго мученичества, полагаетъ твердое намѣреніе тещи прочее путемъ духовной жизни со всѣмъ вниманіемъ, къ движеніямъ сердца избѣгая даже тѣни грѣха и всякой, даже легкой, неисправности, могущей отдалить его отъ Бога и Бога отъ него, какимъ бы то ни было образомъ. Такимъ образомъ эта скорбь, которую онъ считалъ столь противною его цѣлямъ и вредительною, бываетъ послѣ сего для него жаломъ, возбуждающимъ искать Бога съ большею теплотой и съ большимъ рвеніемъ удаляться отъ всего того, что находитъ несообразнымъ съ волей Божіею. Коротко сказать,—всѣ скорби и мученія, какія претерпѣваетъ душа во время внутреннихъ искушеній и оскудѣнія духовныхъ утѣшеній и сладостей, не другое что суть, какъ любовію Божіею устрояемое очистительное врачевство, коимъ очищаетъ ее Богъ, если она со смиреніемъ и терпѣніемъ переноситъ ихъ. И всеконечно онѣ уготовляютъ такимъ терпѣливымъ стра-

дальцамъ вѣнецъ, стяжеваемый только посредствомъ ихъ, и вѣнецъ тѣмъ болѣе славный, чѣмъ болѣзненнѣе бываютъ мученія сердца, претерпѣваемыя во время ихъ.

Изъ сего явствуетъ, что не слѣдуетъ намъ крайне смущать и мучить себя, какъ по причинѣ другихъ искушеній внѣшнихъ, находящихъ на насъ, такъ и по причинѣ сказанныхъ искушеній внутреннихъ, какъ дѣлаютъ тѣ, которые мало имѣютъ опытности въ этомъ отношеніи, и то, что происходитъ отъ Бога, почитаютъ происходящимъ отъ діавола, или отъ своихъ грѣховъ и несовершенства своего, — знаменія любви Божіей признаютъ знаменіями Его гнѣва, благодѣянія и дары относятъ къ бичамъ и ударамъ, наносимымъ по крайнему Его на нихъ негодованію,—все что ни дѣлали и ни дѣлаютъ, почитаютъ излишнимъ трудомъ ничего незаслуживающимъ, и претерпѣваемую ими потерю — неимѣющею врачевства. Ибо еслибъ они вѣрили, что отъ такихъ искушеній никакого не бываетъ ущерба въ стяжаніи добродѣтелей, а напротивъ великое ихъ приращеніе, когда душа принимаетъ ихъ со смиреніемъ и переноситъ съ благодарностію, и еслибъ вѣрили, что онѣ суть устроенія любительнаго Божія къ нимъ благоволенія; то не смущались бы крайне и не теряли сердечнаго мира отъ того, что подвергаются такимъ искушеніямъ, испытываютъ неумѣстные и срамные помыслы, и бываютъ сухи и хладны во время молитвы и другихъ упражненій духовныхъ. Но паче смиряли бы тогда души свои предъ Богомъ и полагали въ сердцѣ своемъ рѣшеніе во всякомъ дѣлѣ исполнять волю Божію, такъ какъ симъ только образомъ Богъ желаетъ быть угождаемымъ въ мірѣ семъ, и всячески старались хранить себя мирными и покойными, принимая все случающееся какъ отъ руки небеснаго Отца.

отъ которой исходитъ и эта горькая чаша, которую они испиваютъ въ настоящее время. Ибо, пусть и отъ діавола бываетъ какое искушеніе, или отъ людей, или по причинѣ грѣховъ; но всячески оно зависитъ отъ Бога и Имъ посылается во благо намъ и отвращеніе какого либо большого искушенія.

Глава двадцать шестая.

Врачевство противъ смущенія какими-либо легкими погрѣшностями и слабостями.

Если случится тебѣ впасть въ какое-либо простительное погрѣшеніе дѣломъ или словомъ, именно обезпокоиться какою-либо случайностію, или осудить, или услышать, какъ осуждаютъ другіе, или поспорить о чемъ, или испытать движеніе нетерпѣнія, суетливости, и подозрѣнія другихъ, или попеберечь о чемъ,—то не слѣдуетъ крайне смущаться или скорбѣть и отчаяваться, помышляя о томъ, что ты сдѣлалъ, тѣмъ болѣе прилагать къ тому печальныя о себѣ думы, что вѣрно тебѣ никогда не освободиться отъ такихъ слабостей, или что сила твоего произволенія работать Господу слаба, или что ты, не какъ слѣдуетъ, шествуешь путемъ Божіимъ,—при всякомъ подобномъ случаѣ обременяя душу свою тысячами и другихъ страховъ, отъ малодушія и печали.

Ибо отсюда что выходитъ? То, что ты стыдишься предстать предъ Богомъ съ дерзновеніемъ, какъ оказавшійся невѣрнымъ Ему, напрасно тратишь время на разсматриваніе, сколько времени пробылъ ты въ каждомъ погрѣшеніи, сосложился ли съ нимъ и возжелалъ его или нѣтъ, отвергъ ли такой и такой помыслъ или нѣтъ, и подобное. И чѣмъ больше мучишь себя такъ, тѣмъ

больше увеличивается въ тебѣ разстройство духа, туга и нехотѣніе исповѣдаться. Но и когда пойдешь на исповѣдь, и исповѣдуешься со смутительнымъ страхомъ, и послѣ исповѣди опять не находишь покоя; ибо тебѣ кажется, что не все сказалъ. И живешь ты такимъ образомъ жизнію горькою, неспокойною и малоплодною, напрасно тратя много времени. И все это происходитъ оттого, что мы забываемъ о своей естественной немощи, и выпускаемъ изъ виду, какъ слѣдуетъ душѣ относиться къ Богу, именно, что когда душа впадаетъ въ какое-либо простительное и несмертное погрѣшеніе, то ей слѣдуетъ со смиреннымъ покаяніемъ уповательно обращаться къ Богу, а не томить себя излишнею о томъ печалію, тугою и горечію.

Говорю это о простительныхъ согрѣшеніяхъ: ибо только въ нихъ умѣстно падать душѣ, воспріявшей строгую жизнь, нами здѣсь изображаемую. Мы обращаемъ здѣсь рѣчь свою къ тѣмъ, которые живутъ духовною жизнію и дѣятельно ищутъ преуспѣянія въ ней, всячески избѣгая грѣховъ смертныхъ. Для тѣхъ же, которые живутъ не строго, а какъ случится, не тревожась, если и смертнымъ грѣхомъ оскорбятъ Бога, потребно другое слово. Не для нихъ—сказанное предъ симъ врачевство. Имъ надлежитъ глубоко скорбѣть и горько плакать, строго всегда обсуждать свою совѣсть и исповѣдывать безъ жалѣнія себя всѣ грѣхи свои, и никакихъ не должны они по нерадѣнію лишать себя средствъ, необходимыхъ къ уврачеванію и спасенію ихъ.

Покаяніе всегда должно быть водушевлено и проникнуто крѣпкимъ упованіемъ на Бога, и при легкихъ каждодневныхъ паденіяхъ, а тѣмъ паче при болѣе тяжкихъ погрѣшеніяхъ, чѣмъ обычныя, въ которыя падаетъ иногда и усердный рабъ Божій, по попущенію. Ибо сокрушеніе покаянное, которое только мучитъ и

грызетъ сердце, никогда не возставляетъ души въ благонадежное настроеніе, если не бываетъ соединяемо съ твердымъ упованіемъ на милосердіе и благость Божію. Такое упованіе непрестанно должно исполнять сердца ревнующихъ достигнуть высшихъ степеней христіанскаго совершенства. Оно оживляетъ и приводитъ въ напряженіе всѣ силы души и духа. Но многіе, вступившіе на путь духовной жизни, не заботясь о немъ, останавливаются въ своемъ теченіи съ сердцемъ разслабленнымъ, не подвигаясь впередъ, за что негожими бываютъ къ полученію благодатныхъ благъ, кои размѣстилъ Господь на пути семъ и коихъ обыкновенно сподобляются одни ревнители, съ неослабнымъ усиліемъ по нему текущіе все впередъ и впередъ.

Наипаче же, испытывающіе какую-либо тревогу сердечную, или какое-либо недоумѣніе, или раздвоеніе въ совѣсти своей, должны обращаться къ духовному отцу своему, или къ другому кому, опытному въ дѣлѣ духовной жизни, сопровождая сіе упованиельною молитвой, да откроетъ Господь чрезъ нихъ истину и подастъ успокоительное разрѣшеніе недоумѣній и смущеній; и затѣмъ совершенно успокоиваться на ихъ словѣ.

Глава двадцать седьмая.

Смущенному тотчасъ надо возстановить миръ душевный.

Всякій разъ, какъ впадешь въ какое простительное погрѣшеніе, хотя бы то тысячу разъ случилось на день, какъ только замѣтишь то, не мучь себя и не трать времени напрасно, но тотчасъ смирись, и сознавъ немощь свою, обратись упованиельно къ Богу и воззови къ Нему изъ глубины сердца: „Господи, Боже мой! Я сдѣлалъ это потому, что ужъ я таковъ, что отъ меня

ничего другаго и ожидать нельзя, кромѣ такихъ погрѣшеній, или чего-нибудь и больше того, если благодать Твоя не поможетъ мнѣ, оставя меня съ однимъ собою. Сокрушаюсь о сдѣланномъ, потому особенно, что не отвѣчаю исправностію жизни Твоимъ о мнѣ попеченіямъ, но все падаю и падаю. Прости мнѣ и дай мнѣ силу не оскорблять Тебя болѣе и ни въ чемъ не отступать отъ воли Твоей. Ибо я усердно желаю работать Тебѣ и благоугождать и во всемъ быть Тебѣ послушнымъ." Сдѣлавъ это, не томись думаніемъ, простилъ ли тебя Богъ. Господь близъ и внемлетъ воздыханіямъ рабовъ Своихъ. Успокойся же въ этой увѣренности, и успокоившись, продолжай обычныя занятія, какъ бы съ тобой ничего не случилось.

Такъ тебѣ не одинъ разъ поступить должно, но если нужно, сто разъ и каждую минуту, и въ послѣдній разъ съ такимъ же совершеннымъ упованіемъ и къ Богу дерзновеніемъ, какъ и въ первый. Дѣйствуя такъ, ты будешь воздавать великое чествованіе безпредѣльной благости Бога, Коего всегда долженствуешь ты созерцать безпредѣльно къ намъ благоутробнымъ. Вслѣдствіе сего ты непрестанно будешь преуспѣвать въ жизни своей и все подвигаться впередъ, не теряя напрасно времени и труда.

Охранять миръ свой внутренній, при впаденіи въ указанныя выше погрѣшенія, можешь ты еще поступая такъ: съ внутреннимъ дѣйствіемъ сознанія своего окаянства и смиренія себя предъ Богомъ подвигнись и на теплое воспоминаніе великихъ милостей, тебѣ лично явленныхъ Богомъ, и тѣмъ, ожививъ въ себѣ любовь къ Нему, расположи себя къ благодаренію и славословію Его, и самымъ дѣломъ возблагодари и возславословь Его тепло изъ глубины души. Поелику благодареніе и славословіе Бога есть самое высшее

проявленіе живаго союза нашего съ Богомъ; то плодомъ паденія твоего, если разумно къ нему отнесешься, будетъ съ помощію Божіею вящшее возвышеніе твое къ Нему. Это слѣдовало бы поимѣть во вниманіи тѣмъ, которые слишкомъ мятутся и мучатся при малыхъ погрѣшеніяхъ, чтобъ увидѣть какъ велика слѣпота ихъ въ семъ случаѣ, и какъ они сами себѣ вредятъ по неразсудительности своей. Для нихъ собственно и дѣлаемъ мы послѣднее указаніе, дающее въ руки наши ключъ, которымъ душа отверзаетъ великую духовную сокровищницу, и въ короткое время обогатиться можетъ, благодатію Господа нашего Іисуса Христа, Коему подобаетъ всякая слава, честь и поклоненіе, со безначальнымъ Его Отцемъ и Святымъ Духомъ, нынѣ и во вѣки вѣковъ.

А м и н ь.

Изданія Аѳонскаго Русскаго Пантелеимонова монастыря.

Напоминаніе всечестнымъ инокинямъ о томъ, чего требуетъ отъ нихъ иночество. Слова Епископа Ѳеофана. Изданіе 2-е. Москва. 1897 года. Цѣна 25 к., съ перес. 35 к.

Слова на Господскіе, Богородичные и торжественные дни. Его же. Изданіе 2-е. Москва. 1899 г. Цѣна 70 к., съ пересылкой 90 к.

О покаяніи, причащеніи св. Христовыхъ Таинъ и исправленіи жизни. Слова его же въ св. Четыредесятницу и приготовительныя къ ней недѣли. Изданіе 5-е. Москва. 1895 г. Цѣна 60 к., съ перес. 80 к.

Семь словъ въ недѣли приготовительныя къ посту и на первую недѣлю поста. Его же. Взято изъ «Писемъ о христіанской жизни». Изданіе 3-е. Москва. 1902 г. Цѣна 7 к., съ пересылкой 10 к.

Пять поученій о пути ко спасенію. Его же. Изданіе 4-е. Москва. 1901 г. Цѣна 5 к., съ пересылкой 7 к.

Четыре бесѣды по руководству книги «Пастырь» св. Ермы. Его же. Изданіе 3-е. Москва. 1898 года. Цѣна 5 к., съ пересылкой 7 к.

Четыре слова о молитвѣ. Его же. Изданіе 5-е. Москва. 1904 г. Цѣна 5 к., съ пересылкой 7 к.

О совершенномъ обращеніи къ Богу отъ прелестей міра и грѣха. Слова его же. Изданіе 3-е. Москва. 1903 г. Цѣна 10 к., съ пересылкой 12 к.

Наши отношенія къ храмамъ. Слова его же. Изданіе 2-е. Москва. 1900 г. Цѣна 15 коп., съ перес. 20 к.

Небесный надъ нами покровъ святыхъ и уроки отъ лица ихъ во дни празднственнаго чествованія ихъ. Слова его же. Изданіе 2-е. Москва. 1901 г. Цѣна 25 к., съ пересылкой 30 к.

На разные случаи. Слова его же. Изданіе 2-е. Москва. 1897 г. Цѣна 12 к., съ пересылкой 15 к.

О православіи, съ предостереженіями отъ погрѣшеній противъ него. Слова его же. Изданіе 2-е. Москва. 1902 г. Цѣна 40 к., съ пересылкой 50 к.

Внутренняя жизнь. Слова его же. Изданіе 2-е. Москва. 1899 г. Цѣна 25 к., съ пересылкой 30 к.

Богоугодная жизнь вообще. Слова его же. Изданіе 2-е. Москва. 1899 г. Цѣна 20 к., съ пересылкой 25 к.

Девять словъ по случаю пожаровъ въ Тамбовѣ и губерніи Тамбовской. Его же. Изданіе 2-е. Москва. 1897 г. Цѣна 10 коп., съ пересылкой 14 коп.

Всѣ вышеозначенные 15 книгъ составляютъ полное собраніе словъ и рѣчей покойнаго святителя Ѳеофана, затворника Вышенскаго.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Подписано в печать 14.05.91г. Формат 60х90/16. Бумага офсетная.
Усл.печ.л. 19,00 Усл. кр.-отт. 18,87 Уч.-изд.л. 14,25
Тираж 50000 экз. Заказ №20883. Цена 8 руб.

Издательское предприятие "Тритон". 191187, Ленинград, ул. Воинова, 18.

Издательское предприятие
"Тритон"
готовит к выпуску

Трехтомную книгу **"Моя жизнь во Христе"** святого и праведного Иоанна Кронштадского. Дневник святого отца содержит бесценные духовные наблюдения и наставления, столь необходимые современному православному христианину. Особенная ценность книги заключается в том, что ее автор, опытно познавший и усвоивший учение древних святых отцов, – наш современник, прекрасно понимавший мучительные проблемы и вопросы нашего века и сумевший найти их верное решение в евангельском духе.

Издательское предприятие
"Тритон"
готовит к выпуску

Священник о. Родион

Православие и современность. Образы искушения современного человека падшими духами.

Каждый век ставит перед верующим христианином свои проблемы и вопросы, которые требуют богословского осмысления и разрешения в духе святоотеческой традиции. Наш XX век поставил перед лицом христианства свои проблемы, которые зачастую не были разработаны св. отцами прошлых столетий, ибо они пред ними просто не возникали. В этой книге автор постарался религиозно осмыслить и показать христианское отношение к ряду характерных для нашего времени явлений.

Это объяснение феномена НЛО и полтергейста согласно святоотеческому учению, рассмотрение экстрасенсов, их происхождения и сущности в православном контексте, объяснение астрологии и магии с христианской позиции.

Завершает книгу глава "мистические корни преступности", в которой на современном фактическом материале выявлены и показаны онтологические корни все возрастающей преступности, заключающиеся в открытости душ людей для воздействия нечистых духов, в так называемой массовой одержимости современного поколения.

Предваряет книгу глава, посвященная учению Православной церкви о падших духах и образах их воздействий на человека. Что и определило название книги "Образы искушения современного человека падшими духами".

Издательское предприятие
"Тритон"
готовит к выпуску

ПРАВОСЛАВНЫЙ МОЛИТВОСЛОВ И ПСАЛТЫРЬ

275 страниц. Предваряется наставлением "как вести себя православному христианину в храме Божием." Содержит в себе полное собрание утренних и вечерних молитв. Каноны: ко Господу Иисусу Христу, Пресвятой Богородице, Ангелу-хранителю, Иоанну Предтече. Акафисты: Иисусу Сладчайшему, Богородице, свят. Николаю. Последование к Св. Причащению и благодарственные молитвы по нем. Тропари праздникам, молитвословия из Триоди постной и цветной, также тропари воскресные и дневные. Заповеди Божии, молитвы на разные случаи жизни. Молитвы перед началом чтения Псалтыри, псалмы, молитвы по прочтении нескольких кафизм или всей Псалтыри. Канон молебной при разлучении души от тела, последование по исходе души от тела. О истории и значении Псалтыри в жизни христианина, о чтении Псалтыри по усопшим.

48